

Петроградский Губернский Совет Профессиональных Союзов

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

АРХИВ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ,

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России.

КНИГА ВТОРАЯ

ПЕТРОГРАД—1921.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ

„Архива истории труда в России“.

Часть первая.

	Стр.
1. На московско-новгородской парусной фабрике. Марии Мурзановой	1—7
2. Жизнь рабочих на кренгольмской мануфактуре. (Волнения рабочих в 1872 г.). С. Фарфоровского	8—14
3. Был-ли первоначально русский север крестьянским? С. Платонова	15—18
4. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. К. Пажитнова	19—24
5. Бурлаки в первой половине 19 го века. Ю. Гессена	25—36
6. Фабрично-заводские волнения и фабричное законодательство. В. Колпенского	37—43
7. Морозовская стачка 1885 года. Р. Кантора	44—53
8. Устройство быта свободных хлебопашцев. В. Бирюковича	54—64
9. Условия труда на петербургских заводах по данным 1901 г. А. Блека	65—85
10. Из истории производств в С.-Петербурге за 18-й век и первую четверть 19-го века. П. Столпянского	86—104
11. Цехи «вольных матросов» в Новороссийском крае в 1830-53 г.г. А. Путилова	105—107

Часть вторая.

12. Первые шаги легализованного профессионального движения в России. Сообщ. Р. Кантор	108—123
13. Из официальной записки о крестьянских беспорядках в 80-х годах 19-го века. Сообщ. В. Колпенский	124—127
14. Пидипоны или крестьяне-старообрядцы. Н. Мурзанова	128—131
15. Волнения среди фабрично-заводских рабочих. К. Пажитнова	132—137
16. Крестьяне-самоучки. Наталии Платоновой	138—140
17. Факты и цифры. Заметки архивистов	141—155

Движение среди петербургских рабочих в 1901 г.—Об оставлении рабочими работ на фабрике в Вышнем-Волочке.—К вопросу об освобождении беглых бродяг от крепостной работы.—К статистике горнозаводских рабочих (1828 г.).—Бригье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек (1844 г.).—Стоимость наемного труда на полевых работах по данным 1871 г.

Часть третья.

18. Сообщения Ученой комиссии по исследованию истории труда в России	156—158
--	---------

На московско-новгородской парусной фабрике.

(1696—1772—1829 г.г.).

В 1696 году, в Москве, на берегу реки Яузы, была устроена фабрика, называвшаяся до 1703 года «хамовой двор» и поставлявшая полотна на московских царей. Фабрика находилась в ведении Разряда. 1 мая 1703 года Петр Великий повелел «хамовой двор» вести в Адмиралтейской Канцелярии и готовить на нем парусные полотна для флота, а согласно указу 20 мая 1720 года на московский хамовой двор был назначен управителем Иван Тимерман, самый же «двор» перешел в ведение Адмиралтейств-Коллегии. Тимерману было выдано из казны 20000 рублей, и он обязался ежегодно поставлять в адмиралтейство по 3000 кусков полотна безденежно, лишнее же количество полотна продавать, возвращая деньги в «фабричную казну», а за свое «смотрение» за фабрикой получать 10-ую долю с каждого сорта полотна и из этих же денег держать бухгалтера и писарей. Жалованья Тимерману не полагалось, но он получал до 1200 рублей в год (в 1743 г. директором фабрики был назначен его племянник—Иван Баркузен). На московской парусной фабрике выделывались полотна: канифас, карелдук, олонецкое, брезендук, клавердук, брамзелдук, а также флагдук, тик и матросские шляпы (последние с 1753 г.). По расчету 1769 года было приготовлено всяких полотен, тик и флагдуку 277430 аршин; матросских шляп иной год делывалось до 6000.

Рабочие получали чрезвычайно малую, так называемую «задельную» плату, зачастую не свыше 15-ти рублей в год, из которых еще делались вычеты «за медикамент», за нахождение в госпитале, или часть тратилась самими рабочими на покупку свечей для казенных работ в темное зимнее время; кроме этих денег рабочим ничего не полагалось, ни квартир, ни провианта, ни дров.

2 апреля 1775 года мастера заявили о своем бедственном положении; проси производить им месячный провиант, они указывали, что, в случае отказа, принуждены будут посылать своих детей по миру. Московская Адмиралтейская Контора присовокупила, в свою очередь, что при неисполнении этой просьбы «мастерские всекопечно принуждены будут нищенствовать или впадать во всякие шалости». Просьба рабочих была удовлетворена: 3 июля 1775 г. было повелено производить выдачу месячного провианта всем, кто не выработывает в год более 15 рублей. Но в 1775 году московская фабрика уже находилась в агонии, после «моровой язвы», поразившей ее в 1771 году. Страшная болезнь эта, распространившаяся по Москве с ужасающей силой, погубившая в ней за три осенних месяца более 46230 человек, не считая погребенных тайно, каковых было чрезвычайно много, не пощадила и парусную фабрику: из 704-х чел. осталось в живых только 90. Московская фабрика не могла оправиться от этого бедствия; почти во всех документах того времени она стала называться не иначе, как «разоренной от язвы».

И вот родилась мысль—не восстанавливать фабрику в Москве, а перевести ее в Новгород, представлявший многие удобства и выгоды, как для казны, так и для самого Новгорода, «чтобы сему городу доставить пропитание», как говорилось в одном документе.

7 января 1772 г. Екатерина II возбудила в Адмиралтейств-Коллегии вопрос, вельзя ли «разоренную от язвы московскую адмиралтейскую фабрику перевести в Новгород, где псковский лен и пеньку будет получать из первых рук, а также и из Украины, чрез Зубов или Селлигеру?». Адмиралтейств-Коллегия высказалась в пользу этого проекта¹⁾.

Подрядившиеся построить фабрику, с.-петербургский купец и коронный поверенный Ив. Ф. Антонов и кап. К. Бриммер, обязались окончить постройку в 3 года, получив за все каменное строение 70601 р. 23 коп., а за деревянное—57952 р. 9³/₄ коп.

Работы по строению фабрики начались в 1774 г. и закончены в 1778 г. Каменными были: главное строение ткачам, пеньковые амбары, канцелярия и караульня, флагдучная и шпильная красильня, кузницы, покои под поклажу золы, покои для варения и сушки пряж, жомная и сушильня; деревянными: 117 домов для рабочих, дома для директора, бухгалтера и лекаря, госпиталь, бани и столярная мастерская. Для наблюдения за правильностью постройки толчайных мельниц, плотин и водяных колес подрядчики просили назначить знающего мастера от казны, отказываясь от обязанности их перестраивать в случае неправильной постройки.

В 1778 году земля, отведенная под фабрику, была отмежевана от всех «посторонних» земель²⁾.

На новгородской парусной фабрике предполагалось поставить до 500 ткацких станов, но к 1786 году на ней было лишь 304, в 1807 году станов имелось только 240, а к 1812 г. 300. Новгородская фабрика наследовала все станы, инструменты и материалы упраздненной московской.

Работы на московской фабрике не прерывались до тех пор, пока новопостроенная новгородская ее преемница не начала своей деятельности. Директором новой фабрики стал бывший директор московской фабрики, Баркузен.

Из Москвы были переведены в Новгород и те 90 мастеровых, которые избежали смерти от моровой язвы. Для укомплектования новгородской фабрики рабочими предложено было нанимать желающих из русских или иностранцев. Указывалось и на то, что новозаведенная фабрика «неминуемо всех праздных новгородских жителей к сей работе притянет, им доставит пропитание и предовольно чрез то достанет ей рук». Для призыва рабочих на фабрику чаще всего прибегали к так наз. «публикам», иначе публикациям, или к так наз. «припечатанию в ведомостях», при чем призыв касался не одних мужчин, но «равно и женок». Поиски делались через Наместнические Правления. Особенно долго не могли найти главного или старшего мастера, так наз. «установителя». Наконец, место старшего мастера временно занял подмастерье бывшей московской фабрики П. Усов, прибывший в 1778 г. на новгородскую фабрику с шестью рабочими. Усову предписывалось особенно следить за поведением рабочих, которых за шум, ссоры и драки повелевалось ему «шрафовать палкою или линьком, с умеренностью».

В декабре 1779 г. из Москвы в Новгород отправлены были тремя партиями мастеровые с разными инструментами и материалами: первая на 79 подводках, вторая на 95. Всего было переведено из Москвы 110 фабричных служителей, не считая членов их семейств. За подводки было уплачено 1690 руб. 50 к. На дорогу фабричным рабочим были назначены пособия: 15 рублей семейным, у которых число членов семьи превышало 4; у которых было менее 4-х, тем 10 рублей; холостым же, вдовым и подросткам по 5 рублей. Деньги эти выданы были по частям: половина в Москве, а другая по приезде в Новгород. Впоследствии комплект фабрики

¹⁾ В архиве бывшего морского министерства имеется особое собрание материалов о Новгородской парусной фабрике, вскрывающих ее историю и рисующих положение ее рабочих. Кроме того, и в архивных фондах других учреждений имеются данные о новгородской фабрике.

²⁾ Из 2-х межевых книг (д. Новг. п. ф. № 2) узнаем, что фабрика была расположена в Новгородском уезде, в Градском стану, на земле, бывшей новгородского архиерея, а в 1778 году принадлежавшей ведомству Государственной Коллегии Экономии, по правому берегу реки Веряжи, против деревень «Новая Мельница» и «Коромылова», а также на земле с правой стороны реки Волкова, граница: 1) с землей Звериного девичья монастыря 2) с землей Духова монастыря, 3) с землей церкви Космы и Дамиана, 4) с землей ямщиков Троицкой ямской слободы, 5) с санными покосами, называемыми «спасовщики» ведомства Коллегии Экономии, 6) с землею новгородских купцов и мещан, 7) с землей Колмова засадья, бывшего владения новгородского архиерея, а затем ведомства «бобылей и заштатных служителей» Коллегии Экономии, 8) с землей Колмова монастыря, по речке Безымянной до речки Кзени или Гзени и вниз по последней. Всего фабрике принадлежало около 92 десятин, считая в том числе и неудобную землю.

попознания рекрутами. В 1785 году были присланы из Москвы, для обучения парусному полотняному делу, 27 крепостных людей графини Анны Родионовны Чернышевой. Им было положено задельное жалованье и провиант. Вступление таких «партикулярных» людей на фабрику случилось, по словам Интендантской экспедиции Адмиралтейств-Коллегии, «в первый раз». 15 июля 1785 года Адмиралтейств-Коллегия постановила: «если кто желает пользоваться делом таковых хороших полотен, какие делаются на казенной парусной фабрике, те для обучения оному могут работников с фабрики отдавать на Новгородскую парусную фабрику, которым во время их тут бытности будут производиться задельные деньги против того, как и находящимся на оной фабрике мастеровым производятся, а по прошествии 5 лет оные обученные опять будут отпущены к их помещикам, буде их взять пожелают; прежде которого срока никто требовать не должен»¹⁾.

Работы на новгородской фабрике начались 3 января 1780 года. Она приобрела громадное значение, снабжая не только Балтийский, но и Черноморский флот полотнами, флагдуком и армяком. На Балтийский флот она поставляла ежегодно по 10000 кусков парусных полотен и по 10000 кусков канифаса, на Черноморский же флот половинное количество. В 1816 году при Новгородской фабрике было заведено суконное мастерство для гвардейского экипажа. Правительство, наблюдая за качеством полотна, поставляемого фабрикой, налагало штрафы за приготовление полотна ниже 2-го сорта, возвращая таковое обратно на фабрику.

С 1803 года начал часто подниматься вопрос о починках и перестройках фабричных зданий: обваливались потолки, проваливались полы и т. д. Фабричный госпиталь был в особенно плачевном состоянии; вместо 60 человек больных, для какого количества он был построен, ему часто приходилось вмещать 100 человек и более, которые принуждены были лежать на полу. Самый госпиталь тесно соприкасался с жилыми помещениями фабричных рабочих, которые, особенно в зимнее время, заражались один от другого и постоянно переполняли госпиталь. Заведенное при фабрике шляпное мастерство было упразднено в 1810 году, а соответствующее каменное здание было приспособлено для жилья фабричных служителей, так как деревянные казармы, в которых они жили, пришли в совершенную негодность.

Архивные документы повествуют о враждебных отношениях, существовавших между директорами и старшим мастером Самуилом Якобсоном, обвинявшим директоров и в злоупотреблениях, и в неумении вести дело. Вследствие доносов С. Якобсона был смещен (1803 г.) директор Даненберг, а назначенный вместо него кап.-лейт. фон-Гейзер, после целого ряда неприятных столкновений со старшим мастером, неоднократно умолял министра морских сил уволить его от исправления непосильно тяжелой для него должности директора фабрики.

Переходя к вопросу о рабочих, мы видим, что крепостные и рекруты, нищие и бродяги или так наз. «праздношатающиеся» — вот из кого состояли подневольные и вольные рабочие новгородской фабрики. Но среди этих случайных фабричных служителей находился и класс постоянных, исконных фабричных рабочих, в графе о происхождении которых в некоторых сохранившихся ведомостях 1799 года писалось: «ис природных парусной фабрики служительских детей». Это рабочие — безвозвратно оторвавшиеся от деревни, не имеющие фактически никакой собственности, жившие в Москве на вольных квартирах, а по приезде в Новгород, в фабричных казармах со всей своей семьей, из которой уже 6-тилетние дети ходили на фабричную работу индустриями или колесняками²⁾. Скучная пища, скучное жалованье, теснота жилищ, нищенская одежда, вычеты из жалованья, строгость начальства, штрафы и телесные наказания — все это рождало постоянное (с 1807 года особенно сильное) озлобление рабочих. Бегство их с фабрики было обычным явлением.

В 1787 году, когда особенно остро стала чувствоваться недостаточность задельной или заработной платы, рабочими было подано прошение об отмене вычетов «за медикамент» (по 1 копейке с рубля) и за бытие в госпитале, а также о выдаче казенных свечей для работ в зимнее время (на свечи иногда выходило по 25 копеек в месяц); за провиант, выдаваемый от казны, ежемесячно вычиталось по 68 коп. 29 марта 1787 года указом Адмиралтейств-коллегии вычет за провиант был отменен, а свечи повелено отпускать из казны³⁾.

Старший мастер Якобсон в своем «объяснении» (1803 года), между прочим, говорил о неудобствах, связанных с близостью города, так как «мастеровые люди, сверх рабочих 250-ти, в

¹⁾ Новг. пар. фабрика, дело № 6.

²⁾ Новгор. пар. фабрика, дело № 4.

³⁾ Новгор. пар. фабрика, дело № 6.

прочие праздничные 1½ дней ходят в город на вольную и трудную работу, за что получают деньги, пропивают оные и делаются больными и неспособными к хорошей казенной работе».

К 1814 году рабочие снова стали страдать невыносимо, так как заработная плата оставалась уже с 1799 года без повышения, несмотря на возросшую дороговизну припасов первой необходимости. Самый раторопный мастерской в 1816 году получал в год не более 26 руб. 1½ коп., а иные только 7 руб. 13¼ коп. Из этих денег производились вычеты «за мундир», выдаваемый от казны (по 81 коп. в месяц) и, по прежнему, «за медикамент», а за время пребывания в госпитале удерживалось половинное жалование. Месячного провианта полагалось: рабочим первого и второго классов по 3½ четверика муки и 10 фунтов крупы каждому, а рабочим третьего класса 2 четверика муки и 8½ фунтов крупы. Мастерские не безмолвно терпели нужду и притеснения ближайшего начальства—они выступали с прошениями и жалобами.

В связи с нашествием Наполеона, в жизни рабочих Новгородской фабрики произошла большая перемена¹⁾.

15 июля 1812 года новгородский, тверской и ярославский генерал-губернатор принц Георгий Гольштейн-Ольденбургский сообщил министру морских сил маркизу де-Траверсе, что, согласно высочайшему повелению, он поручил новгородскому гражданскому губернатору «из мастеровых, состоящих при здешней Адмиралтейской парусной фабрике, избрать 500 человек, для присоединения их к десяти тысячному корпусу воинов, в немедленном составе, по сей губернии дворянством предложенному». С своей стороны, губернатор уведомил министра, что выбранные в ополчение «сиди 500 человек фабричных по крепкому сложению их, по смелости или короче сказать молодечеству стоят, конечно, 2.000 нынешних ратников... они обучены уже поворотам, несколько владению ружьем, привыкли к сему состоянию и пойдут всюду, куда прикажут, не с вздохами, а охотою, что при нынешних обстоятельствах довольно важно». Министр морских сил отнесся отрицательно к назначению рабочих в ополчение, ставя на вид громадный ущерб, нанесенный фабрике удалением из нее 500 опытных и физически здоровых мастеровых. Однако, 1 сентября 1812 года главнокомандующий Петербурга С. К. Вязмитинов сообщил министру о полученном высочайшем согласии на зачисление 500 мастеровых в новгородское ополчение.

Между тем, для фабрики потеря 500 здоровых и способных мастеровых была очень ощутительна. Оставшиеся на ней 558 человек, по большей части, были люди «престарелые, силами не могущие и малолетние». Вырабатывать требуемое количество полотна, не только для Черноморского, но даже и для главного потребителя Новгородской парусной фабрики—Балтийского флота, оказывалось невозможным.

К тому же деятельность на фабрике была стеснена отводом двух материальных магазинов и части каменного флигеля мастерских палат под склад воинских, аммуниционных и прочих припасов, а двух отделений верхнего этажа мастерских палат и десяти вновь выстроенных казарм под устройство госпиталя для имеющих прибыть из Искова пленных, раненых и больных французов.

Директор фабрики Рерберг напрасно доносил о многих неудобствах от устройства военного лазарета и о том, что в новых десяти казармах, назначенных под лазарет, уже живут 315 человек фабричных рабочих, переселенных из старых казарм, пришедших в совершенную негодность для жилья. Губернатор распорядился поместить привезенных 118 пленнх французов в то здание, где жили мастеровые. Рерберг, опасаясь заразы, решил перевести мастеровых в старые казармы, «грозящие падением». Об этих казармах рапорт директора фабрики, между прочим, сообщает: «в десяти потолки и полы провалились, в окнах рамы сгнили и без стекол, стены в некоторых местах вывалились, паче же большею частью весьма худы... и без опасения жизни служителям в оных жить невозможно... а касательно тех казарм, где находились 500 человек, поступивших в ополчение, то две из них, где жили холостые, будучи совершенно гнилы, развалились и... в приход записаны на дрова, где же жили женатые, там оставшиеся их жены с детьми и доныне проживают».

Число раненых и больных французов быстро росло и вскоре превысило 450. Близость заразных больных, скученность населения, тяжелая работа и холод сделали свое дело: болезнь среди фабричных рабочих умножилась до чрезвычайности, особенно много заболело горячкой. Между тем (10 сентября 1812 года) последовало высочайшее повеление о возвращении 500 мастеровых новгородской фабрики, взятых в ополчение.

¹⁾ Департамент морского министра, дело № 3012.

Мастеровые вернулись в фабрику, но жить на ней они не могли, так как новые казармы были заняты французами, а старые были опасны для жизни. Пришлось ютиться в городе на частных квартирах.

Однако, хотя 500 мастеровых и были возвращены из ополчения в ведомство фабрики, из них велено было ежедневно отряжать нужное число для несения караулов по Новгороду. Таким образом, эти мастеровые состояли в распоряжении новгородского коменданта. На караулы еженедельно отряжалось по 120 человек (всего рабочих на фабрике было 1046). Мастеровые, отлучавшиеся на караулы, за что они ничего не получали, лишались также и тех задельных денег, которые бы могли выработать на фабрике. Кроме того, не имея теплой одежды и порядочной обуви, они часто возвращались с караулов больными.

В феврале 1813 года Вязмитинов предписал: 1) освободить рабочих новгородской фабрики от несения караульной службы и 2) вывести с фабрики военный госпиталь. Но в мае того же года управляющий военным министерством кн. А. Ив. Горчаков вновь возбудил просьбу о разрешении употреблять рабочих парусной фабрики на караулы по Новгороду, в виду нахождения большинства нижних чинов гарнизонного батальона в разных командировках. Морской министр повторил уже раньше высказанное им мнение о неудобствах отвлечения мастеровых от работ на фабрике, как для последней, так и для самих мастеровых, которые, получая лишь задельные деньги и провиант на фабрике и не имея больше ни откуда ни жалованья, ни одежды, благодаря отлучкам в караулы, лишались последних средств содержать себя. Этот ответ, однакоже, подписан не был, а после личного объяснения министра с кн. Горчаковым мнение министра не получило осуществления.

Прошло несколько лет. 14 января 1816 г. двое рабочих, Петр Миронов и Осип Васильев, подали директору фабрики Рербергу прошение от имени 500 рабочих, бывших в ополчении и затем несших караульную службу, о выдаче им жалованья, одежды и обуви за 3 месяца несения ими караулов в 1812 году. Рерберг заявил, что Миронов и Васильев состоят у него на дурном замечании, и что, повидимому, они зачинщики в деле составления прошения, — вследствие чего Адмиралтейств-Коллегия предписала директору: «иметь строгий присмотр за этими мастеровыми... и тех, кои заметятся орудием к подущению прочих, представить экспедиции (Исполнительной) для удаления их с фабрики, дабы чрез сие водворить там спокойствие», но все же предложила Рербергу сделать исчисление, сколько получил бы на фабрике рабочих, если бы не нес караульную службу. Сделать это исчисление оказалось затруднительным, вследствие неодинакового размера задельной или заработной платы, получаемой разными мастеровыми. Поэтому было решено удовлетворить мастеровых содержанием, даваемым рабочим, бывшим в командировках: по 3 руб. 15 коп. за месяц. Были удовлетворены и те рабочие, которые уже не находились на новгородской фабрике, а также и родственники умерших мастеровых.

Иркую, но печальную картину жизни рабочих фабрики рисует дело Аудиторнатекого Департамента¹⁾; содержание каждого из них заслуживает быть предметом отдельной статьи; в настоящем же очерке можно указать лишь на главнейшие из этих дел.

23 мая 1816 года генерал-интендант Пущин представил на ревизию в Аудиторнатекий Департамент дело новгородской комиссии военного суда о девяти мастеровых, присужденных к смертной казни «за неповиновение их своему начальству», при чем Пущин предложил вместо смертной казни наказать подсудимых «шпицрутенами каждого через тысячу человек по двенадцать раз»! В чем же заключалась их вина?

Некоторые рабочие словесно просили директора фабрики об отмене вычета за казенный мундир и о назначении полного пайка малолетним, но Рерберг не только отказал, но и велел подвергнуть просителей телесному наказанию. В 1814 г. рабочие повторили просьбу, но уже в письменной форме, однако их ходатайство было оставлено без внимания. Тогда шестьдесят мастеровых послали прошение на имя государя²⁾. Копия этого прошения была переслана директору Рербергу, который решил отправить всех, подписавших бумагу, в Архангельск. Команда стала требовать, чтобы было пред'явлено высочайшее повеление на это. Тогда на фабрику прибыл губернатор и комендант с зонными драгунами, про которых подсудимые говорили в своих показаниях, что они «ездя по всему фрунту, оный без всякой осторожности топтали лошадьми».

¹⁾ №№ 49, 53, 55, 56.

²⁾ Новгор. пар. фабрика, дело № 11. Также дела Аудиторнатекого департамента.

Команда заявила, что виноваты не только те шестьдесят рабочих, которые подписали прошение: бумага «писана с общего всех мастеровых согласия.. и ежели отправлять в Архангельск, то бы отправляли всех». После объяснений губернатора команда «заявила должное повиновение, по крайней мере по наружности, не отложив, повидимому, вовсе своих сомнений». Губернатор заключил свое представление о случившемся словами: «не смотря на всю неусыпность, деятельность и на весь порядок директора Рерберга, сей дух буйства, недоверенности к начальству и послушание без примерного распоряжения высшего правительства совершенно смирить и уничтожить едва ли будет возможно». Девять человек, признанных зачинщиками возмущения, были приговорены комиссией к смертной казни,—из них восемь к повешанию, а девятый—к расстрелу. Но Аудиториатский Департамент вынес по этому делу такую резолюцию: «трех подсудимых, подавших более поводов к дерзости и возмущению фабричных мастеровых, исключая из сего звания, вместо смертной казни, бить кнутом, дав каждому по 25 ударов, вырезать ноздри и, поставя указные знаки, сослать; остальных 6 подсудимых прогнать шпицрутенами чрез тысячу человек по 6 раз, а затем отослать в Архангельск на тамошний прядильный завод». Заключение Аудиториатского Департамента было представлено морскому министру, а от него Комитету Министров, пройдя через который (31 мая 1816 г.), было несколько изменено по отношению к последним 6-ти подсудимым, которых повелено «прогнать шпицрутенами по два только раза сквозь тысячу человек». Граф Аракчеев, при подписании журнала Комитета Министров, объявил высочайшее соизволение «и первых трех подсудимых, вместо положенного им наказания, прогнать шпицрутен сквозь тысячу человек два раза и после отослать на Иркутскую суконную фабрику в рабочие».

В июле, августе и октябре месяцах того же 1816 года рабочими были сделаны попытки подачи просьбы государю уже лично. Просьба была все о том же освобождении от вычетов за мундир и о назначении полного пайка для малолетних детей, а кроме того содержала жалобы на притеснения рабочих директором Рербергом. Первая попытка подать государю это прошение кончилась тем, что на другое же утро по прибытии в Петербург оба мастеровые, приехавшие с прошением, были задержаны ефрейтором, посланным с новгородской нарусной фабрики для поисков их. Комиссия военного суда приговорила подсудимых к повешению, но Аудиториатский Департамент предложил прогнать подсудимых сквозь строй в 1000 человек два раза и отправить на архангельский прядильный завод, а морской министр уменьшил наказание, положив: «прогнать их шпицрутенюм чрез 500 человек один только раз и, по наказании, отправить в Свеаборг. Эта неудача не остановила мастеровых. Под страхом страшного наказания, в июле и в октябре 1816 года, еще двое мастеровых, Ф. Лебедев и Д. Вшипов, тайно отправились в Петербург с такой же просьбой и жалобой на директора. Долго искали тот и другой случая, чтобы подать свои прошения. Наконец, Лебедев нашел случай вручить свое прошение вдовствующей императрице Марии Феодоровне; оно было затем ему возвращено с предложением передать его великому князю Константину Павловичу, который и отослал его по начальству. А Вшипов, дожидая государя на Каменном острове, увидел «молодую государыню» (Елизавету Алексеевну), и умолял ее принять свое прошение; сопровождавший ее камер-лакей взяв у него бумагу и передал ее государыне. Вшипов удалился, но вскоре был разыскан тем же камер-лакеем, который возвратил ему прошение, с указанием на то, что «оная до ее величества не принадлежит». Затем, по собственной своей неосторожности Вшипов был заподозрен полицией, допрошен, а затем и он, и Лебедев были преданы военному суду. Суд нашел их виновными в самовольной отлучке от команды, в общем согласии писать затейливые просьбы и утруджении не токмо его императорского величества, но даже и всей царской фамилии.. и подлежащими смертной казни через повешение».

В это же время в Петербург приехали еще десять человек мастеровых для подачи государю прошения; жалуясь на директора и объясняя свои нужды, мастеровые просили также об освобождении товарищей, посланных прежде с прошениями и уже наказанных шпицрутенами.

3 октября 1816 года Военно-Судная Комиссия приговорила вышеупомянутых десять мастеровых «к битью кнутом, вырезанию ноздрей и ссылке в вечную работу на галеры». Аудиториатский Департамент постановил: Вшипова с Лебедевым и остальных десять мастеровых прогнать шпицрутенами чрез 1000 человек, каждого по 2 раза, а затем отправить в Архангельск на прядильный завод, по морской министр приказал прогнать всех подсудимых шпицрутенами чрез 500 человек один только раз и отправить в Архангельск.

Директор фабрики Рерберг, «после известного беспокойства мастеровых», как говорится в одном архивном документе, подал 29 апреля 1816 года рапорт о необходимости увеличить заработную плату мастеровым, остававшимся без перемен уже шестнадцать лет, несмотря на возросшую дороговизну предметов первой необходимости. Рапортом сообщалось, что рабочие «пришли с их семействами в крайнюю бедность, почему иные убедительно, со слезами, просят об уничтожении с них вычета за мундир или о прибавке им задельных денег».

Около восьми месяцев прошло, прежде чем Адмиралтейств-Коллегия смогла дать указ (14 декабря 1816 г.) об увеличении мастеровым новгородской парусной фабрики с 1 января 1817 г. заработной платы и отмене вычетов за мундиры и за пребывание в госпитале.

Указом 24 декабря 1824 новгородская фабрика была упразднена. Она прекратила свое существование в 1829 г.

Мария Мурзанова.

Жизнь рабочих на Кренгольмской мануфактуре.

(Волнения рабочих в 1872 г.)

I.

Товарищество Кренгольмской мануфактуры было основано в 1856 г. с капиталом, громадным для того времени (2 милл. рублей), в Эстляндской губернии (Вирляндском уезде) при водопаде близ г. Нарвы. Задумано оно было по широкому плану. Впервые в России насаждалась крупная капиталистическая промышленность в таком масштабе и при таких условиях. В скором времени мануфактура, достигнув громадных размеров, заняла первое место среди подобных фабрик не только России, но и Зап. Европы. В 1872 году мануфактура располагала водяным двигателем (из водопада) в 3700 лощ. сил. Технические средства ее состояли из 239 692 ватерных и мюльных веретен и 1647 механических и ткацких станков. Дивиденд, получаемый акционерами, доходил до 35%. По своему устройству мануфактура представляла как бы маленькое государство, так как управлялась, независимо от общих правительственных учреждений, на основании собственного полицейского устава, составленного в 1857 г., которым фабричному управлению присвоились полицейские права. На мануфактуре были учреждены две инстанции фабричной полиции. Первую составлял старшина, который должен был выбираться рабочими, а на самом деле был ставленником мануфактуры, а вторую—управляющий мануфактурой. Эта полиция имела право подвергать рабочих следующим взысканиям: 1) денежному штрафу в размере заработной платы от 1 до 10 дней, 2) телесному наказанию от 1 до 50 ударов розгами, 3) содержанию под арестом до 2 суток. Сверх того в изъятие из общего законодательства рабочая полиция (точнее полиция самой мануфактуры) могла разбирать дела по обманам и кражам не свыше 5 руб. серебра, а по гражданским делам производить взыскания по долговым обязательствам рабочих и назначить, в случае смерти рабочих, их детям опекунов. Полиция была освобождена от гербовых сборов и пользовалась правами государственных учреждений.

Обороты мануфактуры в 1872 г. дошли до 7 милл. в год при 6000 рабочих. При этом нам поднялись с 5 тысяч рублей до 15 тысяч.

На основании данных, хранящихся в архиве, возможно восстановить размеры месячного заработка в различных мастерских прядельного отделения.

Мастерские.	Мужчины.	Женщины.	Дети.
Трепальная	от 9—10 р.	от 6 ¹ / ₂ —7 р.	—
Кардная	от 10 ¹ / ₂ —12 ¹ / ₂ р.	—	от 6—8 р.
Ровничная	—	от 7—12 р.	—
Ватерная	—	—	от 3 ¹ / ₂ —8 ¹ / ₂ р.
Мюльная	от 20—30 р.	—	—
Мотовильная	—	от 7—14 р.	—
Ручные прессы	от 25—30 р.	—	—
Гидравлич. прессы	от 10—14 р.	—	—

1) Архив Министерства Внутренних Дел. Канцел. М-ра В. Д. 1872 г. Дело о беспорядках в Кренгольм. мануфактуре. № 6.

По ткацкому отделению месячный заработок был таков:

Мастерские.	Мужчины.	Женщины.	Дети.
Катушечная	—	12 $\frac{1}{2}$ р.	—
Спывальная	—	15 р.	—
Шлихтовальная	от 35—45 р.	—	—
Пом. шлихтовал.	от 16—20 р.	—	—
Продевальная	—	—	7 р.
Помощн. продев.	—	—	4 р.
Ткацкая при 1 станке .	от 7 $\frac{1}{2}$ —9 р.	от 7 $\frac{1}{2}$ —9 р.	—
Ткацкая при 2 станках.	от 15—18 р.	от 15—18 р.	—
Браковщики	от 18—23 р.	—	—
Помощники	10 р.	—	—
Паковальщики	от 10—15 р.	—	—
Ремизная	—	10 $\frac{1}{2}$ р.	—

Всем рабочим в 1871 г. выплачивалось до 35 тыс. рублей в месяц. Наиболее значительное вознаграждение получали шлихтовальщики (до 15 чел.), ткачи (до 900 чел.), рабочие при ручных прессах (до 16 чел.), браковщики (до 24 чел.), мюльщики (пряделщики, до 200 чел.). По вознаграждению и по численности наиболее выделялись ткачи.

Интересны соотношения между различными группами рабочих в 1871 г.

А) По времени службы: а) от 5 до 10 лет работало мужчин 496, женщин 297,— всего 793 чел; б) 10 и более лет работало мужчин 314, женщин 117,— всего 431 чел. Остальные работали меньше 5 лет.

Б) Соотношение по национальностям: 1) эстонцев—мужчин 1351, женщин 985, детей 908, 2) русских—мужчин 807, женщин 333, детей 260, остальные др. национальностей.

В) Соотношения по специальностям: 1) рабочих прядельного отделения было 2900 чел., из них пряделщиков мужчин было 200 чел., мальчиков более 1000, остальные были заняты подготовительными для прядения работами, напр., размоткой и укупоркой пряжи; 2) рабочих ткацкого отделения было до 1470 чел., в числе их ткачей мужчин и женщин 900 чел., все другие находились при подготовке работ и при укупорке товара и др. побочных работах, 3) чернорабочих—число их колебалось.

Среди малолетних рабочих особенно плохо было положение детей, взятых мануфактурой из воспитательного дома. В 1870 г. работало до ста мальчиков и ста десяти девочек в возрасте от 11 лет. Они представляли собой в полном смысле белых рабов. Мануфактура принимала их на особых условиях, заключенных с начальством Воспитательного дома. Мануфактура брала на себя полное их содержание до достижения 21 года питомцами и 18 питомцами. Жалование полагалось им от 3 до 8 рублей в месяц. Но эти деньги, за вычетом из них расходов на содержание и одежду, сохранялись до их совершеннолетия в фабричной кассе. Этот порядок был до крайности тяжел для взрослых, которые были вынуждены воровать и заниматься проституцией (см. доклад правительств. комиссии по делу о беспорядках в Кренгольм. мануфактуре 1872 г. 15 ноября).

Кроме этих детей, были на мануфактуре и другие, нанимаемые мюльщиками за 5—6 рублей в месяц. Обязанности этих маленьких подручных заключались в присучивании обрывающихся концов выпрядаемой нити, другие должны были выметать пыль с машины, а третьи заменяли отработанные катушки ровницы (т. е. полупряжи, поступающей на мюль-машинны)—новыми. Детский труд вообще применялся широко. За детьми следили взрослые (мюльщики). Особенный режим был установлен для питомцев Воспитательного дома. Ближайший надзор за ними осуществляли сторожа, щедро рассыпая им наказания (работы по воскресеньям и праздникам, карцер и розги до 10 ударов).

Так как местность, где учреждена была мануфактура, была безлюдной, то для того, чтобы набрать себе рабочих и больше привязать их к мануфактуре, учредители повысили заработную поденную плату сравнительно с другими фабриками и пригласили на выгодных условиях опытных рабочих из-за границы и внутренних губерний. Когда же предложение стало превышать спрос, мануфактура начала сокращать льготы, предоставленные рабочим. Очень широко стала применяться система штрафов. В 1870 г. ежемесячная выдача денег рабочим доходила до 35 тысяч, а сумма штрафов до 1 тысячи рублей. Ткач П. Ильин, характеризованный

администрацией в качестве хорошего рабочего, подвергается штрафу ежемесячно с сентября 1870 г., когда он поступил, до апреля 1872 г., когда он выбыл из 20 месяцев ни одного не было без штрафа; на заработок в 288 р. 87 к. сумма штрафов была 47 р. 25 к. (более 16%) и значительная часть их падает на малую выработку. Самый большой штраф в феврале 1872 г. равнялся 9 р. 25 к. при общем заработке в 14 р. 40 к. У Козьмы Антонова за 1871—72 г. сумма вычетов равнялась 10 р. 30 к. при заработке в 167 р. 80 к. (более 6%), а у Ah. Ehrha за тот же промежуток времени штраф равен 13 р. 90 к. при выработке в 190 р. 20 к. (более 7%). С мальчика Г. Вильмана за разорванный лист рабочей книжки взят штраф в 5 руб., хотя книжка стоит 20 коп. За 1871 г. число случаев наложения штрафа для одного придельного отделения было 5699,—сумма штрафов равна была 3052 р. 27 к. Распределялись они так: за худую работу—914 р. 46 к., за воровство, драку, уход с фабрики не во время—661 р. 39 к. Никогда не падая ниже 600 р. в месяц, штрафы доходили до 1000 руб.

II.

Чтобы детальнее выяснить положение рабочих, которое вызвало в 1872 г. крупнейшие в России беспорядки (по количеству участвующих в них), надо ознакомиться с режимом работы, установившимся ко времени 1870 года. Начало работ было в 5 час. утра, окончание перед обедом—в 12 ч. дня, начало послеобеденных работ в 12 ч. 55 м. и окончание в 8 часов. Таким образом, рабочий день длился 14 часов. Он был одинаков как для взрослых, так и для детей. При этом последние должны были, кроме того, еще от 8½ ч. до 10 ч. вечера учиться в школе. На завтрак времени не уделялось, мало того, администрация штрафовала, если рабочие приносили с собой на фабрику припасы для еды. Надо прибавить, что расстояние жилищ большинства рабочих требовало ходьбы более 15 минут. Поэтому большинство рабочих на обед не ходили, чтобы не подвергаться штрафу за опоздание. В то время как на других фабриках России, напр., на Самсониевской мануфактуре, на фабрике Торшилова в СПб., был двенадцатичасовой рабочий день, Кренгольмская мануфактура упорно держалась за свой гораздо более продолжительный рабочий день. Правительственная комиссия, назначенная в 1872 г. для обследования условий труда на Кренгольмской мануфактуре, обратила внимание на изнурение рабочих таким долгим рабочим днем; особенно истощены были дети, терявшие в конце дня даже голос. Комиссией была предложена следующая мера. Для детей до 14-летнего возраста назначить только дообеденную или же только послеобеденную работу, т. е. иметь две смены малолетних рабочих. Такой порядок существовал тогда в большинстве фабрик России (напр., на фабрике Штиглица). Мануфактура категорически отказалась это сделать, заявив, что это для нее будет невыгодно, так как повлечет за собой удорожание изделий.

Чтобы показать до какой степени доходило закабаление рабочих, и как велика была эксплуатация их, приведем выдержки из рабочих правил мануфактуры, обязательных для всех работающих на ней.

Параграф первый книжки гласил: «Рабочий обязан повиноваться беспрекословно постановлениям мануфактуры и работать до окончания года». «Если же по истечении сего срока он желает оставить фабрику, то должен объявить за месяц ранее, в противном случае подвергается скидке месячного жалования», «кто по истечении года не объявит, что он желает оставить фабрику, то это означает, что он остается еще на год на тех же самых условиях, что мануфактурою и принято будет без предварительного уговора»... «После семидневного пребывания на мануфактуре никакое возражение о непринятии договора или упомянутых постановлений не принимается, и договор считается в полной мере обязательным».

Из § 2: «За худое поведение, непослушание, воровство—рабочий может быть уволен без предварительной об'явки».

Из § 4: «Каждый занимающийся на мануфактуре обязан беспрекословно повиноваться всем распоряжениям директора, мастера или надзирателя отделения, в котором он занимается. Виновный штрафуется смотря на лицо и по важности его преступления от 50 коп. до 5 или 10 руб. или отпускается тотчас с мануфактуры и передается местной полиции».

Из § 6: «Во время работы никто без дозволения не должен оставлять свое место или болтовней и другими вмешательствами служить поводом к медлительности в работе... виновный подвергается денежному взысканию от 50 коп. до 5 руб.».

Из § 8: «Кто через 10 минут после последнего удара колокола не явился на свое место, подвергается денежному штрафу. Больные обязаны приходить в контору и заявлять о своей болезни». «У тех, которые в болезненном или неболезненном состоянии без дозволения конторы не явились на работу, вычитается двойное их за день жалованье». «На расходы на госпиталь удерживается 2⁰/₀ жалованья рабочих».

Из § 11: «Каждая отлучка от работы в другие дни (кроме праздников) штрафуется двойным вычетом за день жалования».

Другие параграфы идут дальше. Параграф 19 говорит: «за худую работу каждому рабочему будет сделана соразмерная скидка с жалованья». Параграф 20 говорит: «Каждый без различия пола отвечает своим имуществом и лицом (sic!) за все здесь непоименованные убытки—ущербы мануфактуре». Но всего выразительнее параграф 25, отдающий рабочего не только в распоряжение мануфактуры, но закабаливающий его вахтерам: «В жидких покоех каждый без исключения должен повиноваться установленным правилам мануфактуры. Домоуправляющие, старосты, вахтера и караульщики должны строго наблюдать, чтобы рабочие вели себя смиренно, не сорились с соседями и наблюдали чистоту; кто не повинуется сия правилам, подвергается штрафу». Характерно, что штраф или не был нормирован, или был нормирован очень неопределенно (от 50 к. до 10 рубл.) и шел в пользу штрафующего и мануфактуры. Таким образом, мануфактура создала автоматическое, так сказать, вознаграждение старших служащих из денег младших, мастеров за счет рабочих, не забывая и свои интересы, так как часть штрафов шла и в пользу мануфактуры. Мало того, старшие рабочие, штрафуя младших, этим самым отстаивали интересы мануфактуры. Администрация мануфактуры путем 22-го параграфа очень сильно привязывала к себе рабочих: «Платеж жалования, говорилось в этом параграфе, будет производиться в первую субботу после 15 числа каждого месяца за прошлый месяц. От 1-го до 5-го каждый рабочий должен представить свою счетную книжку в контору...; за два дня перед платежом рабочие должны потребовать свои книжки обратно»; «кто не доставит свою книжку в назначенное время или ее не возьмет, тот получит свое жалованье в будущем месяце». Таким образом, мануфактура всегда оставляла за собой полумесячный заработок рабочего, а иногда даже и месячный.

III.

Сами жилища рабочих служили тоже двум целям, которые преследовались мануфактурой: они закабаливали рабочего и эксплуатировали его. Так как мануфактура, как сказано было выше, основывалась в мало населенном крае и рассчитана была на пришлый элемент, то правление мануфактуры выстроило жилища для рабочих и отдавало их в наем на условиях, которые были тягостны для рабочих. Для рабочих же был выстроен мануфактурой и трактир, приносящий доход. Вот таблица рабочих, живших в домах мануфактуры в 1872 г.

З д а н и я.	Рабочих мануфакт.	Занимающих хозяйств.	Дети.	В с е г о.
1. Кренгольмские казармы	2518	426	465	3409
2. Казармы Нового Острова	808	102	87	997
3. Старые дома деревни Иоларь	246	74	95	415
4. В семейных домах на новом участке	137	53	44	234

Рабочие дома Кренгольмской мануфактуры представляли собою казарменные постройки или отдельные дома на 2, 4 и 8 семейств. Холостые казармы были двухэтажными, и в каждом из этажей были устроены рядами нары. Кубическое содержание воздуха было очень незначительным. Духота достигала невероятных размеров. Щели нар кишели паразитами. Для подстилки служила собственная одежда, а иногда мешки, набитые соломой. С каждого артельного номера, где помещалось от 20 до 30 чел., мануфактура брала 6 рублей в месяц.

Казармы для семейных имели двойное устройство. При одном из них эти казармы заключали в себе отдельные номера на 6 семей с 4 комнатами и 2 углами. Имелась общая кухня с русской печкой и плитой. При другом устройстве в казарме был коридор, шедший по длине

всего здания и разделивший казарму на две половины, из которых каждая имела в себе отдельные комнаты для семей. Для всех комнат имелась или одна общая кухня в особой пристройке или же 3 печи с плитами, в каждом коридоре. Плата за номер была от 75 коп. до 1 руб. в месяц. Зимой она увеличивалась на 50 коп.—на дрова. Всех казарм было 11, от 40 до 90 номеров в каждой. Эти казармы приносили чистого дохода мануфактуре 10%. Здесь рабочие должны были подчиняться режиму, выработанному мануфактурой. Величина комнат 7×4 арш.; в среднем в каждой казарме жило до 350 чел. В некоторых комнатках жило по 5 взрослых—не считая подростков. Всего хуже содержались питомцы Воспитательного дома, при чем мальчики не были хорошо изолированы от девочек. Грязь и неизмерное переполнение домов рабочими превосходили всякое вероятие. При осмотре домов во время холеры 1872 г. было обнаружено, что в одной и той же комнате помещались, как умершие и больные, так и здоровые, которые «походили более на двигающиеся тени, чем на живых людей». В комнатах, рассчитанных на 5 чел., помещалось от 25 до 30 человек.

Предметом эксплуатации мануфактуры было и питание рабочих. Мануфактурой были устроены две кухни со столовыми, где рабочие харчевались с платою по 4 рубля в месяц. Получилось довольно доходное предприятие при дешевизне продуктов того времени и при скудости обедов, отпускаемых мануфактурой. Доходным предприятием была и баня, где мылись мужчины и женщины вместе за особую плату, Источником эксплуатации была и школа, за которую малолетние платили по 20 коп. в месяц. От этой платы никто не освобождался, даже и те, кто не мог ходить в школу.

На содержание больницы отчислялось с рабочих по 2%, но лечение было неудовлетворительно. Большая часть заболеваний были простудными и желудочными. Причиной этого была краткость обеденного перерыва (55 мин.) и обыск рабочих, выходящих из фабрики в более или менее разгоряченном виде на мост, через водопад, где всегда происходил обыск, несмотря на ветер, дождь и т. д. При среднем числе 5000 рабочих было в 1869 г.—64,418, в 1870 г.—24,596, в 1871 г.—19,234 и в 1872 г. с января по октябрь 24,196. Эпидемии среди рабочих почти не переводились. В 1869 г. была эпидемия возвратной горячки, от которой заболело 2080, умерло 176 (8%), в 1872 г. от холеры—заболело 430, умерло 189 (44%).

IV.

Такое положение рабочих постоянно вызывало их недовольство, но строгий режим и общая занятость удерживали их от борьбы с мануфактурой. Приходилось ждать того времени, когда какая-либо случайность даст возможность заявить свои требования. Мало-по-малу, вследствие перемены в фабричном управлении, падал авторитет фабричного начальства, вместе с тем рос произвол одельных лиц в области наложения штрафов. Это вызывало глухое недовольство рабочих, брожение усиливалось вследствие прилива новых рабочих из внутренних губерний России, которые приносили с собою вести о новых порядках, о реформах и о новом суде, где не было такого произвола, как в суде при мануфактуре.

Начавшееся брожение поддерживалось ткачами, которые по своему умственному развитию, квалификации и некоторой обеспеченности, оказывали влияние и на других рабочих. В возникших волнениях ткачи и были руководителями рабочих.

В июле 1872 г. Кренгольмская мануфактура приступила к углублению каменного русла рукава реки Наровы, наняв до 800 каменщиков. В конце июля в г. Нарве и его окрестностях стала свирепствовать холера, унося много жертв. Кренгольмская мануфактура, вследствие антисанитарности жизни рабочих и их истощенности, представляла удобную почву для развития этой болезни. Первыми жертвами ее сделались каменщики. Условия труда их были еще хуже, чем рабочих. Ежедневные зрелища покойников, провозимых по главным улицам Кренгольма, мимо рабочих казарм, действовали до того потрясающе, что остальные каменщики решили уйти на родину. 2 августа они явились в количестве 200 чел. в г. Нарву к жандармскому офицеру и просили его позволения оставить мануфактуру. Управление мануфактурой воспротивилось их уходу, но они ушли самовольно, оставив свои паспорта и не получив расчета. Уход каменщиков отразился на настроении рабочих.

14 августа заводивались ткачи, которые просили разрешения заявить свои просьбы. В зале конторы их собралось до 500 чел., они выбрали 10 уполномоченных и подали через тех

свою записку с указанием тех льгот, которые были обещаны мануфактурой при их найме, а потом отняты. Прочитав записку, администрация мануфактуры объявила, что некоторые просьбы (маловажные) будут удовлетворены, другие же удовлетворены быть не могут (напр., сократить рабочее время на $\frac{1}{2}$ часа на обед). Ответ был выслушан мирно, но рабочие не доверяли обещаниям, хотя разошлись спокойно, попросив администрацию мануфактуры пригласить в конце недели на фабрику директоров из Петербурга. Администрации обещала. Рабочие же требовали, чтобы была дана подписка в том, что директора будут приглашены.

Вся неделя прошла спокойно. Рабочие ходили на работу в определенные часы. Между тем холера не прекращалась. 18 августа, после обеда, 12 ткачей заявили фабричному начальству, что они в субботу на работу не пойдут, если не придет директора. На фабрике ни уполномоченного, ни его поверенного не было. В субботу рабочие вышли на работу, хотя директоров не было. В воскресенье 20 августа приехал начальник жандармского управления и уполномоченный правления, которому сделалось известным, что на следующий день рабочие решительно отказываются идти на работу. В понедельник приехал в Крепгольм эстляндский губернатор; по его распоряжению было предложено толпе рабочих, собравшись в зале конторы, избрать выборных—40 человек из ткачей и 20 человек из прядильщиков. Наконец, приехали директора и приступили к разбору заявлений рабочих, в результате чего был составлен особый акт.

В виду того, что он рисует условия труда рабочих и отношение администрации к рабочим, приведем из него некоторые выдержки:

«Акт 1872 г. 21 августа в присутствии г. начальника губернат. свиты Е. В. генерал-майора князя Шаховского-Глебова-Стрешнева, г. начальника С.-Петербургской губерн. жандарм. управления полковника Вирма и уполномоченного Крепгольмской мануфактуры г. Кольбе выданы были из ткачей 40 рабочих, которые просили:

1) Начинать работать утром в $5\frac{1}{2}$ часов.	1) Г-н Кольбе согласен на это.
2) На обед разрешить им $1\frac{1}{2}$ часа.	2) Г-н Кольбе согласен дать $1\frac{1}{4}$ часа.
3) Чтобы за кусок материи в 50 арш. платили 40 коп. за работу.	3) На это г-н Кольбе не согласен, но впредь цены будут установлены согласно существующих фабричных с.-петербургских цен.
4) За испорченные части машин вычитать только стоимость их в готовом виде, а не по произволу управления фабрики.	4) Заявление рабочих принято к сведению, и директор фабрики приступит с старшинами к составлению подобной таксы с тем, чтобы этот вопрос был разрешен к 1 октября сего года.
5) За малую выработку не штрафовать, а дать расчет или удалить с машины.	5) Г-н Кольбе согласен на это с тем, чтобы в каждый рабочий день вырабатывалось не менее 45 арш.
6) Чтобы давали записки на временную отлучку домой по болезни или по другим необходимым обстоятельствам.	6) Г-н Кольбе согласен на это.
7) Удалить из больницы фельдшера Палкина.	7) Г-н Кольбе не согласен, а жалобу на него следует направить по принадлежности.
8) Старосту Петра Сека сменить и разрешить на будущее время выбирать старосту обществом фабрики.	8) Согласен на это с предоставлением обществу права выбирать и представлять на утверждение в должности старшины 3 кандидатов.
9) За детей, которые в школу не ходят, не высчитывать денег.	9) Нельзя сие ходатайство выполнить.
10) Не взysкивать показанные в § 10 постановления фабрики 2 процента в пользу больницы и церкви, ибо сия последняя уже с некоторых лет не существует.	10) Г-н Кольбе согласен на это.
11) Церковного старшину К. Сека, работников Густ. Бруна и Кареля Пакальски удалить из фабрики за разные противозаконные действия.	11) В случае, если не имеется законного основания на то, им предоставляется на означенных лиц подать жалобу в установленном порядке.

Самое главное требование о регулировании штрафов и прекращении произвола мастеров даже и не рассматривалось. Были сделаны лишь небольшие уступки, но главное осталось без удовлетворения, и в сущности положение дел на мануфактуре почти не изменилось. Этот «акт» все-таки был некоторой моральной поддержкой рабочим, которые увидели, что мануфактура не является той пезыблемой силой, какой она казалась рабочим. Рабочие вели себя тихо, претензии не заявляли и благодарили губернатора и уполномоченного правления за участие к ним. Порядок был восстановлен. Между тем фабричное управление, сделав уступки, старалось отобрать назад все льготы. Староста Петр Секка, о смещении которого особенно просили рабочие, остался и придирался к рабочим на каждом шагу.

9 сентября разнесся слух, что двое рабочих Брунс и Пиккамяги с одобрения заведывающего полицейской частью мануфактуры, составили прошение об отмене льгот и приглашают некоторых рабочих, по их выбору, в трактир на Кренгольме, обещая угостить водкой за подписание бумаги. Тогда толпа из 15 челов. явилась в трактир и потребовала бумагу. Брунс и Пиккамяги—бежали.

10 сентября шестеро рабочих явились в Нарву к жандармскому офицеру с заявлением, что они хотят отправиться к губернатору и просить его о расследовании дела Брунса и Пиккамяги. Жандармский офицер направил их к гакеенрихтеру. Последний явился на фабрику по вызову мануфактуры, произвел дознание и приговорил четырех рабочих за самоуправство и буйство к аресту на семь дней при нарвской полицейской тюрьме. Гакеенрихтер стал разыскивать бунтовавших рабочих. Тогда ткачи в числе 200 чел., оставив работу, ворвались в контору, требуя освобождения арестованных.

После отказа ткачи объявили, что они никого не пустят на работу, и в 12^{1/2} ч. дня толпа ткачей загородила узкий мост, ведущий на мануфактуру, и угрожала дубинами тем, кто хотел идти на работу. Все усилия убедить их отказаться от этого были напрасны. Часть рабочих стала собираться против квартиры уполномоченного, часть же отправилась в Нарву освобождать товарищей. Гакеенрихтер стал арестовывать рабочих дальше, но получил несколько ударов камнями. Толпа расположилась в поле, где водрузил шест с флагом. Собралось до 1000 человек. Взяв камни, толпа окружила дом управляющего, выломала двери и освободила арестованных. В это время появилось войско, которое одним натиском, не употребляя оружия, разогнало толпу. На другой день, 12 сентября, волнение возобновилось, рабочие бросали в патрули камнями и отказывались встать на работу.

В помощь отряду в 220 человек было вытребовано губернатором подкрепление из Ямбурга. Беспорядки прекратились. Мануфактура была закрыта на пять дней для выяснения происшествия.

Особая правительственная комиссия, состоявшая из д. с. с. Габерзали, майора Андрианова и профессора Лабзина, выяснила необходимость улучшить положение рабочих, подчинив их общему имперскому законодательству.

В ответ на это управление мануфактуры объявило, что оно закроет фабрику, ссылаясь на постановления, напечатанные в рабочих книжках, предоставляющие ей судебно-полицейское право. Но по рассмотрении этих постановлений оказалось, что эти постановления никем не были утверждены, напечатаны бесцензурно и главное—противоречат законам.

В результате сложной и долгой переписки фабрично-полицейский устав мануфактуры был отменен, гражданские дела рабочих предоставлены для разбора Вайварскому кироному судье; были также сделаны частичные улучшения быта рабочих.

С. В. Фарфоровский.

Был ли первоначально русский север крестьянским?

Недавно на одном из съездов, посвященных экономическим вопросам, в общем ходе прений солидным ученым было высказано мнение, что заселение севера Европейской России было последствием колонизации крестьянской, земледельческой, трудовой. Можно понять основание такого утверждения, но нельзя с ним согласиться. Русская колонизация „Поморья“ (так назывались в совокупности берег Белого моря и долины рек, текущих в Белое море) была первоначально колонизацией боярской, промысловой, капиталистической. «Крестьянским» русский север стал позднее вследствие некоторых социальных перемен, и те ученые, которые принимают демократический строй северно русской жизни за первоначальную ее фазу, впадают в ошибку, довольно, впрочем, извинительную. Дело в том, что почти все сохранившиеся до наших дней, исторические документы (акты и писцовые книги) северных областей действительно говорят о демократическом характере жизни и мелком крестьянском землевладении. Ряд крестьянских волостей, в которых «учинены судейки, человек с 10, выборные люди тех же волостей крестьяне, и судятся меж себя по царским грамотам и без грамот»; самостоятельные приходские общины с выборными попами; все права собственности на крестьянские участки, которые переходят свободно из рук в руки по купчим, закладным, духовным и другим «грамотам», засвидетельствованным у своих же выборных властей; земледелие и мелкий подсобный промысел, как основание хозяйственного быта,—вот обычная картина северной русской жизни 16—17 веков. Если над крестьянской волостью существует какая-либо вотчинная власть, то это власть богатого монастыря (Соловецкого, Кириллова), или же московского вельможи. Она носит на себе черты феодального владения, не разрушает внутреннего устройства крестьянских миров с их самоуправлением и довольствуется обычно получением в свою пользу тех сборов, которые «черные» крестьяне (то-есть государственные) дают непосредственно государству. Помещика—служилого человека, дворянина—нет на русском севере 15—17 веков, нет и обычного последствия поместной системы—крепостной зависимости крестьянина от мелкого землевладельца. Отсюда создается впечатление, что древний русский север был крестьянским краем с примитивными формами общественности, выросшими в условиях первоначального колонизационного процесса.

Но этому периоду 16—17 веков предшествовали другие времена. С половины 15 века на севере, в Поморье, водворилась власть московских государей, сменившая собою власть Господина Великого Новгорода. Московскому правительству пришлось на севере произвести ту же самую перемену, какую оно произвело в самом Новгороде, а именно уничтожить власть и влияние новгородских «бояр». Когда бояре исчезли или, по московскому выражению, «извелися», Поморье стало таким, каким мы его видели выше. При боярах же новгородских оно было иным, имело другую социальную структуру, начало которой восходит к глубокой древности, пожалуй, к 12-му веку. От этих древнейших времен не сохранилось почти никаких документов, ибо время и Москва их истребили. Оди лишь летописи говорят нам о ходе событий в новгородском государстве, да остатки кое-каких памятников гражданского оборота сохранились в монастырях и случайных частных архивах. Необходимо было особое остроумие и особая точность критической наблюдательности, чтобы по намекам сохранившейся новгородской старины построить правильное понятие об основных особенностях жизни и строя Новгородского общества и связан-

ного с Новгородом Поморья. Только тогда, когда мы поймем, на чем строилась хозяйственная жизнь Великого Новгорода, мы уразумеем, кем, как и для чего колонизовалось из Новгорода интересное нас Поморье в древнейшие времена его исторического существования.

Господин Великий Новгород обладал громадною территорией от Сумского посада на Белом море до водораздела Западной Двины и Ильменских рек. Лишь немногие места в его южных волостях были доступны для успешного сельскохозяйственного труда. Вообще же земля Новгородская была «перодима», и население ковыряло землю без верной надежды на урожай, лишь потому, что не рассчитывало на сколько-нибудь правильный подвоз зерна. Не только тогда, когда низовские (в Поволжье) князья, враждуя, закрывали свои границы для Новгорода, но и в обычное, мирное время новгородцы могли остаться без хлеба по ряду случайных причин. Подсобные промыслы (главным образом, рыболовство) кормили, но не создавали достатка, а пушной зверь, дававший когда-то доходный товар, был уже повывит и ушел на север и восток. В таких условиях новгородцу, чтобы жить обеспеченно и хорошо, надо было торговать. Путем долгого житейского процесса сложилась торговый оборот новгородского государства. Руководили этим оборотом главные города страны—сам Великий Новгород, затем Псков и Старая Руса. Их рынки обратились в главные средоточия товаров, русских и «заморских». В стенах этих городов сбилось густое население, так как в них стеклось все то, что играло руководящую экономическую роль в стране. На иностранцев, выдвинувших Новгород и Псков в пору их хозяйственного расцвета, оба эти города производили впечатление очень больших городов, равных коим немного было в Европе. Можно сказать, что в пустынной, слабо заселенной стране Новгородской эти два или три города (если считать Старую Русу) убили все другие поселки городского типа и стянули к себе все нити экономической жизни своего государства, а вместе с ними и административно-политическое руководство всем новгородским обществом. В то время, как Новгород и Псков имели каждый около 6.000 или 7.000 дворов, а Старая Руса около 1.600 дворов, прочие городские поселки не достигали даже и 300 дворов и имели значение не рынков, а крепостей, направленных на «немцев» и «Литву». Таким образом в новгородском обществе произошла чрезвычайная централизация общественных сил, и «Господин Великий Новгород» был на самом деле «господином» над своей громадной, но пустынной страной, как позднее Псков, получив независимость от Новгорода в 14 веке, стал таким же «господином» над своею областью и своими пригородами. Оба эти городские центра властно распоряжались судьбою своих волостей и пригородов по старому порядку: «на чем старейшие положат, на том и пригороды станут». Вече новгородское было верховным распорядителем и законодателем для всего государства. Оно слагалось не из отдельных лиц и не представляло собою беспорядочной тысячной толпы. Его состав определялся теми внутренними организациями, из которых сложился город: «концами», «улицами», «сотнями». Эти организации становились на вече со своими выборными властями во главе и представляли, каждая в себе, один взгляд, одну волю, один голос. Полное их согласие, когда все они «сходили на одну мысль», становилось волею Новгорода; а разногласие вело к междоусобию. Части города, «концы» и «улицы» становились друг против друга с оружием в руках и искали выхода из разногласия в открытом столкновении, или же в мирном соглашении. Так мирное единение или же борьба составных частей города-господина создавала в результате политику всего государства. А в этих составных частях города, в «концах», «улицах» и «сотнях», вожаками и руководителями были новгородские «бояре» и «жить и люди» — знать, разбогатевшая на новгородском «торгу» и овладевшая постепенно правом на важнейшие государственные должности. Чем дальше шло время, тем сильнее становилось влияние этой знати. В политике она стала правящим классом настоящей олигархией, в руках которой сосредоточилась вся власть. В экономической жизни эта знать стала госпожою рынка и обладательницею земельных богатств. На рынке «бояре» и «жить люди» являлись капиталистами, у которых кредитовались купцы, и которые поставляли на рынок главные виды товаров. В области аграрных отношений «бояре» и «житьи» были крупнейшими землевладельцами, за которыми была масса «боярщинок», — хуторов и деревень. Как справедливо заметил А. Е. Пресняков¹⁾, крупное землевладение отнюдь не означает еще крупного хозяйства; напротив, характерной чертой средневекового крупного землевладения было его соединение с мелким хозяйством». В «боярщинках» новгородских сидели на малых пашенных участках или на мелком промысле зависимые от своих господ арендаторы или их прямые боярские «холопы», рабы.

¹⁾ «Архив истории труда в России», книга первая, стр. 35.

Целые сотни их зависели от одного и того же боярина, «позорovali к нему», говоря старым языком. Через них боярин давил на население волостей так же, как через своих приказчиков и должников на «торгу» новгородском давил он на самый торг. В исходе новгородской самостоятельной жизни (в 15-м веке) новгородское боярство стало громадной силой, от которой зависело в Новгороде решительно все: и закон, и политика, и торг, и промысел.

В полном своем развитии новгородский торговый оборот имел такой вид. Новгород стягивал на свой рынок товары из-за рубежей, потому что в собственной его стране их не было. Ему необходим был хлеб из Руси—из Поволжья и Поднепровья; чтобы получить его, надобно было в обмен дать Руси «заморский» товар, который привозили готландские и ганзейские купцы на свои «готский» и «немецкий» дворы в Новгороде. Это были сукна, вина, приносы драгоценные металлы. За них надо было дать «готам» и «немцам» морские и северные товары: ворвань, моржовую кость, меха, соль, а также воск. Все эти предметы можно было добывать только в Поморье, в северных лесах и на берегах Белого моря. Выходило так, что Новгород был торговым посредником, «маклаком» между «заморьем» (Средней Европой) и Русью. Сам он ничего не производил, а только передавал товары с севера на запад, с запада на восток и отчасти на юг, оттуда для самого себя получал зерно. Основанием этого кругового торга служила северная промысловая добыча, а целью—обеспечение Новгорода продуктами питания. Организаторы этого кругового торга, бояре, должны были устремлять свою деловую энергию и капиталы прежде всего на северную добычу, ибо она их богатила, давая возможность торгового обмена с «заморием». Вот почему боярство новгородское так дорожило Поморьем. Оно обратило его в новгородскую колонию и в договорах с князьями всегда оговаривало, что северные волости—«се, княже, волости Новгородския». Эксплоатацию этих пространств оно почитало как бы своим правом. На далекий и суровый север оно наладило пути, по которым туда шли новгородские колонизаторы, а оттуда тянулись в Новгород товары. Захватить в сферу обычного управления, сделать север государственной территорией у новгородцев не хватало сил и средств: громадные пространства земли, слабо населенные инородцами, не вполне даже были ведомы русским людям. Они оседали там местами, образуя как-бы русские оазисы среди пустынных лесов и в устьях «морских» рек. Когда новгородская колонизация встречалась на севере с попытками колонизации с юга, со стороны низовских (Поволжских) князей, новгородцам приходилось размежеваться с соперниками и признавать их право на пользование известными путями и промыслами. Так, московские князья в 14-м веке пользовались путем по Северной Двине на р. Мезень и далее на север, куда их сокольники ходили добывать «поты» (то-есть птиц ловчих), и новгородцы им не мешали в этом их промысле. Но когда Москва пробовала укрепиться в низовьях Сев. Двины, издавна занятых новгородцами, то Новгород оказывал ей до второй половины 15-го века упорное и удачное сопротивление. Он считал «Двицу» своею колонией и наказывал всякие попытки местного населения отложиться от метрополии: когда «двинские бояре» стали было «позоровать к Москве», Новгород вооруженною силою изгнал с Двины московских чиновников и жестоко покарал двинских вожаков. В Новгороде, словом, крепка была мысль, что Поморье должно тянуть к нему и должно служить его интересам, хотя оно лежало и за пределами новгородского государства.

Отдаленность от Новгорода удобных и богатых промысловых мест на севере и трудности путей, туда шедших, были причиною, почему бедному переселенцу очень трудно было в одиночку идти в Поморье. Он застревал на пути, задержанный широкими порожистыми реками, каменными «сельгами» и тонкими болотами Оболенья. На далекий морской берег (Терский, Поморский, Летний, Зимний, как его называли на разных его участках) могли проникнуть только хорошо снаряженные и снабженные партии колонистов, имевшие целью основать новый промысел или приобрести новое становище для морского лова. Такого рода партии и формировались в крупных боярских хозяйствах. Новгородский капиталист, боярин или «житой человек», желавший вновь завести или увеличить свои промысловые займки на севере, собирал у себя своих холопов, «дворчан» или «дворян» (то-есть дворовых людей) и посылал их на север. Они шли в «ушкуях» (лодках) или на конях и добирались до морского берега. Выйдя к морю, они шли морем вдоль берегов, ища удобных мест для становищ. Найдя устье реки, впадающей в море, они входили в реку до первых ее порогов. Привлекали их и удобные бухты, в которых можно было основаться для ловли рыбы и боя моржей. Все удобные места, не занятые ранее, занимались ими на имя их господина и становились боярскою вотчиною. Так возникали промысловые боярские поселки с русским населением. Распространяясь от первых становищ по берегу или вглубь страны,

поселенцы покоряли себе инородцев—«корельских детей» или «лопь дикую», или же (восточнее) «самояд», «примучивая» их к промыслу своего господина. Понемногу целые округа подпадали вотчинной власти того или иного боярина. Семья бояр Борецких в 15 веке владела, например, значительным сплошным пространством вдоль Летнего (южного) берега Белого моря. Первые русские поселения, усевшиеся где-либо на морском берегу или на рыбной реке, становились опорными пунктами для дальнейшей колонизации. От них ползли во все стороны деревни «орамой» земли, соляные варницы с одним-двумя пренами, семужные «заколы». Под кровом знатного и сильного владельца не только его холопы, но и независимые от него мелкие русские люди, проникшие по следам боярина на север, усаживались на удобных для хозяйственной деятельности местах. А затем и монастырские иноки оказывались в ряду колонизаторов. Они или по своей воле уходили из обителей на север, в дикую глушь, искать созерцательного уединения, или же призывались светскими владельцами угодий, завещавшими и дарившими монастырям на помин их грешных душ свои земли и промыслы. К 15 веку все побережье Белого моря было уже унижено русским населением, зависимым от бояр и отчасти монастырей. Они явились здесь властными представителями крупного землевладения с тою же его особенностью, как и в самой Новгородской земле: крупное землевладение и здесь не означало крупного хозяйства. Как морские промыслы, так и все другие виды промышленной и вообще хозяйственной деятельности на севере не слагались в крупные и сложные организации, а представляли собою группы разбросанных на больших расстояниях мелких предприятий, принадлежащих одному крупному капиталисту. Он управлял ими издали, из Великого Новгорода, и был заинтересован только в том, чтобы из его отдаленной крепостной вотчины в срок и в достаточном количестве шел товар на новгородский «торг». В этом, главным образом, и заключался для него смысл его заимок в далеком краю.

Итак, первоначальные русские поселки в Поморье вышли из Новгорода. Они носили промышленный характер. Их назначением была поставка местных продуктов промысла и охоты на Новгородский рынок. Их инициаторами были хозяева этого рынка, новгородские бояре-капиталисты. Промысловые заимки новгородцев становились базой для дальнейшей русской колонизации в Поморье. Когда, в 15 веке, Москва завоевала Поморье, она «извела» новгородских бояр и освободила от их власти население их «боярщин». Она обратила «дворчан» и холопей боярских и «примученных» ими инородцев в «сирот великого государя московского», то-есть в крестьян, сидевших на земле государевой, а в своем поселке. Предоставленная этим «сиротам» возможность самоуправления повела к тому, что прежние боярщины обратились в крестьянские волости с крепкой внутренней организацией. Эти волости были составлены сплошь из мелких земельных и промысловых хозяйств и, постепенно размножаясь, распространялись в виде таких же мелких «починков», крестьянских заимок. В этом московском периоде своей жизни Поморье приняло вид крестьянского мира с примитивными формами хозяйства и общности.

Отжитая эпоха капиталистической эксплуатации края была забыта и не дает себя чувствовать наблюдателю Поморья, видящему его позднейшую форму и не знающему древнейшей.

С. Платонов.

12 октября 1921 г.

Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве.

(Историческая справка).

При господстве принудительного труда сами рабочие, естественно, могли иметь очень мало влияния на определение продолжительности рабочего дня и на его распределение. Это зависело от усмотрения заводских контор, которые, прежде всего, имели в виду интересы и удобства производства. Случаи вмешательства государственной власти бывали, и даже не так редко, как это обычно думают, но целью его была, в сущности, не охрана интересов труда, а внесение известного порядка и единообразия в практику местной администрации. Л. Нисселович ¹⁾, а за ним и остальные авторы (М. П. Туган-Барановский, А. Н. Быков и др.) ведут начало законодательного регулирования продолжительности рабочего дня от «Работных регул», изданных в 1741 г. правительством Анны Леопольдовны для суконных фабрик. Но это не верно. Первым актом государственного вмешательства в эту область нужно считать регламент адмиралтейства, изданный Петром Первым 5 апреля 1722 г. Так, в § 32 главы XII его предписывается в период с 10 сентября по 10 марта звонить в колокол на работу утром за час до восхода, а вечером—с работы спустя час по заходе солнца (по календарю); обеденный перерыв определен с 11 до 12 час. С 10 марта по 10 сентября бить в колокол на работу полагается утром в 4¹/₂ часа, а вечером в 7, кроме июня и июля, когда работа продолжается до 8 часов; обеденный перерыв начинается в 11 и продолжается в марте и апреле до 12¹/₂, июне и июле до 1¹/₂ и августе—до 1 часу. Избыточные и кузнечные работы должны быть производиться в осенний и зимний период до восьмого часу, а прочие—против вышесказанного ²⁾.

Если сравниться по календарю, то в Петрограде самый короткий день приходится на начало декабря, когда солнце восходит в 9 и заходит в 2 ч. 55 м., составляя всего 6 ч. 55 м.; самый же длинный (13 ч. 25 м.)—на начало марта и сентября, когда солнце восходит в 5 ч. 55 м. и заходит в 6 ч. 20 м. В среднем, значит, для зимнего периода продолжительность рабочего дня можно принять в десять часов. В летние же месяцы она составляет тринадцать часов. Таким образом, в среднем для всего года рабочий день, по регламенту адмиралтейства, колеблется около цифры в 11¹/₂ час.

Указ 5 апреля 1722 г. имел обязательную силу, конечно, только для адмиралтейства; но фактически его значение было шире, и за отсутствием других указаний в законе администрация казенных заводов руководствовалась им в некоторых случаях даже много времени спустя. Так, напр., на алтайских заводах при работах, не принадлежащих собственно к горным и плавильным (по постройкам, ремеслам и др.), с давнего времени продолжительность и распределение рабочего дня установились применительно к этому регламенту адмиралтейства, и еще в постановлении Горного Правления от 30 декабря 1853 г. имеется—по словам Н. Зобнина—ссылка

¹⁾ «История фабрично-заводского законодательства».

²⁾ Первое полное собрание законов, т. VI, № 3937.

на него, как на акт, «которым в заводах руководствуются и поныне»¹⁾. Нужно заметить, однако, что администрация при этом не стеснялась вносить в него некоторые существенные изменения, клонящиеся к невыгоде рабочих. Так, выход на работу производился здесь круглый год в 4^{1/2} ч. утра; между тем по регламенту 1722 г. предписывалось делать это только в летнее время, а в зимнее—за час до восхода солнца, а оно, напр., в декабре показывается на широте Томска или Красноярска в 8^{1/2} час. Точно также кончать работу правилами Алтайского горного правления предписывалось и зимою в семь часов, а по регламенту — спустя час по заходе солнца, т. е. значительно раньше. Таким образом, действительный рабочий день, за вычетом обеденного перерыва, на Алтае должен был продолжаться 13—13^{1/2} часов в течение всего года.

Можно думать, однако, что фактически дело обстояло иначе. Так как ремесленные работы в горнозаводском деле производились большей частью на вольном воздухе, а не в закрытом помещении, где можно было применять искусственное освещение, то начинать работу зимою в 4^{1/2} и кончать в 7 часов было бы бесполезной тратой времени. И если,—как сообщает далее Зобнин,—ремесленники жаловались в 1853 г. на то, что их заставляют работать в мае до 8 ч. вечера, тогда как по регламенту адмиралтейства кончать работу нужно в 7, то непонятно было бы, почему они не подняли вопроса о том, что в зимние месяцы разница между регламентом и местными правилами составляет иногда целых пять и даже шесть часов. Естественным поэтому является предположение, что рабочий день здесь был зимою значительно короче, чем летом, и приближался более к 10, чем к 13—13^{1/2} часам.

Весьма вероятно, что указ 1722 г. применялся для работ в роде вышеупомянутых также в других районах и, может быть, без тех искажений, которые практиковались в предприятиях кабинета его величества, ибо порядки на этих последних отличались особенной свирепостью. В сочинении Германа при описании казенных заводов (Ягошихинского, Мотовилихинского, Пыскорского и Висимского) приводится текст регламента адмиралтейства; очевидно, он имел здесь применение. Упоминается здесь также еще о предписании Берг-Коллегии, изданном в 1745 г., согласно которому рабочие в субботу должны отпусаться за три часа до вечера²⁾. Это постановление не отличается большой точностью, но им санкционировался во всяком случае обычай более раннего, чем в остальные дни, прекращения работ накануне воскресенья. 4 февраля 1843 г. было издано урочное Положение на все работы, производящиеся при крепостях, гражданских зданиях и гидро-технических сооружениях. Беря за основу принцип, на котором был построен регламент Петра I, это Положение вносит в него большую точность и определенность. Так как время восхода и захода солнца очень различно на разных широтах, то положение делит всю территорию на три пояса—северный, средний и южный; а вместо двух периодов года различает четыре — весну, лето, осень и зиму. Продолжительность рабочего дня в летнее время устанавливается в 12 часов, а остальные двенадцать отводятся «для отдыха», «для переходов на работы и с оных и для других потребностей, какового времени для подкрепления физических сил человека вполне достаточно». Весною и осенью рабочий день сокращается до 9 часов. А в зимнее время предназначается производить работы только по 8 часов в каждый рабочий день³⁾. Наибольшая продолжительность его для средней полосы составляет 13, а наименьшая 7 часов; средняя же продолжительность рабочего дня Положением 1843 г. определяется в 10^{1/2} час., т. е., на один час меньше, чем по регламенту 1722 г.

Другой вопрос, конечно, в какой мере эти нормы получили осуществление на практике. В мае 1853 г. мастеровые-ремесленники Змеиногорского рудника на Алтае просили горную контору отпускать их с работы в 7 часов вечера, как следовало бы по петровскому регламенту, а не в 8 ч., как делалось на руднике. Горнозаводское правление в своей справке указывало, что если основываться на регламенте, то работу в мае нужно кончать в 7 часов; если же руководствоваться Положением 1843 г., то в 7^{1/2} ч., но зато давать больший отдых в середине дня. Горный начальник нашел, что если заводы установят рабочий день на основании Положения 1843 г., то они не успеют выполнить того, что требуется по штату, и потому предписал Горному правлению руководствоваться прежним регламентом⁴⁾. Но и регламент адмиралтейства —

¹⁾ Н. Зобнин, «Мастеровые алтайских горных заводов», Сибирский сборн., 1891 г., кн. 11.

²⁾ «Сочинения о Сибирских рудниках и заводах». 1797 г. Часть вторая.

³⁾ 2-ое полное собрание законов, т. XVIII, № 16503.

⁴⁾ Н. Зобнин, «Сибирск. сборник» 1891 г., кн. 11, стр. 23.—Что касается уральских заводов, то «Описание Пермской губ.» Мозеля (1864 г.) неоднократно упоминает о применении урочного положения 1843 г. при земляных, плотничьих и разных строительных работах.

мы видели выше—также не соблюдался на Алтае, поскольку дело касалось интересов рабочих. Так как ответственности за нарушение данных норм установлено не было, а равно не существовало особых органов по надзору за их применением, то можно полагать, что случаи в роде вышеуказанного не составляли исключения.

Что касается горнозаводских работ в собственном смысле слова, т. е. работ по добыче и обработке руд, то здесь под влиянием требований непрерывности производства очень рано, может быть даже с самого начала, установился порядок двухсменной работы по 12 часов каждая. В регламенте, утвержденном Берг-Коллегией 25 февраля 1725 г. («Какое содержать зван при горном и плавильном деле»), предписывалось звонить на работу в 4 ч. утра, с одиннадцати до двенадцати полагался отдых, а затем звонили в 4 часа пополудни: «тогда будет пикта и смена людям, а особливо в плавильнях». Таким образом, фактический рабочий день здесь равнялся одиннадцати часам ²⁾. Едва-ли Берг-Коллегия выдумала этот распорядок работ из головы; несомненно она имела уже перед собой более или менее значительный опыт, накопленный практикой горных заводов. Об этом свидетельствуют то единообразие и устойчивость, какие наблюдаются в данной области отношений, несмотря на то, что нормы регламента не имели авторитета закона и в Горный устав потом не вошли. Так, в материалах для характеристики положения уральских заводов, собранных Германом в конце XVIII века, несколько раз говорится, что производство ведется двумя сменами, днем и ночью. Подобные же указания встречаются в описании Пермской губернии, произведенном Поповым в самом начале XIX столетия ³⁾. Четверть века спустя в описании Камско-Воткинского железодобывающего завода упоминается, что смена рабочим людям в колотушечном цехе производится через двенадцать часов ⁴⁾. О двухсменной работе при плавильном деле говорится также в штатах уральских заводов, утвержденных в 1827—29 г.г. Наконец, в исследовании Безобразова об уральском горном хозяйстве мы находим сообщение, что доменный подмастерье в Екатеринбургском частном округе получал (в 1854 г.) 25 коп. за двенадцатичасовую смену ⁵⁾. Точно также в Алтайском горном районе с самого начала его возникновения в конце первой четверти XVIII века и до падения крепостного права применялась двухсменная работа по 12 часов в каждой ⁶⁾.

Интересно отметить, что уже в то отдаленное время бывали, по сообщению Германа, случаи применения такой нормы рабочего времени, которая стала фигурировать в качестве программного требования передовых слоев рабочего класса лишь много десятилетий спустя. Так, в описании Кольвано-Воскресенских заводов говорится, что в горном производстве «все работы производятся в смены, кои обыкновенно продолжаются 12, а иногда 8 часов» (172 стр.).

Это сообщение о случаях применения восьмичасового рабочего дня настолько расходится со всеми нашими представлениями о духе той эпохи и в особенности о характере администрации именно алтайских заводов, что невольно возникает сомнение, нет-ли тут какого-нибудь недоразумения. Конечно, такой компетентный и осторожный автор, как Герман, не мог давать в своих материалах места явно неправдоподобным известиям, но может быть тут есть неточность выражения. Дело в том, что двухсменная работа может вестись двояким образом: или каждая смена работает сначала днем, а затем ночью по 12 часов, или же 8 и 16 часов поочередно. Последний способ встречается очень редко, но все же бывает. О нем сообщает С. Швецов в своем обследовании частных заводов того же Алтайского округа, произведенном в начале девяностых годов истекшего столетия ⁷⁾. Может быть, и сообщение Германа является отзвуком подобного распорядка. Н. Зобнин, разработавший материалы архивов Салаирской, Томской и

¹⁾ Н. Зобнин, «Сибирский Сборник». 1891 г. кн. 11, стр. 23.—Что касается уральских заводов, то «Описание Пермской губ.» Мозеля (1864 г.) неоднократно упоминает о применении урочного Положения 1843 г. при земляных, плотничьих и разных строительных работах.

²⁾ И. Герман, «Историческое начертание горного производства в Российской Империи» 1810 г., стр. 89.

³⁾ «Хозяйственное описание Пермской губ.» 1804 г.

⁴⁾ Горный Журнал, 1827 г. № XI.

⁵⁾ Статистические таблицы о количестве производства, о ценах на зав. материалы, работу и провант уральск. горн. зав. 1869 г., стр. 14

⁶⁾ Герман, «Сочинения о сибирских заводах и рудниках». 1797 г. Часть II, стр. 172. Н. Зобнин, «Мастеровые алтайских горных заводов», Сибирский сборник, кн. II. 1891 г.

⁷⁾ Сборник правоведения и общественных знаний, № VII.—Положение труда на частных заводах Алтайского округа.

Ирбитской горной конторы, ничего не сообщает об этом; было бы очень важно подвергнуть изучению остальные местные архивы.

Что касается количества рабочих дней в году, то их было в общем менее, чем в последующий период, т. е. после падения крепостного права. В первых штатах, выработанные Генниным и Татищевым в 1723 и 1737 г. г., количество рабочих дней принято в 250. Согласно «росписи праздничных и увольнительных дней, в которые мастеровые и вообще рабочие люди освобождаются от казенных работ», приложенной к штатам Камско-Воткинского завода от 7 февраля 1828 г., кроме 53 воскресений, полагалось еще 42 дня на почитание царских дней, двенадцатых и иных праздников, а также на пост и исповедь 3; всего таким образом 97 дней ¹⁾. Кроме того, существовали еще отпуска. По регламенту адмиралтейства, «в мирное время или когда нужного дела нет, всем мастеровым с 10 ноября по 10 января не работать и на те дни рабочих денег не давать». Этот своеобразный двухмесячный отпуск объясняется повидимому, тем, что на указанное время приходится мертвый сезон в морском ведомстве. На горных заводах имелись другие основания для отпуска и притом в совершенно иное время. Почти у всех рабочих здесь были покосы, а многие имели и пашенную землю. Первоначально время отпуска внолне зависело от усмотрения администрации, но в 1726 г. состоялось определение Берг-Коллегии, которым предписывалось мастеровых и рабочих людей (не иноземцев) увольнять для заготовления сена в каждый год по неделе, считая в то число и праздничные дни; от тех же работ, в коих не имеется крайней нужды,—в половинном размере или по третям. Указом 19 мая 1819 г. все вообще мастеровые и рабочие люди должны были увольняться в страдное время, с 1 июля по 1 сентября, от заводских работ: по заводам Екатеринбургским, Гороблагодатским, Пермским и Камско-Воткинскому на 20, а по Богословским, сенокосы коих находятся на весьма далеком расстоянии от местожительства,—на 30 дней. А для того, чтобы не терпящие отлагательства заводские работы не останавливались, предписывалось увольнять рабочих на сенокос в таком количестве, какое можно уволить за исправлением тех работ; таковыми неотложными операциями признавались: плавильное дело, поправка заводских строений, плотин, ларей, водопроводов, горнов, молотов, мехов и прочих машин. Этот отпуск делался без вычета жалованья, но с прекращением выдачи провианта как самим рабочим, так и их семьям. Но затем, восемь лет спустя, в виду все возрастающей дороговизны и ухудшения быта рабочих, постановлено было выдачу провианта мастеровым и непременно работникам с их семействами, за время их отпуска на страдные дни, не удерживать и производить в полной мере подобно тому, как производится им в страдное время жалование.

Правила об отпуске рабочих в летнюю пору распространялись также и на частные заводы, действующие казенными мастеровыми ²⁾.

Если присоединить теперь к вышеупомянутым 97 праздничным дням двадцать дней, полагающихся на страдную пору, то общее количество дней, свободных от казенной работы, составит 117. Таким образом, рабочих дней в году было 248 или, круглым счетом, принимая во внимание, что некоторые праздники совпадают с воскресеньями, 250. Эта цифра была принята официальной «росписью праздничных и увольнительных дней», из нее исходили при составлении смет на казенных заводах.

Совершенно иной порядок распределения работ в году установился на Алтае. «Добыча руд и выплавка металлов продолжаютя круглый год, днем и ночью—говорит Н. Зобнин ³⁾,—за исключением нескольких дней, когда действие останавливается по случаю переделки печей и горнов, или по случаю маловодья в прудах. Для этих рабочих праздников не существовало. До 1786 г. горные и заводские рабочие работали круглый год, днем или ночью, по 12 часов в смену. С 1786 г. была введена система трехсменных работ, сначала на рудниках, а с 1800 г.—и на заводах. Трехсменная система состояла в том, что каждый мастеровой одну неделю работал днем, другую—ночью, а третья была свободная («гуляная»), когда он мог заниматься у себя дома или служить по вольному найму».

Несмотря на авторитетность исследователя, едва ли можно принять на веру его утверждение, что до 1786 г. горные и заводские рабочие работали круглый год, не имея свободных дней для

¹⁾ 2-ое Полное Собрание Законов, т. III, № 1776.

²⁾ Выс. утв. постановл. ком. мин. 30 июня 1827 г. 2-ое II, С. З. Т.

³⁾ «Сибирский Сборник» 1891 г., книга 11.—Мастеровые алтайских горных заводов до освобождения.

отдыха. К сожалению, им не указываются источники, откуда почерпнуты эти сведения; но, откуда они не будут подтверждены документально, я считаю их неправдоподобными. Такое положение вещей трудно вяжется с тем, что в соседнем, Уральском, районе горнозаводские казенные рабочие имели свыше ста дней как для отдыха или удовлетворения религиозной потребности, против чего администрация едва ли могла в то время сделать достаточно сильный отвод, так и для участия в покосах, каковые также существовали на Алтае. Наибольшее количество рабочих дней, какое мне встретилось в источниках,—это 300; означенная цифра упоминается несколько раз в «Описании первого в России оружейного завода», сделанном в 1663 г. стольником Фон-Визиным, как основание для вычисления производительности разных категорий рабочих¹⁾. Но тульские оружейники работали сдельно и притом обычно у себя на дому, по крайней мере, в рассматриваемый период. Поэтому данную цифру нельзя считать типичной для наших горных заводов при определении количества обязательных рабочих дней в году.

Наконец, как объяснить внезапный переход от старого порядка, при котором работа велась круглый год, к трехсменной работе, предоставляющей целую треть года в свободное распоряжение рабочих. Нужно предположить тогда, что около 1786 г. на Алтае произошло что-то необыкновенное, из ряда вон выходящее. Однако, никакого намека на это мы не находим в литературе. Остается предположить поэтому, что до 1786 г. работы велись здесь так же, как и на Урале,—беспрерывно двумя сменами, но рабочие при этом пользовались известным количеством свободных дней в году. Подтверждение этим априорным соображениям можно найти в книге Германа, с которой, повидимому, Зобнин не был знаком. Так, в описании Кольвано-Воскресенских заводов отмечается, что в плавильном деле «работа производится во весь год беспрерывно, разве когда печи выгорят, тогда для починки и поправки оных останавливается, что в год два и три бывает, и каждая такая остановка продолжается дня 3, 4 и 5; также заводам остановка бывает в вешнее время от большеводья до месяца времени, а в засушливое время за маловодьем; всей таковой остановки в году считать можно 2, а иногда и до трех месяцев»²⁾.

Переход к трехсменной работе совершился, повидимому, по инициативе местной администрации, но затем этот порядок был закреплен законом, войдя в Учреждение 1828 г. об управлении Кольвано-Воскресенских заводов³⁾. Таким образом, рабочих дней в году выходило 244, т. е. немногим менее, чем на Урале. В цитированной мною книге Германа содержится даже утверждение, что трехсменные работы «идут безостановочно, исключая воскресных и праздничных дней (курсив мой), во все годичное время и в день, и в ночь». Но это—или оплошность корректора, пропустившего частицу не («не исключая воскресных и праздничных дней»), или несомненное недоразумение. Ибо, если присоединить к «гульным» неделям воскресные и праздничные дни, то количество рабочих дней составило бы уже менее половины года, а это представляется явно неправдоподобным. И в Учреждении 1828 г., санкционировавшем сложившийся ранее порядок, определенно указывается, что при трех сменах работа производится непрерывно как в будни, так и в праздничные дни. Особого отпуска на время сенокоса трехсменные рабочие, конечно, не получали, все же остальные из постоянных рабочих пользовались им на тех же основаниях, как на уральских казенных заводах. Может-быть, для того, чтобы уравнивать положение этих двух категорий, законом 11 мая 1847 г. постановлено было увеличить срок отпуска на летнюю страду на пять дней, доведя его до 25 дней. При этом должен был соблюдаться такой порядок, чтобы одна часть рабочих оставалась при неотложных заводских работах, а другая тем временем пользовалась увольнением. Особое место занимают Олонецкие казенные заводы: здесь мастеровые не имели ни пахотных, ни покосных земель по отводу и потому не пользовались льготным месяцем, как на Урале и Алтае⁴⁾.

В перечне мер, принимавшихся государственной властью в целях урегулирования рабочего времени, нужно упомянуть еще о законе 19 августа 1824 г., которым разрешалось употреблять мастеровых на уральских заводах к плавильному делу и отливке воды из рудников в воскресные и праздничные дни за тройную плату. Поводом для его издания послужило обращение группы мастеровых пермских заводов, привлекавшихся к отливке накопившейся воды из рудников в воскресные дни, к своему начальству с просьбой, чтобы им дозволено было проведенное на

¹⁾ Гамель, «Описание Тульского Оружейного завода». 1826 г. Прибавление VIII.

²⁾ «Сочинения о сибирских рудниках и заводах». 1797 г. Часть первая, стр. 276.

³⁾ 2-ое П. С. З. Т. III, № 1960.

⁴⁾ Памятная книжка Олонецкой губ. на 1860 г.—Очерк Олонецких заводов.

этой работе праздничное время отгуливать от обыкновенных работ—в виду того, что двойная плата, установленная законом для работ в праздники, по ограниченности своей недостаточна, а между тем они лишаются возможности исправлять собственные надобности. Пермское Горное Правление признало возможным согласиться на это, но министр финансов высказался против, находя неудобным отступать от основного правила, разрешающего употреблять в экстренных случаях на работу и в праздники, и имея в виду, что тягость последней вовсе не так велика, ибо рабочие привлекаются к ней поочередно. Поэтому решено было ограничиться повышением вознаграждения до тройного размера против обыкновенного ¹⁾.

Как видно отсюда, ближайшим поводом для этого акта послужил вопрос о работах по отливке накопившейся воды в рудниках, каковые являются не только не терпящими отлагательств, но и случайными по существу своему. Другое дело плавильное производство: оно присоединено сюда совершенно искусственно, ибо 1) непрерывность его является постоянной и 2) привлечение к нему в праздничные дни рабочих по очереди едва-ли технически допустимо. Поэтому соображения министра финансов по отношению к этим работам представляются просто основанными на недоразумении, и фактически означенные мастеравые пользовались как до, так и после этого акта другими днями отдыха взамен праздников, проведенных в непрерывном производстве ²⁾.

На частных заводах продолжительность рабочего времени была в общем такова же, как и на казенных; но в некоторых случаях наблюдалось стремление к его удлинению, в зависимости от личного усмотрения владельцев. Так, напр., из отношения оренбургского епископа к начальнику губернии от 29 ноября 1858 г. видно, что на юрюзанском заводе, по приказанию владельца, работы производились без различия воскресных, праздничных и высокотожественных дней.

В октябре и ноябре 1857 г. генерал Сухозанет лично приказал работать во все праздничные и воскресные дни, чтобы устроить заводскую плотину, и на эту работу должны были являться даже беременные женщины и матери с грудными детьми, несмотря на холодную погоду. В 1858 г. заводские люди у Сухозанета в праздничные дни 26 августа, 27 сентября и 22 октября также не были избавлены от работ ³⁾.

Н. Пажитнов.

¹⁾ П. С. З. Т. XIX, № 30030.

²⁾ По данным, помещенным в справочной книжке для русских горных людей (год второй), выплавка на златоустовском заводе продолжалась в 1860 г. 280 и в 1861 г.—246 суток.

³⁾ Архив 3 Отделения собственной его величества канцелярии—«О жестоком обращении с крестьянами Юрюзанского завода» (4 экспед., 1858 г. дело № 261).

Бурлаки в первой половине 19-го века ¹⁾.

...Но вдруг я стоны услышал
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бичевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный, похоронный крик...

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски...

Н. Некрасов. „На Волге“.

Обычно бурлаками называются рабочие, которые идя в ногу вдоль горного берега Волги, тянут против течения судно, закинув свою лямку (широкий кожаный ремель) за бичеву, прикрепленную к судну. Однако к бурлакам причисляются и другие рабочие, находящиеся на судне при сплаве. В описываемый нами период наименование „бурлак“ не всюду было ходко. В Тверской губернии судорабочие назывались „коноводами“, а также „коренными“, каковое наименование применялось в других местах к бурлакам, нанимавшимся на целый рейс („путину“), а не как „добавочные“, которых брали на время, по мере надобности. В Пермской губернии, повидимому, судорабочие на реке Чусовой (притоке Камы) не назывались бурлаками, но шедших по Каме от Перми к Волге именовали бурлаками ²⁾.

Волею рока выбитые из обычной колеи, потерявшие надежду на лучшее будущее, проведшие ряд месяцев под открытым небом в непосильном труде, в неотвратимой нужде, бурлаки искали утешение и забвение в водке: в кабаках и в крайне тяжелой работе формировался тот духовный их облик, который позволял бурлака отождествлять с грубым человеком, для которого нет ничего святого, с буяном, драчуном ³⁾. Но если, видя, как бурлаки, едва

¹⁾ Источники: архив министерства внутренних, дел департамент полиции исполнительной—1831 г. № 227, «По донесению нижегородского губернатора о предполагаемых мерах к удержанию судорабочих от побегов»; 1831 г. № 530, «По донесению ярославского губернатора о людях, приходящих на судах к Рыбинской пристани, на счет обеспечения в продовольствии»; 1834 г. № 426, «По отношению главно-управляющего путями сообщений по предмету улучшения состояния бурлаков»; архив государств. совета, департамент экономии, 1836 г. №№ 83 и 186, «Об улучшении положения бурлаков».

Ср.: С. В. Максимов, Куль хлеба и его похождения (полное собрание сочинений, изд. 5-ое, т. 7, главы IX—X).—В. Даль, Толковый словарь (слова: бичева, бурлак).

²⁾ Кое-где бурлаками назывались крестьяне, уходившие из деревни вообще на заработки (Новгородские губ. ведомости, 1869 г. № 11).

³⁾ «Собака, не тронь бурлака, он сам—собака»; «дома бурлаки бараны, а на плесу (части волжского берега)—буяны» (Толковый словарь В. Даля).

прикрытые лохмотьями, со впалой грудью, тянут барки, Некрасов мог по праву назвать Волгу „рекою рабства и тоски“, то тем не менее среди бурлаков порою встречались гордые души, которые при всем материальном гнете оставались внутренне свободными,—и были люди, которые под ударами судьбы порывали общественные связи и уходили на Волгу чтобы вдали от родины забыть о мучительном прошлом, чтобы зажить новой жизнью чуждой повседневных забот, сковывающих человека, чтобы почувствовать себя таким же не покорным, своевольным, как сама река. Такой бурлак воспет поэтом И. Никитиным в стихотворении „Бурлак“:

...Запросилась душа на простор...
Взял я паспорт, подушные отдал,
И пошел в бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синие волны!
Коли отдых придет, на крутом берегу
Разведешь огонек в вечер темный,
Из товарищей песню один заведет,
Те подхватят,—и в миг встрепенешься,
С головы и до ног жар и холод пойдет,
Слезы слержишь,—и сам тут зальешься!
Непогода-ль случится и вдруг посетит
Мою душу забытое горе,—
Есть разгул молодцу: Волга с шумом бежит
И про волю поет на просторе...

I.

Отличительный знак бурлаков—ложка, заткнутая за ленту на шляпе. В зависимости от исполняемых обязанностей они делились на несколько категорий: старший из них, следящий, чтобы груз не подмок,—водолив; управляющий судном—лоцман; передовой в лямке—мишка; идущие в хвосту и обязанные освобождать бичеву, когда она зацепляется за куст или дерево,—косные. Лишь немногие из бурлаков были сведущи в судоводном деле; остальные не знали ни приемов и правил судовой службы, ни самой реки, хотя почти все они работали на судах с детства, по примеру отца и деда.

В ряды бурлаков вступали: беднейшие из крестьян, которые не могли прокормиться своим хозяйством по малоземелью или неплодородию почвы; мещане, не находившие других источников пропитания; пьяницы и вообще опустившиеся люди, рассчитывавшие провести при попутном ветре некоторое время в праздности; бродяги, порою с фальшивыми паспортами, помышлявшие лишь о коротком отдыхе от безконечных скитаний. Особо нужно упомянуть о крестьянах, которых помещики или волостные головы за неплатеж оброка или податей принудительно отдавали целыми партиями на судовую работу, чтобы полученным от судохозяина задатком покрыть их долги.

По Нижегородской губернии в бурлаки шли преимущественно крестьяне из малоземельных селений, в семьях которых были двое, трое и больше мужчин; в деревне оставалось столько мужчин, сколько нужно было для весенних работ, прочие, не желая или не умея заняться другим, более выгодным, промыслом, нанимались в судовые рабочие и возвращались домой к 29 июня, когда начинался сенокос и уборка хлебов с полей; иные же оставались на судах до прекращения навигации.—Из жителей Саратовской губернии занимались бурлачеством не более 2000 душ: городские мещане, малоземельные крестьяне Кузнецкого, Петровского и Сердобского уездов, и кузнецкие татары трех волостей, распродавшие большую часть земель, некогда пожалованных их предкам, служилым людям; впрочем, татары постепенно переселялись на луговую сторону реки, где требовались руки для полевых работ, а потому из года в год число татар-бурлаков уменьшалось. Значительно больше было в Саратовской губернии бурлаков, приходивших великим постом из Пензенской, Симбирской, даже Тамбовской и Нижегородской губерний, чтобы поспеть к первому рейсу в Астрахань, обычно начинавшемуся в конце апреля и в начале мая.—В Пермской губернии из местных жителей шли в бурлаки только немногие мещане, да иные крестьяне Чердынского уезда, гонимые неплодородием земли; их основным занятием были: в зимнее время рубка дров для солеварен, а весною—сплав этих дров; летом

они отправлялись на Волгу; главная масса бурлаков, собиравшихся в Перми, состояла из пришлых, преимущественно из Вятской губернии.—В Вятской губернии значительное число бурлаков выходило из уездов: Орловского, Ботельнического и Нолинского, а также частью из Вятского и Слободского.

Хотя законом 1810 г. и были в некоторой мере установлены взаимоотношения между судовладельцами и судорабочими¹⁾, но помимо того, что большинством этих правил определялись обязанности рабочего, даже те из них (§§ 15, 17, 18), которыми имелось в виду облегчить его положение, не исполнялись, и местные власти не протестовали против этого. Бурлаки были совершенно беззащитны.

В марте, а иногда и ранее, начинался наем судорабочих—артелями или по одиночке—то в деревнях, известных своим малоземельем, то в важнейших сплавных пунктах: Сомине (Новг. губ.), Вышнем-Волочке, Рыбинске, Нижнем-Новгороде, Лыскове, Бакалде, Воротынце (последние три Нижегород. губ.), Самаре, Хвалынске, Саратове, Перми, Орлове (Вятск. губ.) и др. И всегда всюду предложение труда превышало спрос на него. Это объяснялось не только чрезвычайным числом людей, не находивших лучших занятий, но и другими обстоятельствами. Особое значение имело в данном отношении то, что все больше и больше появлялось конно-машинных судов, требовавших меньшего числа людей, чем старые суда. Наряду с этим важную роль играло обыкновение судохозяев нанимать меньше людей, чем требовалось тяжестью груза по закону 1810 г. (что, конечно, увеличивало работу нанятых судорабочих). К тому же случалось, что одна и та-же артель бурлаков, быстро совершив путь при попутном ветре (напр., из Н.-Новгорода до Рыбинска в течение трех недель), успевала вернуться к месту сплава и вторично наняться на судно. Все это приводило к тому, что бурлаков было больше, нежели в них была нужда. Так, в трех пристанях Нижегородской губернии набиралось от 11½ до 14 миллионов пудов груза, следовательно в соответствии с установленной нормой полагалось от 35 до 43 тысяч бурлаков; но так как, помимо конно-машинных судов, около 200 судов (гуслятки) шли вверх по Оке бичевою, которую тянули лошади, то при обыкновении судохозяев сокращать судовые штаты, для обслуживания трех пристаней было достаточно 15—20 тысяч бурлаков, между тем их приходило 50—60 тысяч. В Казанской губернии в начале 20-х годов имелось до пятисот местных судов, каковые вместе с зимовавшими в Казани из других губерний судами требовали 16—18 тысяч человек, но постепенно, с введеннем конно-машинных судов, эта цифра понизилась, дойдя к 1835 г. до шести тысяч, а между тем наплыв бурлаков не уменьшался.

Благодаря «перепроизводству» бурлаков, господами положения были всегда судовладельцы: «плата и условия—по словам саратовского губернатора, знакомого также с положением бур-

¹⁾ 29 октября 1810 г. (Первое полное собрание законов, № 24391).

§ 12—Договоры, заключенные с судовщиками при маклере относительно сплава судов, приравнены к контрактам;

§ 13—закон, запрещающий верить крестьянину свыше пяти рублей, не распространяется на тех, кто нанимается для сплава судна;

§ 14—судорабочие, в случае нарушения договора, обязаны вернуть хозяину задаток, а также „передаточные“, уплаченные тому, кто заменил судорабочего, нарушившего договор; указанные деньги взыскиваются с поручителя, если судорабочий не может их заплатить;

примечание к § 15—судохозяин не должен оставлять заболевшего судорабочего иначе, как в городе или деревне, снабдив его деньгами, за счет артели, к которой принадлежит заболевший;

§ 17—на каждые 900 пудов груза до Н.-Новгорода и на каждые 1000 пудов от Н.-Новгорода до Рыбинска судохозяин обязан нанимать троих рабочих;

§ 18—кроме упомянутых рабочих, нанимаемых на известные расстояния, на каждом судне должны быть один лоцман и трое „коренных“;

§ 22—уездное казначейство может выдать в одном и том же году крестьянину вторично паспорт лишь при пред'явлении отлучка от вотчинного начальства и свидетельства земского суда, что данный крестьянин не бежал с судна;

§ 23—по пред'явлении паспорта бежавшего рабочего судохозяину выдается сумма, взысканная с бежавшего рабочего;

§ 24—если бежавший рабочий не имеет поручителя и сам лишен средств, он должен в следующем году доработать долг; если судохозяин не будет нуждаться в услугах рабочего, он может передать его другому судохозяину;

§ 25—если за бежавшего рабочего поручился мир, задаток взыскивается в двое; половина идет на содержание судоходной расправы.

§ 27—одного содержания с § 22.

лаков в Нижегородской губернии—всегда бывает выгодны для судовладельцев». Конечно, размер платы зависел не от одной доброй воли судовладельцев, но от ряда экономических обстоятельств. Так, в 20-х годах, когда в Казанской губернии процветало поташное дело, доставлявшее заработок всему местному малоземельному крестьянству, последнее не имело крайней надобности добиваться маловыгодной работы на судах, а потому судовладельцы были вынуждены платить бурлакам от 70 до 100 рублей. Но в 30-х годах, в связи с появлением конно-машинных судов, фрахт за перевозку грузов понизился и это заставило владельцев старых судов уменьшить свои расходы, т.-е. понизить размер платы бурлакам; они и довели ее до 35—40 рублей, воспользовавшись тем, что к тому времени поташное дело значительно сократилось, благодаря чему появилось много безработных, число коих возросло и вследствие того, что часть старых судов была заменена конно-машинными, довольствовавшимися меньшею рабочей силой. С другой стороны случалось, что в собственных своих интересах судовладельца не скупился на вознаграждение бурлаков. Напр., в марте 1835 г., добившись, в виду усиленного требования судов, высокого фрахта, судовладельцы, стремясь возможно скорее доставить груз к месту назначения, платили за путину от Лыскова до Рыбинска 45 рублей. Но в следующий месяц, когда количество перевозимых грузов уменьшилось, а бурлаки все еще продолжали прибывать, судовладельцы стали платить всего 20 рублей за ту же путину. А ранее за рейс от Лыскова или Нижнего-Новгорода до Рыбинска бурлаки получали всего по 12 рублей.

В 1831 г. размер платы за путь до Рыбинска колебался между следующими (в рублях) цифрами:

от Нижн. Новгорода	19—23 (454 в.);	от Новодевичья	48—52;
> Лысково	20—24;	> Самары	50—53;
> Чебоксар	29—38;	> Хвалынска	51—55;
> Казани	37—40;	> Колонки	57—59;
> Камы	45—46 (901 в.);	> Орла	35—45;
> Майн	44—45;	> Моршанска	32—36;
> Симбирска	44—45;	> Суры	34—36.

Чтобы понизить плату до крайних пределов, судовладельцы нанимали бурлаков в начале года, так как это было особенно тяжелое время для крестьян,—с них тогда требовалась уплата податей за первую половину года, и малоземельные крестьяне, побуждаемые земской полицией ко взносу подати, спешили наняться хотя бы за самую малую плату, лишь бы получить задаток и им очистить повинность, лежавшую на их семействе. Так именно поступали, напр., казанские судовладельцы, когда конно-машинные суда понизили фрахт. Даже опытные бурлаки, зная себе цену, нередко не могли добиться надлежащего вознаграждения, благодаря тому, что судовладельцы имели в руках неотразимую приманку для крестьян—задаток! Не напрасно положением о судоходстве по Волге 1810 г. было оговорено, что закон, запрещавший верить крестьянину свыше пяти рублей, не распространяется на тех, кто занимается на судовую работу. Задаток, щедро выдаваемый судовладельцами, настолько привлекал крестьян, что ради немедленного получения его они соглашались на самую низкую плату. И не только крестьяне, но также вотчинные начальники без долгих споров принимали суровые условия, диктуемые судовладельцем; нуждаясь в деньгах, они готовы были получить задаток даже ценою тяжелых уступок, не задумываясь над последствиями, ожидавшими бурлака. При таких условиях и опытным бурлакам поневоле приходилось следовать примеру прочих; они утешали себя, что если первая путина и невыгодна, то на второй им удастся навертеть потерянное, но эти надежды редко оправдывались.

Официальная записка (1835 г.) вятского губернатора, отнюдь не благоволившего к бурлакам, дает яркую картину найма их в Вятской губернии. Бурлаков из Орловского и Котельничского уездов нанимали преимущественно приказчики сибирских железоделательных частных и казенных заводов, а также купцы и казенные комиссионеры губернии. Обыкновенно наем начинался в феврале и даже в январе. К этому времени приказчики крупных заводчиков (Яковлевых, Демидовых и др.) приезжали в гор. Орлов; жители этого уезда, многолюднейшего и малоплодородного, «от малых урожаев хлеба и от лености» были беднее, чем в прочих местах, а потому здесь было много охотников идти в бурлаки. Приказчики и комиссионеры давали знать в волостные правления и в селения о своем прибытии, дабы желающие поступить на суда являлись к ним договориться о цене, заключить контракт и получить задаток. Так

В ту пору происходил сбор подати за первую половину года, более тяжелый, чем платежи в октябре, ноябре и декабре—за вторую половину, когда крестьянин имел хлеб для собственного продовольствия и для продажи, то январь—март были благоприятны для судовладельцев: бедный крестьянин, не имея что продать, был вынужден как для своего прокормления, так и для уплаты подати, наняться в судовую работу на каких бы то ни было условиях. Вот почему при известии о приезде приказчиков крестьяне немедленно отправлялись в город тысячами. Видя избыток в людях, приказчик прибегал к хитрости, чтобы добиться своей цели. Он объявлял, что ему столь значительного числа рабочих не нужно, что ему достаточно половины того числа людей, которые были наняты в минувшем году, и на этом основании он ставил цену, меньшую, чем в прошлом году. Кроме того, подкупив нескольких крестьян, он пускал их незаметно на сборища, когда обсуждались условия судовладельца, и эти предатели под предлогом, что они первые нанимаются, подговаривали прочих согласиться на предложение судовладельца. Набрал объявленное число бурлаков, приказчик через несколько дней вдруг сообщал, будто он получил новое распоряжение нанять еще столько же рабочих; так как плата была уже установлена, то и вновь нанимавшиеся соглашались на нее. И в Пермской губернии, видя значительное число крестьян, искавших заработка, судовладельцы из года в год сбавляли плату и она настолько понизилась к 30-м годам, что бурлаки не только не могли приберечь для семьи какую-либо сумму денег, но едва были в состоянии прокормить себя во время работы.

Тем не менее предложение рабочих рук продолжало превышать спрос на них. Пермский губернатор сделал правильное заключение, что ни что иное, как дороговизна хлеба заставляла крестьян цепляться хотя бы за этот, столь дурно оплачиваемый труд. Но такое же явление в Базанской губернии было объяснено иначе: признавая, что плата бурлакам за тяжелый труд была до того ничтожна, что в сущности она должна была бы отвратить крестьян от судовой работы, здешний губернатор полагал, что если они все же шли в бурлаки, то только из нежелания трудиться; по его словам, крестьяне, удовлетворенные уплатой подати, проводили зиму в праздности, пропивая задаток, а потом уже поневоле должны были отправляться на сплав.

К каким же последствиям приводила низкая оплата бурлацкого труда?

По свидетельству упомянутого выше саратовского губернатора, чаще всего приходилось видеть бурлаков, по окончании сплава, «возвращающимися домой в рубищах, без денег, питающимися подаянием»; только одна треть бурлаков, по его заверению, имела некоторую прибыль; из прочих одним удавалось кое-как прокормить себя во время навигации, другие же впадали в долги. Многие прибывали на судах в Рыбинск (где стекалось до ста тысяч бурлаков) лишенными малейших денег; они отправлялись отсюда домой или по Волге на легких лодках или пешком, в рубищах, пробираясь именем Христовым, и нередко умирали от истощения на дороге.

Благодаря заблаговременно выдававшимся большим задаткам, за хозяином у бурлака оставалось мало денег, питаться же на судне бурлаки должны были за собственный счет,—таким образом существенное значение имела длительность рейса. Каждый день был дорог. При попутном ветре бурлак не только отдыхал, поставив парус, но и мог в виду непродолжительности рейса кое-как свести концы с концами. При противном-же ветре ему приходилось, идя тягую, до крайности напрягать свои мускулы, да еще тратить лишнее время, а, следовательно, и лишние деньги на прокормление, что конечно сказывалось на его ничтожном бюджете.

Вообще вопрос о пропитании был чрезвычайно остро поставлен у бурлаков. Сразу закупить продукты на всю путину судовая артель не могла, так как судовладелец, предотвращая побег бурлаков, выдавал им деньги частями; да и сами бурлаки уклонялись от оптовой покупки, рассчитывая, что в другом месте будет дешевле; но такие надежды обычно не оправдывались, а между тем, сойдя на берег во время стоянок для покупки провианта, но ничего не купив, бурлаки посещали кабаки...

Количеством скудная, пища бурлаков состояла из хлеба, нередко плохо выпеченного, толквы и щей, приправленных испорченою солониной. Вследствие недоедания и употребления алкоголя организм их был настолько подорван, что при эпидемиях бурлаки гибли в первую очередь. Нередко бывало, что бурлак не выдерживал работы, выбивался из сил, и в этих случаях его высаживали на берег, порою вдали от жилья; без денег, едва одетый, бурлак с трудом тащился домой, выпрашивая пристанища и пропитания, а иногда он падал в изнеможении тут-же, на берегу, и умирал в одиночестве. В лучшем случае больного бурлака оставляли в городе или деревне, но опять-таки без хлеба и денег, и местные власти не знали на чьи

средства оказать ему помощь. По цитированному выше закону 1810 г. судовладелец обязан был снабжать заболевшего бурлака, снимаемого с судна, деньгами за счет той артели, к которой бурлак принадлежал; но далеко не всегда составлялись артели, а если и была артель, то ее члены, сами бедствуя, не могли помочь заболевшему.

Одной из важнейших причин длительности путины являлось мелководье. Именно остановки у мели, многократно повторявшиеся в рейс, отягчали бюджет бурлака, подрывали его денежные расчеты, лишали его сбережения, обрекали его на лишения. Правительство обращало на это внимание и настаивало, чтобы в дни простоя, происшедшего не по вине судорабочих, хозяин выдавал им деньги на продовольствие. В изданной в 1809 г. общей инструкции водяным смотрителям было сказано, что в дни простоя судовладелец обязан платить каждому рабочему по 25 копеек. Но это постановление нередко игнорировалось судохозяевами; когда же простойные дни оплачивались, то лишь в размере 20 копеек. В 1811 г. было подтверждено требование, чтобы судовладельцы оплачивали простойные дни, причем, так как жизнь вообще вздорожала, поденная плата была увеличена до 30 копеек. Однако и это повторное распоряжение не исполнялось. В 1817 г. в связи с жалобой нескольких судорабочих, которые вследствие 14-ти дневного простоя оказались вынужденными продать и заложить свою одежду, чтобы прокормиться, вопрос о простое был вновь поднят. Обнаружилось, что уклоняясь от уплаты простойных денег, судовладельцы «делают и при невозможности продолжать ход умышленно самые малые перестановки судов и тем делают вид, что оные на ходу». Поэтому было разъяснено ¹⁾, что за первые три дня простоя бурлакам ничего не уплачивается; за дальнейшие же дни, по каким бы причинам ни произошла остановка (даже если вследствие побега нескольких бурлаков с судна), бурлак получает по 30 копеек; при этом к простое были приравнены также дни тихого хода: вниз по течению менее пятнадцати верст в день (нормальный ход от двадцати-пяти до тридцати пяти верст), а против течения—менее шести верст в день. Однако это распоряжение принесло мало пользы, так как оно было истолковано в том смысле, что судовладелец пользуется тремя льготными днями при каждой остановке, а не на всей путине; таким образом, все остановки, продолжавшиеся каждая в отдельности не более трех дней,—а таких остановок в пути было много,—надали всей своей тяжестью на бурлака. Это было явным нарушением закона, но все-же при столкновении с судовладельцем бурлаки не могли добиться осуществления своих прав, так как, по словам саратовского губернатора, смотрители судоходства почти всегда становились на сторону судовладельца, давали ему возможность отплыть, не сделав правильного расчета с бурлаками; жалобы, приносимые рабочими в полицию, оставались смотрителями без внимания под предлогом, что у смотрителей есть свое начальство.

Нигде не находя защиты, бурлак, предвидя, что у него не хватит средств, чтобы закончить путину и вернуться домой, искал спасения в бегстве с судна, не доведя его до места назначения. С целью предотвратить побег упомянутый выше закон 1810 г. установил некоторые меры, но этот закон не соблюдался. Вообще, покидая судно, бурлак знал, что его поступок останется безнаказанным. Сельское начальство не подвергало его каре, а ведомственная переписка о взыскании с бежавшего бурлака неотработанных им денег в пользу судовладельца не приводила к цели; так как с бурлака нечего было взять — его семья вела в деревне жалкое существование. Да и не всегда можно было розыскать бежавшего по месту его жительства. По закону 1810 г., если бежавший бурлак не мог вернуть неотработанных денег, судохозяин, как было выше отмечено, вправе был требовать, чтобы он в следующем году доработал соответствующую сумму; когда же судохозяин в новом году уже не имел надобности в услугах бурлака, то мог передать его в распоряжение другого судовладельца ²⁾, но этого фактически не бывало. По словам вятского губернатора, вновь нанимая бурлака, сбывшего в минувшем году, судовладелец обычно удерживал из задатка часть оставшегося за бурлаком долга, примерно из 30 рублей по 5 рублей.

¹⁾ 27 августа 1817 г. Первое полное собрание законов, № 27028.

²⁾ В законе 1810 г. говорится о поручителях, ответственных за выполнение бурлаками своих обязательств по отношению к судохозяину, но в действительности поручителей не встречалось.

II.

Побеги бурлаков влекли за собою материальный ущерб для судовладельцев, замедляли движение судов. Чтобы пресечь это несомненное для судоходства зло, надо было поставить бурлака в лучшие условия, так как по общему признанию именно голод чаще всего заставлял бурлаков покидать судно в пути. Иные местные администраторы так и подходили к вопросу о побегах. Но были и такие, которые полагали, что бороться с побегами можно посредством одних полицейских мер.

В 1831 г. нижегородский губернатор донес министру внутренних дел о жалобе нескольких судовладельцев, что побеги рабочих причинили им большие убытки; в течение последней «коммунации» у трех судовладельцев бежало двести пятьдесят рабочих, причем устройство у Рыбинска обсервационной заставы в виду появившейся холеры ¹⁾ подало лишний повод для дальнейшего ухода с судов; поэтому судовладельцы просили учредить в разных местах заставы для проверки у бурлаков их видов на жительство с тем, чтобы не имеющих вида отправлять под конвоем на суда. Но губернское правление нашло, что это было бы крайне обременительно для местных властей, да и не привело бы к цели, а потому возбудило ходатайство о том, чтобы были подтверждены те пункты закона 1810 г., которыми определялись обязанности рабочего по отношению к судовладельцу и устанавливались меры против побегов ²⁾, причем предложило ввести новые репрессивные меры.

Совет путей сообщения все это одобрил и в свою очередь присоединил ряд правил с целью понудить бежавшего бурлака расплатиться с хозяином, между прочим, чтобы каждый рабочий имел своего поручителя. И никто не вспомнил о нуждах самих бурлаков, ни о тех параграфах закона 1810 г., которые говорили о кое-каких обязанностях судохозяев по отношению к бурлакам, ни о законе 1817 г., требовавшем уплаты рабочим за простойные дни.

Министр финансов Канкрин отнесся отрицательно к проекту совета путей сообщения, указав, что этим не будет облегчено взыскание долга с бежавшего рабочего, что вообще крайне затруднительно; достаточно подтвердить закон 1810 г., если вообще удобно подтверждать действующий закон. Было очевидно, что по мнению Канкрина, отношения между рабочим и хозяином не могли измениться, доколе останутся в силе те экономические условия, которые понуждали бурлаков покидать судно в пути, и что никакие репрессии не помогут. Это соображение разделил министр внутренних дел Д. Блудов; хотя департамент полиции исполнительный выразил полную готовность принять репрессивный проект совета путей сообщения, Блудов решил ограничиться подтверждением отмеченных нижегородским правлением параграфов закона 1810 г. без всяких дополнительных правил. В соответствии с этим и был издан сенатом указ (26 июня 1835 г.).

Вопрос о побегах был в данном случае разрешен без рассмотрения той экономической причины, которая вызывала их. Между тем одновременно с нижегородским губернатором речь о бурлаках завел и ярославский губернатор, который, не останавливаясь на общем экономическом быте бурлаков, все же коснулся их материального положения в тот роковой час, когда доведя судно до Рыбинска, бурлаки возвращались домой без малейших средств к пропитанию, отчасти благодаря тому, что вопреки закону 1817 г. судохозяева не платили им за простойные дни, толкуя, что не на всей путине, а на каждой остановке рабочие должны простоять по три дня, не получая поденного вознаграждения. Чтобы облегчить бедственное состояние бурлаков, губернатор считал необходимым обязать судовладельцев за свой счет кормить их или выдавать им по 25 копеек в день на прокормление сверх условленной платы за сплав судна; если же хозяева на это не согласятся, то пусть они платят рабочим за простойные дни в согласии с законом 1817 г.; при этом, заботясь преимущественно о том, чтобы в Рыбинске не скоплялись тысячи голодных бездомных людей, губернатор предложил принудить судохозяев выдавать бурлакам в пути деньги с таким расчетом, чтобы определенные суммы (в зависимости от расстояния родины бурлака) уплачивались в Рыбинске по завершении бурлаками работы.

¹⁾ Отношение губернатора, хранящееся в архиве, носит на себе следы холерного времени: дезинфекционные проколы.

²⁾ §§ 12—14, 22, 23, 25 и 27. См. выше, выноски на стр. 27.

Этот доклад привел к тому, что ведомство путей сообщения отпечатало и разослало по местам следующие ¹⁾ три вида контрактов между судовладельцами и бурлаками: первый—продовольствие от хозяина, второй—получение от хозяина по 25 копеек в день на продовольствие (в этих двух случаях вопрос о простоях днях отпадал, так как рабочие были обеспечены продовольствием); третий—пропитание бурлака на его личные средства с уплатой по 30 копеек за простоящие дни. Одновременно сенат разъяснил (21 сентября 1834 г.), что от уплаты таких 30 копеек свободны лишь три простоящих дня на протяжении всей путины, а не, как неправильно толковали судовладельцы, при каждой остановке в отдельности.

Продовольствие от хозяина могло повести к улучшению физического состояния бурлака, так как при подобном порядке устранялся соблазн купить водки вместо хлеба; получая на руки по 25 копеек на продовольствие или простоящие деньги, бурлак не всегда мог бы устоять против закоренелой привычки засиживаться в кабаке. Но надежды, что продовольствие от хозяина или выдача 25 копеек на прокормление явятся дополнением к обычной плате за путину, что плата за путину останется при новых условиях на старом уровне, не имели основания. Можно было предвидеть, что соответственно размеру нового принудительного расхода по пропитанию рабочих понизится плата бурлаку за сплав судна. Действительно, несостоятельность указанных трех видов контрактов вскоре обнаружилась.

Пока из канцелярии в канцелярию ползло упомянутое выше дело о побегах судорабочих, закончившееся лишь в 1835 г. сенатским указом об исполнении закона 1810 г., а дело о тяжелом положении бурлаков, отправлявшихся из Рыбинска домой, подходило к своему завершению, новый главноуправляющий путями сообщения граф Толь совершил поездку по России. Будучи на Волге, Толь обратил внимание на два обстоятельства: на побег бурлаков с судна в пути и на то, что бурлаки не защищают судно, когда двое-трое вооруженных людей нападают, чтобы ограбить судовладельца ²⁾. Эти два явления Толь объяснил бедственным положением бурлаков. Упомянув об этом в докладе, представленном (23 августа 1834 г.) Николаю I, Толь указал, что бурлаков всегда стекалось больше, чем нужно для судоходства, и хотя в виду появления конно-машинных судов потребность в бурлаках уменьшилась, «их приходится, по старой привычке, столь же почти много, как и прежде». Благодаря таковой несоразмерности между спросом и предложением труда, цены на судовую работу столь низко упали, что бурлаки не могут прокормиться в течение всей путины, и потому, воспользовавшись задатком, решаются на побег, оставляя паспорт в руках судовладельца. А при нападениях на суда (что в последнее время стало редко случаться в виду учреждения гардкоутов) бурлаки не принимают мер к охране судовладельца, так как рассматривают его «почти как утеснителя, приобретающего его работу за ничтожную плату». Такое стесненное положение бурлаков заслуживало, по мнению Толя, того, чтобы гражданские власти низовых губерний ближе ознакомились с описанными обстоятельствами и чтобы затем были приняты какие либо меры, дабы судовою работой было обеспечено их пропитание, или же направить их к другому занятию.

Николай поручил Толю совместно с министром внутренних дел рассмотреть возбужденный вопрос и о последующем ему донести. Вследствие этого, министр внутренних дел предписал губернаторам доставить заключение по поводу обстоятельств, отмеченных Толем, а также высказаться о возможности направить бурлаков к другому, более выгодному для них, промыслу.

Из донесений губернаторов раскрылась печальная доля бурлаков, а вместе с тем возникло серьезное сомнение, можно ли уничтожить основную причину их бедственного состояния—несоответствие между предложением труда и спросом. Если в иных местах нельзя было найти для бурлаков новые занятия, то даже там, где была возможность обратить бурлаков к иным промыслам, не было надежды на уменьшение числа бурлаков, потому что они настолько привыкли к дедовскому занятию, что не было средств отвлечь их от него. А между тем, в связи с ростом числа конно-машинных судов, все больше сокращалась потребность в бурлаках.

Хотя в таких условиях было крайне трудно разрешить вопрос об улучшении материального положения бурлаков, губернаторы все-же выступили с целым рядом соответствующих предложений.

¹⁾ Договоры были с той целью отпечатаны и разосланы, чтобы судовладельцы не могли обманывать неграмотных рабочих, внося в договор такие условия, на которые рабочий не соглашался.

²⁾ Архив министерства путей сообщения. Журнал наблюдений главноупр-го, 1834 г., л. 100—101.

По мысли одного губернатора, достаточно было бы применить закон 1781 г. о мореплавателях к речному судоходству, чтобы устранить обстоятельства, благодаря которым бурлаки испытывают бедствия: с одной стороны, надо преградить доступ на судовую службу негодным элементам (пьяницам, бродягам), для чего следует ввести поручительство и точно установить, кто именно можно записывать в бурлаки, а с другой стороны—надо обязать судохозяев кормить за свой счет бурлаков¹⁾. Другой губернатор предлагал: установить такую на судовую работу в зависимости от расстояния путины и местных цен на хлеб и прочие припасы; наблюдать, чтобы на судах находилось требуемое законом число рабочих, а не меньшее, как это допускают судохозяева в своих выгодах; при несостоятельности безавшего бурлака взыскивать его долг со всего селения, чем создается взаимный надзор, что поведет к уменьшению числа бурлаков, а вместе с тем—к повышению платы; устроить места, где бурлаки могли бы отдохнуть, подкрепиться. Третий рекомендовал принять следующие меры к повышению платы: запретить наем рабочих зимою, когда они особенно нуждаются, и не давать большие задатки; обязать судовладельцев кормить за свой счет бурлаков или выдавать на пропитание особые суммы, а также заботиться о заболевшем бурлаке, награждать за увечье во время защиты судна. Был предложен и такой план для повышения платы: привести в известность число бурлаков и назначать их на работу по жребию—этим была бы устранена конкуренция между рабочими, являвшаяся главной причиной понижения платы. Были намечены и другие меры: чтобы уменьшить число бурлаков—запретить принимать на суда помещичьих крестьян, о судьбе которых должны заботиться сами помещики, стараясь прискаты для них более выгодные заветия; чтобы обеспечить выполнение бурлаками своих обязанностей по отношению к хозяину—взнимать их артелями. Все эти доклады губернаторов дали Блудову и Толю обильный материал для разработки законопроекта.

Большинство предложенных мер, носивших принудительный характер, не удовлетворили Блудова. Например, по его мнению, такса для оплаты труда была бы стеснительна не только для хозяев, но и для рабочих, да и вряд ли она осуществима при меняющихся ценах на продукты питания. Единственное средство поднять заработную плату заключается в уменьшении числа бурлаков, а достигнуть этого без излишних запретов можно постановлением, чтобы судорабочие имели одобрение от обществ или помещиков, т. е., иначе говоря, поручителей; таким путем будут удалены бродяги, пьяницы и вообще неблагонадежные элементы, что именно и приведет к уменьшению числа бурлаков. Далее (по примеру купеческого судоходства), задаток не должен превышать одну четверть причитающейся бурлаку заработной платы, при чем если хозяин за свой счет кормит рабочего, вся сумма денег, оставшаяся после задатка, выдается рабочему по окончании рейса, а если рабочий сам кормится, хозяин может выдавать ему на день не более 25 копеек, а остальную сумму опять-таки выплачивать по завершении путины; это будет удерживать рабочих от побегов и не позволит им чрезмерно пьянствовать.

Иными мерами бороться с нестройством бурлацкой жизни задумал Толь²⁾. Он отверг поручительство и возложил свои надежды на артели; на каждом судне рабочие образуют артель, которая, с одной стороны, является материально ответственной пред судохозяином за поступки всех ее членов, а с другой стороны—заботится о них в случае беды. На ряду с возложением на артель обязанностей ей были предоставлены права: она может налагать штрафы на своих членов и даже подвергать их телесному наказанию; вместе с тем в ее распоряжение поступают средства, которые служили бы компенсацией на случай, если артели придется понести убытки вследствие побега рабочих, за которых должна была рассчитаться с хозяином, или вследствие болезни товарищей, лечение коих падало на ее счет,—в пользу артели поступали штрафы, налагавшиеся на судохозяина за неисполнение законов. Охранив посредством артелей суде хозяина от ущерба, вызывавшегося побегами рабочих, Толь не преминул возложить на него новые обязанности по отношению к рабочим; при увечьи рабочего на всю жизнь хозяин обязан

¹⁾ В конфиденциальном письме на имя министра внутр. дел саратовский губернатор несколько боязливо указал на то, что речное начальство не охраняет интересов бурлаков, а потому в целях их устройства следовало бы подчинить речное начальство губернаторам.

²⁾ В архиве б. министерства путей сообщения не удалось отыскать дело о бурлаках; поэтому в моем распоряжении не имеется подлинной записки Толя; ее содержание частью изложено в других документах, которыми я пользуюсь, а кроме того, главное содержание записки вошло, как видно, в закон 31 декабря 1836 года (о нем будет далее сказано), и это позволяет восстановить проект Толя.

выплатить ему договоренную плату в двойном размере, сверх издержек на лечение и отправ-ление его на родину; при временном увечьи хозяин за свой счет лечит и возмещает рабо-чего домой; в случае смерти рабочего вознаграждение, определенное за увечье, принадлежит наследникам, а если рабочий крепостной, то его помещику; если при окончательном расчете с артелью у хозяина не окажется нужных денег, часть клади или судовое снаряжение (якорь, паруса и проч.) продается с торга, чтобы удовлетворить претензии рабочих. Так как артель была призвана охранять интересы рабочих, то разосланные незадолго до того три вида кон-трактов были отменены: они оказались на практике неудовлетворительными. Впредь условия договора должны были зависеть от обоюдного—хозяина и рабочего—согласия.

Идея об артельном начале встретила решительное возражение со стороны Блудова. Наставляя, что только одобрение или поручительство со стороны общества и помещика может оздоровить ту атмосферу, в которой происходил наем бурлаков и протекала их работа, Блудов указывал, что судовые команды состояются из людей различных местностей, людей, друг друга не знающих, ничем взаимно не связанных, а потому нельзя облизывать рабочих ручаться друг за друга, заставлять невинного отвечать своим имуществом за виновного. Но Толь не хотел отказаться от основного положения своей реформы, а потому он направил свой проект в госу-дарственный совет вместе с возражениями Блудова ¹⁾ и со своими объяснениями по поводу этих возражений, при чем Толь просил государственный совет предоставить ему ввести в действие выработанные им правила лишь в виде опыта.

Указанные материалы были рассмотрены соединенными департаментами законов и уставов государственного совета, при участии Толя и Блудова. Департаменты признали, что особое вни-мание должно быть обращено на улучшение быта бурлаков, так как вторая цель законопроекта—предотвращение побегов и укрывательство беспаспортных на судах имеется в виду в суще-ствующий уже узаконениях. В связи с этим департаменты остановились на следующем обстоя-тельстве: бедность рабочих происходит из-за низкой оплаты их труда и широко развитого среди них пьянства; только с устранением этих явлений может быть достигнута цель законопроекта, а это вызывает вопрос, можно ли вообще улучшить материальное положение бурлаков при настоящем состоянии их промысла? И вот, при разрешении его были высказаны следующие соображения.

Бурлаки не образуют особого класса, они принадлежат к разным податным сословиям; у них имеются разнообразные занятия, которые лишь временно прерываются для бурлачества на ерок навигации; в судорабочие идут люди, находящиеся в крайне тяжелом положении, зави-сящем от многих причин (неурожая, пожаров и т. д.), а потому число бурлаков неограничено и не всегда одни и те же лица занимаются судовым промыслом; плата за труд устанавливается по соглашению хозяина и рабочего, каковой принцип проводится в законопроекте, так как цена на свободный промысел не может определяться правительством, цена же зависит от числа бур-лаков и размера потребности в них; пьянство вообще очень распространено в русском народе, и если этому пороку не столько предаются земледельцы, живущие в отдалении от питейной продажи, то таких, кто был бы чужд пьянству, нельзя найти среди бурлаков, в этом скопище людей, проводящих более или менее праздно (?) целые месяцы на барках, где они почти лишены защиты от перемены погоды, оторваны от своих домов; водка поглощает значительную часть заработка, но все-же нельзя преследовать бурлаков за пьянство, если от этого не происходит беспорядков, упущений; следовательно, нет положительных способов устранить бедствен-ного состояния бурлаков; напротив, можно ожидать, что с развитием паровой тяги и конно-машинных судов, плата еще более понизится; улучшение положения рабочих наступит тогда, когда торговцы, не гоняся за дешевыми руками, поймут, что вверять грузы надо опытным в судоходстве людям. Исходя из этого, департаменты нашли, что меры, заключающиеся в законо-проекте Толя, касаются в сущности только частных; некоторые предлагаемые им новые меры, как, напр., вознаграждение хозяевами рабочих за увечья ²⁾, заслуживают одобрения; но боль-

¹⁾ Блудов возражал против нескольких пунктов проекта Толя, но я остановился лишь на наиболее существенном.

²⁾ Одобрено было и поступление в пользу артели штрафов с судохозяина, но за исключением штрафа за присутствие среди команды беспаспортных, так как артель, из ко-рыстных целей, могла преднамеренно включать в свой состав таких людей, чтобы восполь-зоваться штрафом.

шинство мер старые, предусмотренные действующим законодательством ¹⁾); следовательно, если тем не менее продолжают побеги бурлаков, то это не потому, что законодатель не пытался упорядочить отношения между судовладельцем и рабочим, а потому, что законы игнорируются местными начальствами, полицейскими и судовладельцами. Во всяком случае, если законопроект Толя и соответствует в общем поставленной цели, то все же нельзя принять учреждение артелей с круговой порукой, так как если право найма рабочих и распределения их по баркам принадлежит судовладельцу, то невозможно заставить рабочих материально отвечать друг за друга пред хозяином; обычно артели образуются в целях дешевизны и удобства продовольствия без всякой ответственности одного за другого пред хозяином за неустойку или побег рабочего; рабочим надо лишь дозволить учреждать артели, но никак не обязывать их к этому; можно даже в видах поощрения установить известные преимущества для хозяина и рабочих при добровольном согласии на артельные начала. В виду изложенного, Толю было предоставлено исправить соответственно проект и вновь внести его в государственный совет ²⁾).

Требование исключить артельное начало разрушало все планы Толя, так как без артели нельзя было добиться, чтобы взаимные обязанности хозяина и рабочего фактически выполнялись, чтобы хозяин не терпел убытка от побега бурлака, чтобы бурлак был обеспечен, что получит вознаграждение за увечье и т. д. Вот почему Толя не торопился исправить свой проект и представить его в государственный совет. Возможно, что дело вообще приостановилось бы, как это часто бывало в подобных случаях. Но в это время Николай I, совершив поездку по Волге от Нижнего-Новгорода до Казани, лично убедился в необходимости улучшить положение бурлаков. Воспользовавшись этим, сопровождавший его Толя сообщил ему, что государственный совет вернул законопроект, составленный ведомством путей сообщений, для изменения, на что Николай заметил, что каков бы ни был законопроект, необходимо «учредить на судах надзор за судорабочими, возложив сие на них самих и обязав их круговую друг за друга ответственностью». Узнав же от Толя, что именно в этом смысле и составлен его законопроект, Николай приказал Толю представить ему этот проект с замечаниями государственного совета. Толя не замедлил не только вручить проект с замечаниями государственного совета, но и приложил свои объяснения на эти замечания, а также указал на те изменения, которые он считал нужным внести в свой первоначальный проект: уступив Блудову, Толя отказался от старого постановления, в силу которого бежавший с судна, а затем пойманный рабочий мог быть отдан хозяином другому судовладельцу для отработки долга; кроме того Толя предложил постепенно ввести новый закон в действие: в 1837 г. ограничиться одним только внушением, не взыскивая за неисполнение нового закона; в 1838 г. напоминать о необходимости составлять артели, опять-таки не подвергая каре за несоблюдение этого постановления ³⁾; наконец, с 1839 г. требовать, чтобы все постановления строго осуществлялись.

Ознакомившись со всеми документами, Николай приказал Толю внести проект в исправленном виде на рассмотрение государственного совета. Этим высочайшим повелением вопрос о главном основании будущего устройства бурлацкого быта был предрешен: не могло быть сомнения, что идея об артелях восторжествует. Действительно, сославшись на то, что Толя дополнил свой проект новым условием, а именно, приведением его в действие не сразу, а в течение трех лет, каковое обстоятельство «весьма уважительно», и отметив, что проект исправлен в согласии с высочайшей волей, соединенные департаменты законов и экономии отказались от своего прежнего отрицательного взгляда на устройство артелей и даже внесли в закон пожелание, чтобы судорабочие уже с места жительства, по возможности, отправлялись артелями на работу, впрочем, без ограничения численного состава артели.

Одобренный департаментами, законопроект Толя, пройдя затем через государственный совет (общее собрание), был высочайше утвержден 31 декабря 1836 г. и опубликован 1 марта 1837 г. ⁴⁾

¹⁾ Например, попечение хозяев о больных рабочих, надзор со стороны местных властей, чтобы хозяева не притесняли рабочих.

²⁾ Журналы соединенных департаментов от 14 февраля и 25 апреля 1836 г.

³⁾ Спор между Блудовым и Толем шел также из-за судебных тетрадей, которые Толя вводил с целью контроля за действиями и судовладельцев и рабочих; Блудов высказался против тетрадей, как обременительных для судовладельцев и их приказчиков, обычно неграмотных. Государственный совет счел нужным опростить эти журналы, сократить число граф, но Толя настоял на своем.

⁴⁾ Вт. полное собрание законов, № 9818.

Была ли этим законом достигнута та цель, в которой стремился Толь, искренне желавший облегчить положение бурлаков? Нет, этот закон постигла та же судьба, какая выпала на долю более ранних постановлений о судорабочих. С одной стороны, местные власти мало заботились об осуществлении закона в интересах рабочих, а с другой—благодаря общим экономическим условиям число бурлаков, т. е. преимущественно крестьян, искавших заработка, не могло уменьшиться, между тем развитие паровой тяги сокращало потребность в них. И естественно, что протескавшая отсюда низкая оценка труда влекла за собой те именно явления, для устранения которых был издан закон 1837 г.: бедственное состояние судорабочих и, как последствие сего, бегство их с судна во время рейса.

Бурлаки и в дальнейшем оставались в тяжелой экономической зависимости от судовладельцев, приближавшейся к рабству. А о том, что побег судорабочих продолжались, гласит закон 1857 г., который в видах прекращения побегов установил новый порядок более строгих сношений ¹⁾ по этим делам.

Юлий Гессен.

¹⁾ 14 октября 1857 г. Второе полное собрание законов, № 32271.

В архиве министерства внутренних дел (по департаменту полиции исполнительной) имеются два дела 1862 г. (№№ 54 и 87) по ходатайству Новосельского и Измаильского еврейских обществ (Бессарабской губ.) об исключении из оклада 7 и 50 бурлаков, неправильно записанных по ревизии 1818 г. в качестве отдельных семейств, хотя они жили не отдельно, а при своих родственниках.

Фабрично-заводские волнения и фабричное законодательство¹⁾.

В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса о фабрично-заводских волнениях в большом масштабе; мы преследуем более скромную цель: на нескольких примерах, взятых из области «стачек-волнений» 80—90 годов 19 века, показать, как развитие стачечного движения заставляло правительство подвергать пересмотру рабочее законодательство; как правительство, с одной стороны, неохотно, а с другой—неуверенное в своей силе, должно было уступать давлению рабочей массы, и как при изыскании лучших способов борьбы с рабочим движением возникали трения и несогласия даже между ведомствами, в компетенцию которых входило направление фабрично-заводской политики, а именно: министерством внутренних дел, преследовавшим цель—ограждение в нем своего спокойствия и благополучия на фабриках, и министерством финансов—стоявшим на точке зрения установления и поддержания «внутреннего порядка», обеспечивающего планомерную и совместную деятельность фабрикантов и рабочих. Материалы для нашей статьи заимствованы из дел 6. департамента полиции и находящихся в них министерских записок по разным вопросам фабрично-заводской жизни.

I.

Почти одновременно, в различных местах Империи, в начале 80-х годов, вспыхнули волнения на фабриках и заводах, вылившиеся в форму стачек. 1882-ой год был особенно тревожным в этом отношении. Крупные стачки произошли в Петербурге на гвоздильном заводе, в Нарве на Кренгольмской мануфактуре, на пушечном заводе в Перми, в Жирардове (около Варшавы) на заводе Гилля и т. д. В одном месте более спокойно, в другом бурно протекали стачки, но особенно выдающиеся в тот год по своей настойчивости и упорству в преследовании цели была жирардовская стачка, положившая начало польскому стачечному движению. Стачка захватила до 10.000 рабочих, занятых на фабрике, и приняла настолько бурный характер, что дело дошло до столкновения с казаками и войском. Успех был на стороне рабочих, выдерживавших натиск военной силы, так что через несколько дней владельцы фабрики, напуганные стачечным движением, обязались сократить рабочий день на один час, новысить плату, заплатить за дни стачки, при чем никого за стачку не преследовать, открыть фабричные лавки для продажи припасов по более дешевым ценам, чем в городских, рассчитать директора фабрики Франке и других членов администрации, особенно любимых рабочими²⁾.

Но, кроме «местной победы», как эта стачка, так и другие, в том же году последовавшие, принесли и общие выгоды для рабочих, вызвав к жизни закон, изданный в июне 1882 г., коснувшийся запрещения приема на фабрики малолетних до 12 лет и ограничения работы подростков от 12—15 лет восьмью часами при полном запрещении для них ночной работы. Для надзора же за выполнением этих правил введены были фабричные инспектора.

Однако, полумерами удовлетворить рабочих было нельзя; стачки и волнения разгорались все сильнее. В конце 1884 и начале 1885 года произошли один за другим крупные беспорядки

¹⁾ Давая место настоящему общему сжатою очерку. Редакция имеет в виду в дальнейших книгах подробнее рассмотреть вопрос о влиянии рабочего движения на фабричное законодательство. Ред.

²⁾ „Рабочие стачки“ под ред. Поссе, 1906 г.

на значительнейших фабриках московского и ивано-вознесенского районов, а именно, на мануфактурах: Вознесенской, Измайловской и Никольской «Саввы Морозова С. и К^о» во Владимирской губ.¹⁾ Поэтому по поводу министр внутренних дел, граф Толстой, сообщил министру финансов Бунге (письмо от 4 февраля 1885 г. № 281), что «исследование местными властями причин означенных стачек рабочих обнаружило, что они грозили принять размеры серьезных волнений и произошли, главным образом, вследствие отсутствия в нашем законодательстве общих постановлений, на основании коих могли бы определяться взаимные отношения фабрикантов и рабочих. Такой пробел в законодательстве, обуславливая разнообразные порядки на фабриках, открыл широкий простор произвольным, клонящимся к ущербу рабочих, распоряжениям фабрикантов и ставил первых в крайне тяжелое положение: несоизмеримо высокие штрафы, в виду временного упадка промышленной деятельности, часто служили в руках фабрикантов способом искусственного понижения заработной платы до того, что рабочий лишался возможности уплатить лежащие на нем повинности и прокормить свою семью; высокие цены в фабричных лавках и недобросовестность приказчиков вызвали справедливый ропот и недовольство рабочих, а недостаток точности при составлении условий с малограмотными людьми порождает постоянные споры в расчетах задельной платы». Совокупность всех изложенных и многих других причин, продолжал гр. Толстой, влекла за собою, как показал опыт, возникновение беспорядков, а необходимость, для прекращения их, прибегать к содействию войска, по мнению графа Толстого, в достаточной степени свидетельствовала о настоятельности приступить к составлению, в развитие действовавшего фабричного законодательства, таких нормальных правил, которые, ограничивая в известной степени производ фабрикантов, способствовали бы устранению в будущем повторения «прискорбных случаев», происходивших в Московской и Владимирской губерниях²⁾.

Эти «прискорбные случаи», имевшие место в 1884 и 1885 годах во Владимирской губернии, настолько участились и приняли такой острый характер, что улучшение положения рабочих сделалось прямо необходимым. Внешнее спокойствие достигалось только при помощи военной силы. Рабочее недовольство и рабочая солидарность наиболее выразились в морозовской стачке 1885 г., когда на фабрике Никольской мануфактуры Саввы Морозова в Орехове-Зуеве сразу забастовало 8000 рабочих. Одной из главных причин возмущения рабочих было систематическое злоупотребление штрафами, которые, достигая более 300.000 рублей в год, составляли до 40% выплачиваемой заработной платы. Стачка сопровождалась погромом фабричных зданий. Были вызваны войска, начались аресты и высылки. По прекращении через неделю стачки арестованные были преданы суду присяжных, которые оправдали всех обвиняемых. На суде раскрылась масса злоупотреблений со стороны фабричной администрации. В результате всего этого появились закон 3 июня и правила 1 октября 1886 г. о фабричной инспекции и урегулировании отношений между фабрикантами и рабочими. Правила эти выработаны были особою Комиссиею, учрежденною по высочайшему повелению, под председательством сенатора, затем государственного секретаря, Плева, при чем Комиссия эта находила, что закон о правах и обязанностях, вытекающих из договора найма фабричных рабочих, может привести к полезным последствиям лишь тогда, когда исполнение его будет исполнено под надзор правительственных органов, т.-е. фабричных инспекторов. Государственный совет признал, с своей стороны, правильным такое заключение, при чем соединенные департаменты государственной экономии, законов гражданских и духовных дел, на рассмотрение коих поступил законопроект, заявили между прочим, что: «волнения в среде фабричных рабочих Московской и Владимирской губ. и произведенные ими на некоторых фабриках беспорядки с очевидностью раскрыли многие крайне неприглядные стороны фабричного быта, при чем причины, вызвавшие эти беспорядки, не имели вовсе случайного характера, а обуславливались неправильными отношениями между фабрикантами и рабочими. Хозяева некоторых фабрик, пользуясь выгодами своего положения, не стесняются нарушать условий, заключаемых с наемными ими людьми, и прибегают к различным средствам для извлечения преувеличенных выгод. Уменьшение рабочей платы, в противность заключаемым договорам, производится или открыто, или путем сокращения числа часов и дней

¹⁾ См. в настоящей книге очерк Р. Кантора, „Морозовская стачка 1885 года“.

²⁾ Из записки м-ва финансов от 23 июня 1898 г. № 356 по вопросу о пределах власти фабричной инспекции и полиции. Письмо Толстого от 4 февраля 1885 г. неоднократно цитировалось в литературе, между прочим в I томе „Истории рабочего движения“ Ельницкого, в главе о влиянии рабочего движения на ход фабричного законодательства.

работы в неделю. Затем, вычеты и штрафы с рабочих, обращаемые фабрикантами в свою пользу, достигают в некоторых случаях огромных размеров, составляя, в общей сложности, до 40% с выдаваемой заработной платы. Наконец, возлагаемая на рабочих обязанность приобретать необходимые для них предметы из фабричных лавок и продажа им этих предметов по высоким ценам встречается как заурядные явления. Такое положение вещей, естественно, влечет за собой весьма вредные последствия для успехов промышленности и прямо отражается на фабрикантах, ведущих дело добросовестно. Не имея возможности соперничать с лицами, удешевляющими выделку произведений путем притеснения рабочих, такие фабриканты должны сокращать обороты, уменьшать производство и т. д. Еще прискорбнее оказывается положение рабочих. Угнетенные до крайности безвыходной задолженностью хозяину, они нередко бывают поставлены в невозможность не только уплачивать повинности и содержать свои семьи, но даже зарабатывать достаточные средства на личное пропитание. Возникающее отсюда раздражение против фабрикантов, при трудности для темного люда отыскивать законным образом защиту своих прав, постоянно поддерживает в рабочих слонность искать восстановления этих прав путем стачек и беспорядков, сопровождающихся грубым проявлением своеволия и насилия. Накопляющееся постепенно недовольство в среде фабричных рабочих делает эту среду доступною к восприятию преступных учений, направленных к ниспровержению государственного и общественного строя. Этим объясняется тот факт, что деятели противоправительственной пропаганды в последнее время сосредоточивают внимание свое на фабричном населении и нередко там скрываются.

Из вышеприведенного можно усмотреть, как рабочие своими требованиями и активными выступлениями оказывали серьезное влияние на течение законодательного хода работ. Волею-неволею, правительство шло навстречу этим требованиям и, хотя с запозданием и с жертвами с обеих сторон, делало уступки в смысле улучшения быта рабочих путем все большей охраны труда.

Законом и правилами 1886 года были как бы санкционированы все те требования, которые выставили морозовские рабочие, начиная свою стачку. Были введены расчетные книжки; запрещены самовольные штрафы, а размеры таковых должны быть утверждаемы фабричными инспекторами; запрещены выдачи платы товарами и купонами; было поставлено в обязанность выдавать заработную плату не менее двух раз в месяц; запрещено было делать вычеты на уплату долгов. Кроме того, обязанности фабричных инспекторов были значительно расширены.

Одновременно с изданием закона 3 июня 1886 года были утверждены правила о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры и особые постановления о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности, — в лице чинов инспекции и присутствий по фабричным делам.

В те же 80-ые годы рабочими велась систематическая борьба за уничтожение ночных работ. Под влиянием сначала мелких забастовок на отдельных фабриках, а затем большой стачки осенью 1888 года на всех фабриках шуйского района—фабриканты уступили, и ночные работы были отменены, правда, сначала за счет увеличения на один час продолжительности рабочего дня, но затем рабочим удалось в 1893 году добиться сокращения рабочего времени на один час.

II.

«Начало 90-х годов отмечено большим стачечным движением в Польском крае: Лодзь, Добров, Жирардов, необычайно быстро выросшие благодаря наплыву иностранных капиталов, предпринимателей и даже рабочих, выдвигаются на первый план в смысле стачечного движения. Стачечники повсюду требовали сокращения рабочего дня и увеличения платы. Впереди идет Лодзь, где 5 мая 1892 года рабочее движение, начавшись стачкою на одной из небольших фабрик, постепенно перешло в открытое сопротивление полиции и даже войску. Лодзь некоторое время находилась в руках рабочих, но вскоре город был занят сорокатысячной армией.

«В середине 90-х годов особенно интенсивно вспыхнуло рабочее движение в Петербурге. В мае 1896 года произошла грандиозная стачка почти всех ткацко-прядильных фабрик. Этой массовой стачке предшествовали стачки на отдельных петербургских фабриках и заводах. Так, зимою 1894 — 95 года поднялся Семяниковский завод, а также начались стачки портовых рабочих и на бумагопрядильной фабрике Воронина. В ноябре 1895 года вспыхнула стачка на фабрике Торнтон, затем забастовка на папиросной фабрике Лаферм и на фабрике «Т-ва меха-

нического производства обуви». Но особенно бурен и неспокойн был 1896 год. Тайные рабочие организации развивались и крепки. Броженье постепенно охватило почти весь рабочий Петербург: вспышки волны стачечного движения появлялись то на ткацкой фабрике Лебедега, то у Кенига на Самсоновой мануфактуре, Сестрорецком оружейном заводе, на Балтийской мануфактуре, в мастерских Варшавской железной дороги, на Балтийском заводе... В начале июня бастовало более 30.000 ткачей, и работа остановилась почти на всех бумагопрядильных и ткацких мануфактурах или фабриках. С тревогою ждали выступления больших механических заводов, которые, однако, не присоединяясь к стачке, не оставались равнодушны к борьбе своих товарищей ткачей и поддерживали их материальною помощью»¹⁾.

Основным требованием ткачей было сокращение рабочего дня с 13 часов на 10½ часов. Хотя добиться им этого сразу и непосредственно не удалось, но уже во время стачки фабричные инспектора старались успокоить стачечников уверением, что само правительство озабочено необходимостью сократить рабочий день законодательным путем. Действительно, было образовано совещание из министров финансов, внутренних дел, полиции и обер-прокурора Синода, под председательством последнего. Пока шло совещание, рабочие волнения также шли своим чередом 1 января 1897 года, в ожидании закона о сокращении рабочего дня, забастовали две фабрики Максвелля; с течением времени стачки перекинулись на другие заводы: бастовало 18.000 ткачей, к ним присоединился чугунный Александровский завод Николаевской железной дороги, и были близки к забастовке заводы: Обуховский и Балтийский. Это заставило усилить темп правительственной работы по рассмотрению законопроекта о нормировке рабочего дня, который вылился в форму закона 2 июня 1897 года, ограничившего рабочий день одиннадцатью с половиною часами. Но, само собою разумеется, закон 1897 года не только не остановил стачек, но местами сам послужил для широкого стачечного движения. Особенно выдвинулись фабрики Западного края, рабочие которых стали добиваться сокращения рабочего дня до 10½ — 10 и даже до 9½ часов.

Видя, что волна рабочего движения растет, правительство, в лице министра внутренних дел Горемыкина, стало переходить от законодательных реформ к репрессиям и всякого рода полицейским стеснениям. Перед нами секретный циркуляр министерства внутренних дел губернаторам от 12 августа 1897 года, за № 7587, знакомящий нас с направлением тогдашней правительственной политики в сфере фабрично-заводского дела²⁾.

Он начинается такими словами: «В мае прошлого года, рабочие с.-петербургских бумагопрядильных, бумаго-ткацких и ниточных фабрик прекратили работы, предъявив фабрикантам требования об увеличении задельной платы и сокращении рабочего дня. Осенью того же года возник ряд забастовок в Москве и в некоторых местностях центрального фабричного района, а также возобновились, хотя и в меньших размерах, стачки в С.-Петербурге, при чем отличительными признаками всех этих стачек представляются: предъявление рабочими одних и тех же, точно сформулированных требований, единодушное упорство в отстаивании своих домогательств и сохранение стачечниками внешнего порядка и спокойствия. Произведенные по поводу этих стачек расследования выяснили, что если первоначальные забастовки возникли на фабриках, на которых рабочие находились в наиболее тяжелых экономических условиях, то дальнейшее распространение движения и дисциплина среди стачечников находились в зависимости, главным образом, от деятельности тайных революционных сообществ, именующих себя «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и «Рабочим союзом».

Боснувшись далее вопроса о составе и образе действий вышеозначенных «преступных сообществ» и указав, что большинство членов этих «союзов» принадлежит к учащейся молодежи и что самые сообщества организованы на началах децентрализации, автор циркуляра отмечает поразительное влияние членов этих сообществ на рабочих и организуемые среди них кружки: у последних настолько создавалось убеждение в целесообразности стачек, что они приписывали уступки фабрикантов влиянию стачечного движения. Благодаря этому стачечное движение росло, и «с весны 1897 года забастовки фабричных, заводских и даже цеховых рабочих сделались заурядным явлением во многих городах с более или менее значительным рабочим населением».

¹⁾ „Рабочие стачки“, под ред. Поссе.

²⁾ Сведения заимствуются из дела № 4, ч. 22—1898 года архива б. Д-та Полиции, — о волнениях и стачках среди рабочих: переписка по общим вопросам. Циркуляр этот в том же году был издан в Петербурге нелегально отдельной брошюрой.

Мало того, среди рабочих, как отмечено в том же циркуляре, образовались «боевые дружины», т. е. группы наиболее революционно-настроенных рабочих, «которые путем угроз и насилий принуждают менее решительных рабочих присоединиться к стачке или пренебрегают желающим стать на работу». В заключение в циркуляре приводится ряд мер, необходимых «для искоренения в рабочей среде ложных представлений о целесообразности их образа действий по отношению как к правительственной власти, так и фабрикантам и товарищам».

Для сего рекомендуется:

1) Войти в ближайшее сношение с местными чинами фабричной и горной инспекции, с начальством казенных заводов и железнодорожных мастерских, с начальниками жандармских управлений губернских и железнодорожных полицейских для установления живого общения этих лиц между собою и для полного согласования деятельности правительственных властей во всех случаях проявления каких-либо признаков волнения в рабочей среде.

2) Предписать полиции установить самое строгое наблюдение за фабриками, заводами, мастерскими и местами расселения рабочих и своевременно доносить о проявлении тревожного настроения в рабочей среде, выясняя причины волнения и устраняя, по возможности, поводы к неудовольствиям, в тех случаях, когда рабочие имеют основание жаловаться на притеснения или несправедливость фабрикантов и фабричной администрации.

3) Обратить особое внимание полиции на появление интеллигентов среди рабочих и на распространение на фабриках и заводах каких-либо воззваний.

4) Безусловно воспрещать всякие сходки рабочих.

5) В случае возникновения стачки или забастовки принять меры к миролюбивому соглашению сторон, а буде соглашения не последует, прекративших работы удалять безотлагательно в места родины, а иногородних рабочих, которые бастуют с нарушением сроков найма, удалять по этапу.

6) Заработные деньги рабочих, отказавшихся получить расчет, препровождать к подлежащему начальству в места родины или приписки.

7) Об иностранных рабочих сообщать министерству внутренних дел для высылки их за границу.

8 и 9) Объявлять местным рабочим о предпринимаемых правительством мерах в случае стачки или забастовки.

10) Всех рабочих, которые окажут в какой-либо форме сопротивление распоряжениям администрации, подвергать аресту и удалить из данного района.

11) Подвергать аресту и высылке под надзор полиции в одну из отдаленных губерний рабочих, замеченных в насильственных действиях по отношению к другим рабочим с целью воспрепятствования стать на работу или в возмездие за последовавшее согласие возобновить работы.

Наконец, рекомендуется «во всех случаях стачек и забастовок преимущественное направление дел в порядке положения об охране в том соображении, что судебное преследование не всегда бывает возможно в виду весьма частого отсутствия признаков преступления, караемого за стачку».

Министр финансов Витте прислал ¹⁾ министру внутренних дел свои соображения по поводу вышеупомянутого циркуляра, относясь критически к некоторым частностям его, «которые вследствие не совсем точной редакции циркуляра вызывают некоторые недоразумения».

Возражая против пункта 2 циркуляра, министр финансов писал, что «наблюдение за исполнением фабрикантами и рабочими правил, определяющих их обязанности и взаимные между ними отношения, равно как принятие мер к предупреждению споров между ними, путем исследования на месте, возникших неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон, возложены на чинов фабричной инспекции. По самому существу дела, чины фабричной инспекции являются в каждой губернии органами, наиболее знакомыми с условиями промышленной жизни того или другого заведения и потому наиболее компетентными в выяснении причин возникающих среди рабочих неудовольствий, обусловленных отношениями их к фабричной администрации; органы же полиции едва ли могут иметь, на практике, действительную возможность к выяснению существа таких неудовольствий, причины коих, большею частью, лежат в технических условиях и осо-

¹⁾ 31 октября 1897 г. № 962.

бенностях данного заведения, т. е. зависят от обстоятельств, для правильной оценки которых необходимы специальные технические познания и близкое знакомство с бытом рабочих. Едва ли поэтому возможно ожидать в каждом отдельном случае всестороннего выяснения органами полиции истинных причин неудовольствий, возникающих среди рабочих на почве взаимных их и фабрикантов отношений, а тем менее — устранения поводов к таким волнениям... Поэтому, в интересах дела, обязанности расследования и устранения поводов к неудовольствиям на почве договорных отношений рабочих и фабрикантов должны, по моему мнению, быть оставлены всецело на чинах фабричной инспекции»...

«Но тем же соображениям, продолжал министр финансов, я полагал бы необходимым, чтобы упоминаемые в ст. 9 циркуляра объявления составлялись при обязательном участии чинов фабричной инспекции и вывешивались на фабриках не иначе, как за их подписью». Далее, по поводу содержащегося в п. 5 циркуляра постановления Витте писал: «наказание рабочих, прекративших работы с соблюдением законных сроков и не учинивших никаких проступков, за которые они подлежали бы каре, безотлагательным удалением в места родины или приписки, представлялось бы едва ли правильным, ибо закон предусматривает, в строго определенных случаях, право рабочих отказаться от таких условий найма, которые они признают для себя невыгодными. Очевидно, что так именно и следует разуметь циркуляр № 7587, применяя рекомендованную им меру лишь к тем из числа вышеозначенных рабочих, которые при прекращении работ будут замечены в каком-либо противозаконном поступке, влекущем за собою необходимость его удаления из места, где он работает, или даже в пребывании их там без определенных занятий, по редакции п. 5 было бы, во всяком случае, желательно изложить несколько яснее».

Обращаясь с просьбой к м-ру внутренних дел «преподать губернаторам, в устранение возбуждаемых циркуляром № 7587 недоразумений, надлежащие разъяснения в вышеуказанном смысле», Витте высказал пожелание, чтобы «для установления живого общения органов министерств внутренних дел и финансов в деле надзора за фабриками и заводами и для полного согласования их деятельности в этом направлении, министерством финансов своевременно и при том непосредственно были преподаваемы подчиненным ему органам для руководства и исполнения надлежащие указания, в соответствии с теми, которые министерством внутренних дел преподаются подчиненным ему органам».

В заключение министр финансов излагает: «было бы крайне желательно, чтобы распоряжения министерства внутренних дел, касающиеся порядка действия чинов фабричной инспекции и полиции по надзору за фабриками и заводами и взаимных отношений означенных органов министерств внутренних дел и финансов, издавались по предварительному соглашению с министерством финансов».

Результатом вышеприведенной переписки между двумя министрами явился конфиденциальный циркуляр обоих министерств (внутренних дел и финансов) от 4 сентября 1898 года ¹⁾, в коем установлены пределы деятельности фабричной инспекции и полиции по части наблюдения за фабрично-заводской промышленностью.

Из сказанного видно, что жизненные требования рабочих опережали сухие схемы разных законоположений, направленных к урегулированию отношений между фабрикантами и рабочими, что фабрично-заводский быт настолько своеобразен и эластичен по условиям своего существования, что едва ли можно было предусмотреть или предупредить требования рабочих путем закона или циркуляров министерств внутренних дел и финансов; что и сами эти ведомства блуждали во многом в потемках, критикуя друг друга и стараясь направить свою деятельность по правильному руслу, — а между тем жизнь рабочих в большинстве случаев шла мимо этих законных норм, которые их несколько не удовлетворяли, и путем все новых стачек и волнений завоевывали право на лучшее существование.

Как иллюстрацию можно привести из дел б. д-та полиции ²⁾ выдержку из донесения начальника тверского губернского жандармского управления от 15 июня 1898 г. за № 753 на имя помощника шефа жандармов. Говоря о причинах неудовлетворительности деятельности фабричной инспекции, жандармский начальник отмечает то обстоятельство, что деятельность фабричных инспекторов, благодаря многообразию их работ, принимает характер сухого формализма и канцелярской переписки, и в доказательство приводит такой случай: «В 1897 году на

¹⁾ Министерства внутр. дел — за № 3384, министерства финансов — за № 580.

²⁾ Особ. отд. № 4, ч. 22/1898 г.

фабрике товарищества Тверской мануфактуры бр. Морозовых, где, вследствие перевода рабочих с изделия узорчатых материй на миткаль, понижение месячного заработка с 22 руб. 50 коп. на 10—12 р. 50 коп., можно было ожидать волнения рабочих, старший фабричный инспектор вынужден был обратиться с просьбой, в соображении, что рабочим нечем жить, к собственнику, заведывающему фабрикой Ивану Абрамову Морозову о прибавке расценочной платы для отстранения могущей быть забастовки. Но в ответ на это ходатайство пришлось услышать возражение со стороны хозяина: «не прибавлю, мы давно стремились на понижение и достигли», а со стороны рабочих через две недели после этого проявлена была забастовка, которая длилась 8 дней и принесла Морозову убытки более 50.000 руб., рабочим же, конечно, втрое более. Затем тот-же Морозов, хотя работы восстановились при согласии рабочих на тех условиях, против которых они протестовали, сделал немедленную прибавку заработка под другим видом довольствия, но кому же из рабочих осталось это непонятным и в ком из них не окрепло еще более убеждение, что действие сканом, посредством стачки, или забастовки, есть единственное средство к достижению улучшения положения, в особенности в виду неудачного исхода ходатайства за них инспектора, не оставшегося также тайной, которое только понизило должностное значение этого чиновника в глазах массы».

В. Колпенский.

Морозовская стачка 1885 года¹⁾.

I.

«Морозовская стачка 1885 года» — так называется возникшая в январе 1885 г. грандиозная стачка рабочих фабрики Саввы Морозова, или, точнее, т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова, Сына и Б-ния (одной из крупнейших текстильных фабрик центральной России), находящейся вблизи ст. Орехово (села Зуева), Моск.-Нижегородской ж. д., в пределах Владимирской губернии. Морозовская стачка факт большого значения. Ее не может обойти молчанием ни один историк русского рабочего движения. Одни из исследователей отмечают эту стачку как наиболее «выразительную», другие — как одну «из замечательнейших», третьи — как «историческую забастовку», по мнению четвертых — знаменитая стачка «в особенности заслуживает внимание» и т. д.²⁾

И, действительно, она явила пример в высшей степени мужественной, упорной и солидарной борьбы рабочих, показав вочию внушительность силы объединяющейся рабочей массы. «Русские рабочие могут с гордостью оглянуться назад, вспоминая дружную и мужественную борьбу своих товарищей, сумевших добиться удовлетворения своих требований и оказавших этим великую услугу всем русским рабочим» — писал автор брошюры «Десятилетие Морозовской стачки», указывая на рабочих мануфактуры Саввы Морозова. Процессом рабочих, участников стачки, «поднимается завеса с фабричного мира России, с быта в нем рабочего, положения его труда и отношения к нему фабриканта — заявил присяжным заседателям защитник 24 рабочих, прис. пов. Шубинский. — Мир этот в обычную пору жизни представляется герметически закрытым от нас высокими каменными стенами фабричных корпусов со вделанными в них железными решетками. Властители его зорко следят, чтоб ни одна подробность, происходящая в нем, не была достоянием пытливого гласности. Ныне стены эти раздви-

¹⁾ Для настоящей статьи кроме общеизвестной литературы, как-то: отчеты о процессах 1886 года, печатавшихся в современной прессе, из которых один довольно обстоятельно изложен в книге «Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах», т. III, изд. 1898 г., стр. 422—478 (Речь защитника подсудимых Плевако по другому процессу, см. т. I его речей, под ред. Н. К. Муравьева, Москва, 1909 г., стр. 321—325), брошюры «Десятилетие Морозовской стачки» с заключительным словом В. Засулич, изд. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Женева, 1897 г. (или II изд. организации газ. «Искры», 1901 г.) и др. использовано, главным образом, дело архива департамента полиции (3-го делопроизводства, № 2, часть 3 за 1885 г.) «о беспорядках среди рабочих на никольской мануфактуре Саввы Морозова и комп. в Владимирской губ.» и доклады министра внутренних дел гр. Дм. Толстого Александру III о ходе стачки, хранящиеся особо в том же архиве.

²⁾ См. А. Ельницкий, «История рабочего движения в России», ч. I (XIX век.), 1918 г., стр. 98—102 и 178—179, К. Пажионов, «Рабочее движение в России», изд. «Новый мир», стр. 29—31; И. Биск, «Экономическая и политическая борьба рабочего класса в России», изд. А. Н. Сурат, стр. 18—22; М. Л. Хейсин, «Рабочее движение в России», 1917 г., стр. 18—19; А. С. Серафимович, «Рабочее движение в России», 1917 г., стр. 27—28; В. Фриге, «Рабочее движение в России», 1920 г., стр. 22—23 и др. Из историков русской с.-д. стачки несколько коснулся М. Лядов («История российской соц-дем. рабочей партии», ч. I, изд. 1906 г., стр. 22—23 и 25).

гаются и дают возможность изучить порядки фабричной жизни в их живом, действительном виде¹⁾.

Уже одна внешняя сторона события заметно выделяет морозовскую стачку из общего ряда больших и мелких забастовок и волнений, вспыхивавших в 80-х годах прошлого века. На фоне разрозненности рабочего движения, случайного характера стачек, чисто экономической подоплеку их, неорганизованности и оторванности рабочей массы в целом от сознательной идейной борьбы, при наличии этих условий, резко отделяющих стачки 70 и 80-х годов от последующих, хотя бы даже от стачек 90-х годов, внешняя форма событий на морозовской мануфактуре в 1885 году приковывает внимание. Почти 8000 забастовщиков, измученных хроническим недосладом; поразительная настойчивость их не только в отношении себя, т. е. большинства безусловно приемливших забастовку с первого момента ее возникновения, но в отношении неопределившегося меньшинства, насильно недопущенного к работам; удивительная солидарность, выразившаяся особенно ярко при попытке отбить арестованных товарищей от вооруженных казаков и солдат, смелость при переговорах с представителями правительственной власти, напр., с губернатором, необходимость привода для подавления беспорядков и ликвидации забастовки значительного отряда разного рода войск (для того времени явление редкое!), — все это, вместе взятое, несомненно выдвигает эту стачку в разряд «исторических»!

«Слухи о зувеской стачке²⁾ докатились и до нас, для нашего горячего материала они явились запалом, искрой, рабочие зашевелились, и они вышли за ворота» — пишет участник иваново-вознесенской стачки 1885 г.³⁾.

Стачка значительна и по своим результатам. Рабочие в конечном итоге добились своего. Правда, не сразу, но спустя недолго. И добились определенных, облегчавших непомерно тяжелую их жизнь результатов не только для себя, но и для всей рабочей массы: под влиянием, главным образом, этой стачки, как справедливо замечают многие историки, и как признают даже официальные документы, был издан закон 3-го июня 1886 года. «Со стороны хозяев промышленных заведений возникали в прежнее время многочисленные злоупотребления правом сильного, которые, при постепенном росте нашей промышленности, вызвали в конце 1884 и начале 1885 годов крупные беспорядки в Московской и Владимирской губерниях, послужившие толчком к изданию специального закона 3-го июня 1886 года» — читаем мы в официальной записке⁴⁾ о пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме, и о желательности установления организации рабочих в целях самопомощи», составленной в 1898 году в отделе промышленности министерства финансов⁴⁾.

«Произведенное расследование доказало, что причины, вызвавшие эти беспорядки, не имели случайного характера, а обуславливались неправильными отношениями между фабрикантами и рабочими» — пишет историк русского фабричного законодательства⁵⁾.

Результаты расследований беспорядков в конце 1884 г. и в начале 1885 г. привели к образованию, под председательством сенатора Плезе, особой комиссии, которая уже в мае месяце 1885 г. внесла на обсуждение государственного совета проект соответствующих правил, которые были высочайше утверждены 3 июня 1886 г. под наименованием правил «о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры» и «Особенные правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих».

Вот полностью требования рабочих морозовской мануфактуры, изложенные в тетради, предъявленной с общего их согласия владимирскому губернатору⁶⁾.

¹⁾ „Русские судебные ораторы“, т. III, стр. 459—460.

²⁾ Т. е. морозовской. Географически морозовская стачка определяется как „Орехово-Зувеская“: ст. Орехово и село Зуево — одна местность.

³⁾ А. Н., „Стачка 1885 года“. „Иваново-Вознесенский губернский ежегодник“ на 1921 г., стр. 35.

⁴⁾ „Русский закон и рабочий“, изд. ред. „Освобождения“, с предисловием П. Струве (Штутгарт, 1902 г.), стр. 1—2.

⁵⁾ В. П. Литвинов-Фалинский, „Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России“ (СПб., 1900 г.), стр. 60—62.

⁶⁾ Текст требований приводится впервые с копии, доставленной губернатором м-ру внутренних дел (отмененное выше дело л. л. 62—64). Текст печатается здесь по новой орфографии, но без всяких исправлений.

ТРЕБОВАНИЕ ПО ОБЩЕМУ СОГЛАСИЮ РАБОЧИХ.

По общему нашему согласию Рабочих при фабрике Саввы Морозова и Бонгани и сын. Также и потребованию нашему с хозяина возратить штраф В пользу Рабочих с паски 1884 года ткачей, также и придилициков о в пользу хозяина оставить не более пяти процентов с Рубля Выработки. О пожеланию хозяина уволить Рабочих от Работа хозяин обязан удовлетворить По условленому Даговору нашей Расписки тоесть допаски по 23 Марта 1885 года без всякого вычета.

Также Панашему общему согласию мы Рабочие уже в продолжении несколько лет нашей Работы мы желали бы возбудить выработки 1880-81-82 также года когда все мы Рабочия были доволь нашими выработками и не имели никакой притензии на хозяина, также мы все Рабочия в течении 1884 и по 1885 год остались небезопасными в своей Работе, что мы не можем оправдать самих себя нежели своева семества и остаемся не удовлетворительными своему обществу казенных повинностей.

ТРЕБОВАНИЕ РАБОЧИХ.

Во-первых:

1-с. По изданному Государственному закону хозяин не должен производить чрезмерных штрафов, которыми обременяет своих рабочих. Мы рабочия требуем, и просим чтобы штрафы не превышали пяти % заработанного рубля, и чтобы рабочий был предупрежден о его плохой работе, и вызывался не более двух раз в течении месяца.

2-е. Вычет за прогул, чтобы не превышал более одного рубля, по стем чтобы и хозяин также был-бы обязан уплатить рабочему запрогул происходящий по вине хозяйской, как то запростой из заоснов поломки машин и переделку оных надругни работы и пр. и пр., чтобы каждый прогулянный час записывался в тетрадь рацетную или заработную, считая повывработки не менее сорока копеек в день (40) или двадцати копеек в смену (20).

3-с. Полное изменение условия найма между хозяином и рабочими по изданному Государственному закону чтобы каждый рабочий мог получить полный рацет без всякого вычета и задержки по заявлению рабочим за 15-ть дней о нежелание продолжать работу. Также и хозяин обязан объявить рабочему за 15-ть дней о его рацете, и все это записывалось бы в рацетные тетради. Буде-же будет неисполнено с какой либо стороны то чтобы удовлетворялось двух недельной заработной платой, как с рабочего так и с хозяина.

4-е. Доброкачественный материал соответствующий спросу о работе, и заявление осем происходило-бы с свидетелями тех рабочих, которые работают поблизости и записывались-бы в товаро-приемную книгу записи в книжку излишней меры в аршинах не превышать вес товара не учашать рацет бердов и плотность товара. До сего времени отнас не принималось никакое заявление. Вновь назначенные работы не объявленные в расценках производилась-бы поденной платой до тех пор по рабочие окончательно усоят эту работу и объявят за сколько можно работать. Такой то товар. Без общего соглашения нарасценки выставленные конторой учредить государственной контроль, который уравнял-бы заработную плату. Полное удовлетворение рабочих запрогул содня нашей остановки, происшедшей по вине хозяина. Прогульный день считать по прозбе рабочих не менее 40 копеек в день.

Без препятственное выдача харчей, до тех пор пока рабочие будут удовлетворены в своих требованиях, без всякой росписки. По тому что у нас за них уже вычтено и на каждом счету положено клеймо что: (деньги получены сполна). Также и набудущие время не задерживать. Потому что у нас за хозяином за декабрь месяц удержана заработка. Выдача жалования не задерживалось бы далее 15-го или в первую субботу после 15-го.

Свободный выбор старосты в артелях, и чтобы староста не мог служить более трех месяцев, в виду того чтобы не усевить для хищения сбыта; производить ежемесячный учет. Уволить от должностей тех служащих и мастеров, которых найдут нужным рабочие и покажут отдельной запиской».

Большинство, именно, требований, приведенных выше, были признаны законом 3 Июня 1886 года ¹⁾.

¹⁾ О законе 3 июня 1886 г. подробнее см. в цитированной работе В. П. Литвинова-Фалинского, главу IV-ую, стр. 57-65.

II.

Переходя к причинам, вызвавшим стачку, мы опишем события, разыгравшиеся на мануфактуре, в том порядке и виде, в каком они рисуются в лежащих пред нами материалах.

Основными причинами стачки, как известно, были, во-первых, резкое понижение на фабрике расценок в годы 1882—1885 г. и, во-вторых, столь же резкое возрастание штрафов. В 1881 г. рабочий в среднем зарабатывал в день 56 коп., а к 1885 года цифра эта была понижена до 42 коп. При этом штрафы, налагавшиеся в то время совершенно произвольно, достигали 30—50% заработка. Последние цифры подтвердились на суде показанием целого ряда свидетелей, вызванных обвинительной властью.

Владимирский губернатор, которого нельзя заподозрить в особой благожелательности к рабочим, определял причины стачки в следующих словах:

«Новодом к прискорбным событиям, начавшимся 7 января, послужило то крайнее угнетение, которому подвергаются рабочие, поступающие на эту фабрику. С издавна возведенные в систему, крайне строгие и высокие штрафы и вычеты за выделку тканей, признаваемо фабричной администрацией плохую, в настоящее, в особенности, время, когда и здельная плата уменьшена, по сравнению с бывшей до Пасхи 1884 г., более чем на 20%,—сокращают заработка еще от 30 до 40%; из массы рассмотренных мною расчетных книжек не встретилось ни одной, где бы не значилось вычетов. Зарабатывающий, примерно, 8 гривен, при таких условиях получает только 40 коп., и когда идет, с харчевым листком, в лавку, за получением провизии, то зачастую получает отказ, с объявлением, что за ним уж значится перебор, или получает, например, селедку, вместо фунта мяса, так как на последний денег у него не хватает. Расходуя ничтожные, до-нельзя сокращенные, заработки, на свое прокормление, значительное число рабочих состоит должниками Морозова, и, при таких условиях, по их выражению, находится у него как бы в кабале».

«Объясняя нужды рабочих, один из обвиняемых, крестьянин Московской губернии, Богородского уезда, д. Корпусов, Федор Леонтьев Козлов, между прочим, показал: что расценка работы чрезвычайно низка, тогда как материал (пряжа) стал выдаваться теперь гораздо хуже прежнего и постоянно рвется. Так в прежнее время за выработку куска миткаля платили 48 коп., а теперь 38—40, при том в куске миткаля прежде полагалось 55 аршин, а теперь—от 65—67. Помимо не доброкачественности выдаваемой для работы пряжи, значительно уменьшено число подмастерьев (вместо 1-го на 50 станков—один на 70), на обязанность коих возлагается помогать ткачам в работе, налаживать испортившиеся станки и проч., так что иной ткач, в особенности женщина, проработает целый день и в итоге ничего не выработает. Материала для работ часто не достает, и при том постоянно производится переделка и приспособление машин для выделки других товаров, отчего у рабочих являются невольные прогулы; часто случалось, что вместо 4 недель в месяц, рабочим приходилось работать только 2 недели, или вместо 2-х станков, на одном, тогда как, если рабочий, по своей вине, прогуливал день, у него вычитается за 3 дня работы, 2 дня за 6 дней и т. д. Штрафуют немилосердно, даже не объявляя в чем заключается какой-либо, хотя незначительный недостаток в работе. На что уж строго штрафует Шорин (главный ткацкий мастер), а сам хозяин Т. С. Морозов еще строже. Так, около 29 декабря, г. Морозов заходил в ткацкую: Шорин показал ему образцы товара, уже им принятого от рабочих. Кажется, лучше товара и быть не может, а хозяину он не понравился, он его весь смял и бросил, а ткачам приказал записать штраф».

«С своей стороны представители товарищества, хотя и объявляют понижение задельной платы необходимою, вызваною крайне слабым сбытом товара, а строгие штрафы,—средством поддержать репутацию фирмы изящной выделкой тканей, чего, по словам их, без штрафов достигнуто быть не может, но не уклоняясь в обсуждение степени основательности подобного рода доводов, нельзя, тем не менее, не принять в соображение, что тягостное положение рабочих на Никольской мануфактуре, в данном случае, представляется исключением. На соседних мануфактурах, поставленных в те же неблагоприятные и затруднительные условия сбыта, с нею однородных фабрикантов, рабочие остаются, однако, спокойны и высказывают даже удовольствие своими делами,—не испытывая тех притеснений, которыми товарищество Никольской мануфактуры

обуславливает возможность своего производства и поддержания репутации морозовской фирмы, и которыми между тем, вызваны были прискорбные события последних дней»¹⁾.

С такими до крайности тяжкими условиями рабочего быта столкнулся один из крупных представителей русских рабочих 70-х и 80-х годов—Петр Анисимович Моссеенок (кликача его „Студент“, чем рабочие подчеркивали его начитанность), поступивший на морозовскую мануфактуру в ноябре 1884 года. Будучи деятельным участником, даже организатором некоторых стачек 70-х г., за что и подвергся административной высылке, одухотворенный идеей освобождения рабочих от изнурительной эксплуатации, Моссеенок, едва переступив порог фабрики, занялся подготовлением забастовки. Благодаря ему, именно, и рабочему Василию Сергеевичу Волкову („адвокату“ как звали его рабочие) стачка явила „пример чрезвычайной для того времени организованности и планомерности»²⁾.

7 января 1885 года на фабрике начались беспорядки. В Петербурге первое известие о них было получено от владельца фабрики—Тимофея Морозова. В 1 ч. 10 м. дня последний была отправлена из Москвы министру внутренних дел следующая телеграмма: «На фабрике товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова, Сын и К-о, в местечке Никольском, Покровского уезда, Владимирской губ., рабочие волнуются, производят беспорядок, бьют стекла. Сообщив об этом владимирскому губернатору, правление т-ва почтительнейше просит ваше сиятельство не оставить приказать принять меры к прекращению беспорядка».

Не приходится удивляться тому, что владелец мануфактуры сразу обратился к центральной власти за содействием. Правительство всегда являлось на выручку крупному капиталисту там, где последний в угоду своих интересов не находил нужным иными путями ликвидировать спор с рабочими. Характерно, что Тимофей Морозов в ту минуту не счел нужным непосредственно отправиться на место беспорядков, будучи, видимо, уверенным, что конфликт будет ликвидирован силою войска. В его мыслях и намек не было на то, что можно вступить в какие-либо переговоры с восставшей массой, не говоря уже об уступках. На исходе того дня, в 7 ч. 35 м. вечера, он отправил из Москвы уже вторую телеграмму м-ру внут. дел, в которой чувствуется большая тревога: «Беспорядки увеличиваются, разбиты окна училищ, конторе, домах директоров. Администрация и фабрика находится в крайней опасности. Хотя телеграфировано господину владимирскому губернатору еще несколько раз, но помощи ни откуда не получается. Правление товарищества еще почтительнейше просит ваше сиятельство приказать ускорить меры к прекращению беспорядков». Губернатору телеграфно, за подписью товарища м-ра П. В. Оржевского, было предложено «принять надлежащие меры».

К концу дня поступило первое сообщение от губернатора о том, что «фабричная администрация разбежалась», а не находится «в крайней опасности», как доносил Морозов), и что он, губернатор, «потребовал войска. Отправляюсь с ними в сопровождении жандармского полковника и иркурора». В тот же день в Орехово-Зуево выехал и прокурор московской судебной палаты.

По цитированным телеграммам была составлена краткая докладная записка, которая была доложена Александру III на следующий день м-ром внут. дел (им в то время был граф Дм. Толстой). «Я очень боюсь, что это дело анархистов. Пожалуйста сообщите мне все подробности, которые получите от губернатора и жандармского начальства»—размашистым почерком написал на докладе Александр III. И вследствие этого ежедневно до окончания дела стали поступать телеграфные губернаторские донесения.

8 января Судиненко (владимирской губернии) сообщал: «беспорядки прекратились без мероприятий. Причина, повидимому, неудовольствие на фабричное управление. Разбиты и разграблены две квартиры директора и ткацкого мастера, две фабричные лавки, попорчены некоторые машины, при взаимной драке фабричных пятеро ранены, один смертельно».

Содержание телеграммы вечером же было доложено царю. «Гораздо успокоительнее» — пометил он.

Одновременно от губернатора поступила очередная телеграмма: «Морозов, прибывший из Москвы, простил (!) штрафы, дает расчет, рабочие не берут, предъявляют невозможные требо-

¹⁾ Отрывок этот заимствуем из пространной докладной записки владимирского губернатора о беспорядках на морозовской фабрике, представленной им 19 января 1885 г. министру внутренних дел (указанное дело архива департамента полиции, л. л. 47—60).

²⁾ Л. Мартов, «Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 г.» („История России XIX в.“ изд. Граната, т. VI, стр. 128).

вания. Общая забастовка, желающих работать не пускают, буйства нет, по соглашению с прокурорами потребовал полк казаков».

Впоследствии, в своем выше цитированном докладе о стачке, губернатор подробно осветил события этого дня.

«8-го утром—писал он—совместно с чинами прокурорского надзора мною были осмотрены разбитые квартиры, фабричные корпуса и разграбленные лавки. По окончании объезда и осмотра местности, на коей расположена фабрика, я, имея в виду, что волнение началось в ткацком корпусе, сделал распоряжение о приводе, под конвоем одной роты, по несколько ткачей из каждой рабочей казармы. Приведено было до 60 человек. На вопрос мой, что вызвало их неудовольствие против хозяина фабрики, окончившееся буйством, один из них, впоследствии оказавшийся серпуховским мещанином Василием Сергеевым Волковым, от имени товарищей объяснил, что все работающие издавна терпят крайние притеснения от штрафов и взысканий, беспощадно налагаемых за малейшую ошибку и провинность, что терпеть далее они не в силах, и что этими взысканиями заработки их сокращаются до такой степени, что они не в состоянии ни платить повинностей, ни прокормить своих семейств... Все единодушно заявили, что на работу, без новых расценок, не пойдут, расчет желают получить по 24 марта, но буйствовать не будут. Отпуская их, я обещал им поговорить с имеющим прибыть из Москвы хозяином фабрики Т. С. Морозовым.

«В 4 часа по полудни прибыл в Никольское Морозов, с которым прокурор Судебной Палаты и я имели продолжительное совещание о способах прекращения забастовки, признавал, с своей стороны, необходимым сделать некоторые облегчения для рабочих, действительно, крайне теснимых фабричной администрацией. Вместе с сим я решительно потребовал удаления с фабрики Шорина; как лица, против коего выказано было общее озлобление. Это требование мое было исполнено. После возражений г. Морозова, что всякое облегчение в настоящее время было бы уступкой грубому насилию, и дурным примером, поощряющим к новым беспорядкам, нам удалось, однако, убедить его на некоторые, хотя, к сожалению, весьма незначительные льготы для рабочих. Он согласился: 1) на скидку, взыскав за плохие работы с 1-го октября 1884 г. по день забастовки; 2) на расчет всех, без исключения, рабочих с условием, за сим, приема на фабрику, желающих согласиться на расценки, объявленные 1-го октября 1884 г., предоставив себе, при этом, право не принимать обратно на службу рабочих по своему усмотрению. Решено было обнародовать это на следующий день посредством наклейки объявлений, но, чтобы предварительно познакомить рабочих с содержанием оных, я приказал один экземпляр объявления предъявить в казармах ткачей и прядильщиков, при чем вызвать по 10 из каждой комне в фабричную контору для увещания их в необходимости подчиниться и работать до пасхи, в виду заключенных ими, с конторой, условий. При чтении объявлений рабочие подняли страшный шум и свист, объявив, что на предложения Морозова не согласны, и в контору притти отказались».

В донесении от 9 января Судзенко, между прочим, писал: «Озлобление рабочих отчасти справедливо. Под охраной двух рот до 300 человек работало и работает в красильне... Ночь спокойна, сего дня утром рабочие расклеили от себя письменные объявления о несогласии на условия Морозова, с требованием новых расценок, задельной платы, или же расчета по празднику пасхи, предупреждая, иначе будут бунтовать, работать не дадут. Наружных беспорядков нет. Толпы на улицах убеждений не слушают. Ожидаю прибытия казаков, для принятия более решительных, по обстоятельствам, мер. Повидимому, без новых уступок со стороны Морозова умиротворить не удастся... Подстрекательств извне пока не обнаружено». При докладе содержания этой телеграммы Александру III замечание губернатора, что «озлобление рабочих отчасти справедливо», было опущено.

Текст объявления, расклеенного рабочими в ответ на первые уступки Морозова (когда он «простил» штрафы), следующий:

«Объявляется Савве Морозову, что за эту сбавку ткачи и прядильщики ни (как) не соглашаются работать. А если ты нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разотчи нас по пасху, а то если не разотчешь нас по пасху, то мы будем бунтоваться до самой пасхи. Ну, будь согласен на эту табель, а то ежели не согласишься, то и фабрики вам не видать»¹⁾.

¹⁾ Приведено в докладной записке губернатора от 19 января 1885 г., л. 49.

10 января губернатор телеграфировал, что «правление, кроме уступок, о коих сообщает вчера, решительно ничего существенного в облегчение рабочих сделать не желает. Завтра утром об этом будет обнародовано расклейкой объявлений Правлений. Надо ожидать новых беспорядков». Александр III подчеркнул слова «решительно ничего более нет» и поставил вопрос, не то прямой, не то проницательский, «какие облегчения еще»? Во всяком случае после этой царской резолюции министр внутренних дел. Дм. Толстой меняет позу пассивного зрителя на роль умирителя, начиная рекомендовать местным властям более конкретные меры к предотвращению надвигающихся из-за неуступчивости фабриканта новых беспорядков. «Имейте в виду—шифровано телеграфировал он 2 января губернатору,—что при упорстве рабочих весьма полезно последовательно отделять уроженцев других губерний и уездов и немедленно отправлять их на родину. Мера эта принесла пользу во время недавних беспорядков рабочих в Московской губернии».

«Сегодня утром, восемь часов,—сообщал губернатор 11 января,—расклеены решительные объявления фабричного управления, с приглашением желающих встать на работы, не желающих явиться за расчетом. В девять часов, указанные пункты заняты войсками; собрались толпы, я лично убеждал согласиться на одно из двух,—шум и крики, что несогласны. На месте произведены аресты уличаемых в руководительство. Главный кричал: нечего говорить с капиталистами, вызовите наших. Толпа бросилась за арестованными, кричали о задержании всех, удержана казаками. Кричали ссылайте хоть всех, мы готовы, что над здешним начальством есть начальство высшее. Около одиннадцати часов, отрезана толпа,—находившаяся впереди и препровождена за конвоем, с целью высылки. Толпы разошлись, но в час дня, собравшись по звонку значительными массами, стали напирать, чтобы освободить арестованных, здесь произошла свалка между солдатами и толпой, среди которой были с кольями и железными прутьями; одно ружье сломано брошенным камнем. От меня толпа потребовала освобождения арестованного Василия Сергеева Волкова, очевидно коновода, представившего письменные требования рабочих. Часть арестованных толпой освобождена. Теперь огромные массы, прогнанные от фабричных зданий, толпятся у своих казарм, расположенных на противоположной стороне. Несоглашающихся работать предполагаю выслать партиями на родину. Волкова отправлю в тюремный замок. В виду крайне возбужденного состояния фабричных масс, ожидаемого большого скопления народа в Воскресенье, крайней растянутости и пересеченности местности, требую еще две сотни казаков и батальон пехоты».

Более детально этот интересный день освещается в следующем отрывке позднейшей докладной записки губернатора:

«Утром 11-го, по расклейке объявлений, из коих многие опять были сорваны, стали собираться толпы рабочих, но, по приказанию моему, живущие в казармах, находящихся вне фабричных корпусов, за фабричные ворота не пропускались. Этим распоряжением раз'единены были две толпы: одна, самая многочисленная, находилась вне фабричной черты, другая, состоящая из живущих в черте фабрик, толпилась на улицах, площадях и между зданий.

«По фабричным улицам производились казачьи раз'езды, а в некоторых пунктах была поставлена пехота в ротных колоннах. Прибыв к толпе, стоящей вне черты фабричных корпусов, я объявил им, что Морозов на просьбу их не соглашается, что дальнейшие переговоры представляются бесполезными, и что желающие работать могут стать на работы по расценкам и условиям, на кои они сами согласились 1-го октября, а не желающие—явиться в контору, где получают расчет. Единодушным криком толпа отвечала, что работать на этих условиях не желают, что за расчетом идти нечего, потому что ничего не получают,—все пошло на штрафы и на харчи. Стоявшие впереди Василий Волков и запасный рядовой Астраханского Гренадерского полка, Шалухин, оказавшийся одним из его сподручников, по приказанию моему, были незаметно оттеснены казаками от толпы. Волков громко кричал: «Как здесь говорить, здесь» все капиталисты, позовите моих людей; «где правила»? Ему из толпы подали писанную тетрадь¹⁾, которую я передал прокурору и объявил, что здесь не место разбирать ее, приказав Волкову и Шалухину идти в контору. Когда, окруженные войском, они двинулись в путь, Волков, обратясь к толпе, кричал: «что же, господа, один за всех или все за одного». Толпа загорланила: «все все, всех берите!» и бросилась за арестованными, но была удержана цепью казаков.

¹⁾ В тетради были изложены требования рабочих, приведенные выше дословно с копии, доставленной в Петербург губернатором.

Тут я вновь стал убеждать толпу разойтись по домам, или идти на работы, но, составив плотную стену пред фронтом казаков, она стояла и шумела. Часть стоявших впереди и наиболее шумевших, движением казачьей цепи была оттеснена, окружена и препровождена во двор конторы, остальная за сим пошумела и мало по малу разошлась, разгоняемая казачьими разездами и пехотными патрулями, при чем, с обеих сторон, никаких насилий сделано не было.

«Во дворе конторы арестованные, отказавшись назвать свои имена, были все переписаны по указаниям табельщиков, смотрителей и других должностных лиц фабричной администрации, и за сим, дано было приказание под сильным конвоем отправить их под арест, в помещение одной из фабричных казарм, называемой «для мальчиков». Между тем, к казарме этой, прилегающей одним концом к соседним фабрикам другого владельца, Викула Морозова, успела, мало по малу, собраться значительная масса народа и, когда привели арестантов, то, по свистку и звону в сигнальный фабричный колокол, бывшие впереди толпы мальчики, внезапно бросились к одной из дверей и успели ее выломать. Арестованные, с своей стороны, кинулись по корридорам и лестницам к этой двери и преследуемые конвойными успели выскочить на улицу, где, большая часть их скрылась в толпе. В этой суматохе, между ротой, охранявшей казарму, и рабочими, у коих были дубины и другие т. п. орудия, завязалась рукопашная схватка. Нападение солдаты отбили прикладами, одна винтовка попорчена ударом брошенного камня. Двое из нападавших на караул арестованы. Толпа, оттесненная за фабричную черту, мало по малу разошлась, а часть войск возвратилась в казармы.

«Около 2-х часов пополудни снова стали формироваться группы, вскоре сплотившиеся в значительную массу. Раздавались крики и требования говорить со мной. Прибыв на место, я спросил, что им нужно. Сотни голов отвечали: «выпустите Василия». Объявив им, что Василий (Волков) привлечен следственной властью к делу о буйстве и беспорядках, и что выпустить его я не в праве, я вновь убеждал толпу разойтись, и так как она не расходилась, приказал ее оттеснить.

«Убедившись, что при сильном напоре толпы и при том в такой крайне пересеченной местности как м. Никольское, численный состав войск находившихся в распоряжении моем не представляется достаточным, я просил телеграммой командующего войсками Московского Военного Округа о присылке еще двух сотен казаков и батальона пехоты, рассчитывая на возможность, с большими силами, одновременно действовать против масс в нескольких пунктах. Требование подкреплений вызвано было еще и опасением, чтобы в воскресенье—базарный день, беспорядки не усилились наплывом народа из соседних фабрик Викула Морозова, и находящихся в смежном с Никольским, с. Зуеве, Московской губернии.

«Вечером, в 6-м часу, толпы стали снова собираться и сильно напирать на казачью цепь, охранявшую входы на фабрики, со стороны железной дороги и от так называемого нового заведения. Из цепи дали знать, что имеется намерение напасть на главную контору, где находились под арестом Василий Волков и другие, задержанные по требованию судебной власти. В конторе были немедленно вызваны 2 сотни казаков и 2 роты Великолукского полка. Вскоре на улице с обеих сторон появились громадные массы народа, приближавшиеся к конторе с криками—«выпустите нашего человека Василия». Некоторые подступили к зданию, в котором находились арестованные, с намерением выломать окна, но, по распоряжению моему, немедленно были оттеснены казаками, на этот раз пустившими в ход нагайки, и прогнаны за черту фабричных помещений. Между тем я распорядился посылкой роты на платформу станции «Орехово», так как слышно было, что, при отправлении Василия Волкова, толпы намерены были сделать попытку к его освобождению, напад на поезд. Одновременно, двумя сотнями казаков, очищен был весь рельсовый путь и прилегающая местность. В 7-мь часов Волков, в сопровождении двоих жандармов и под конвоем полусотни, был привезен на поезд, и беспрепятственно отправлен во Владимир, для заключения в местном тюремном замке.

«По отправке Волкова, я совместно с командующим отрядом, полковником Кобордо, составил план действий на следующий день. Положено было, окружив так называемую «артельную» казарму, в которой помещались холостые рабочие, проявившие наиболее буйства, и влияние которых на остальное население признавалось вредным, арестовать всех массу, с тем, чтобы тех из них, которые фабричной администрацией будут признаны за благонадежных,—освободить, остальных же выслать из Никольского по железной дороге в Москву и Владимир, для отправки оттуда на места родины».

В департамент полиции в тот день поступило заявление забастовавших рабочих, подписанное Я. В. Филипповым, о том, что, прекратив все до единого работы, они не возобновят таковые, пока не прибудет из Петербурга доверенное лицо для производства расследования на месте «обид», нанесенных рабочим¹⁾.

На докладе о событиях этого дня Александр III пометил: „все это весьма неутешительно“.

Имея пред собою такую неутешительную резолюцию государя, убеждаясь, что упорств рабочих не так-то легко сломить, столкнувшись лицом к лицу в открытой борьбе с 8-ми тысячной армией рабочих, граф Толстой сам пишет телеграммы губернатору и командиру войсками Московского военного округа:—первому „потребуйте побольше войск из Москвы“ а второму—„послать на фабрику Морозова войска, сколько потребует владимирский губернатор“. А в это время, когда в центре круто повернули линию и решили принять самые решительные меры к подавлению невиданной забастовки, местные власти в лице губернатора Судженко все больше и больше убеждаются в том, что рабочие справедливы в своих требованиях, и в допесениях как-будто подчеркивают, именно, то, что виноваты не рабочие, а администрация мануфактуры, что ее-то и следовало бы заставить пойти на уступки. «Издавна правлением т-ва практикуются крайне высокие взьски и штрафы с рабочих, с целью этим способом понизит задельную плату; вычеты эти составляют в среднем до 30%»—телеграфировал губернатор 12 января. Того-же числа министром внутр. дел получена была новая срочная телеграмма из Москвы от Тимофея Морозова следующего содержания:

„Двумя телеграммами 7 января правление товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова Сын и К-о доводило до сведения вашего сиятельства о бунте на фабрике рабочих разбивших дома и разграбивших имущество по недостаточности военной силы беспорядок продолжается до сих пор и увещания губернатора не действуют по совету губернатора в присутствии прокурора Московской судебной палаты со стороны правления товарищества объявлено что рабочим возвращаются те взьски, которые были сделаны за плохие работы, что им делается расчет по ценам при заключении условий найма первого октября 1884 года и что желающие поступить на работы могут быть вновь наняты по этим же ценам, но объявления эти рабочими сорваны. Они требуют расчета по ценам высшим существовавшим до пасхи 1884 г. при том по пасху 1885 года. Значит здесь была и есть стачка с разрушением и разграблением имущества. Некоторые рабочие желали бы стать на работы, но большинство других не допускает под угрозой мести. Явившиеся на работы разгоняются бунтовщиками объясняющими что они заставят удовлетворить за прогульные дни. Удовлетворить этого требования, а также и того требования, о котором сказано выше, нельзя. Требования эти не законны. Удовлетворить их значит наградить за бунт и поощрить к новым беспорядкам. Оставаясь без дела, рабочие с каждым днем теряют заработок. Отказ в удовлетворении незаконных их требований может породить большое в них недовольство и дело обострится. Уже вчера толпа рабочих явилась освободить арестованного главного виновника бунта, но была разогнана. Положение таково, что живущие на фабрике не безопасны. Нет уверенности и в том, что имущество останется в целости. Такая крайность вновь заставляет правление товарищества иметь почтительнейше просить ваше сиятельство о защите и к прекращению беспорядка теми мерами какие вы изволите признать необходимыми—Директор распорядитель Тимофей Морозов“.

Мольбы Морозова о помощи были в ту минуту излишни. На подмогу находившимся в Орехово-Зуево войскам в тот же день прибыли две сотни донцов и батальон солдат. Начались усиленные аресты среди рабочих, которых сотнями высылали на родину. 13 января Толстой имел уже возможность уверять царя, что фабрики скоро начнут работать.

И, действительно, с 13-го января стачка идет быстро на убыль. Рецепт опытного графа Дм. Толстого возымел действие: массовые аресты и высылки изолировали наиболее активный элемент. Донесения и доклады за 14—20 января полны единственно цифрами арестуемых и высылаемых, при чем преимущественное внимание обращалось на молодых рабочих, наиболее энергичных и сознательных. Большое количество войска было, по приказанию гр. Толстого, оставлено до водворения полного порядка.

¹⁾ Как впоследствии оказалось, прошение это было написано Мосеевком.

20 января министр внутренних дел докладывал, наконец, царю, „что на Никольской мануфактуре, в субботу, 19 января, работали уже 4508 человек и на понедельник записалось еще 300. Порядок восстановлен вполне“. „Дай Бог, чтобы так и продолжалось“—написал Александр III на докладе гр. Толстого ¹⁾).

Дело о январской стачке слушалось в 1886 г. в заседаниях владимирского окружного суда. Первая группа, в числе 17-ти человек, была предана суду без присяжных заседателей. Боронный суд приговорил их, за исключением двух оправданных, к аресту на разные сроки, в том числе Мосеенка, скрывшегося на третий день стачки и впоследствии арестованного, и Волкова к аресту на 3 месяца. По отбытии наказания оба они были сосланы административным порядком: первый—в Шенкурск на 5 лет, а второй—в Вологодскую губ.

Группе 33-х человек, среди которых фигурировали опять-таки Мосеенок и Волков, преданной суду с участием присяжных заседателей, присяжные в мае 1886 г. вынесли оправдательный приговор. То был, по выражению реакционного публициста М. Н. Каткова, „салют рабочему вопросу“ в России.

Р. Кантор.

¹⁾ О положении и жизни рабочих на Никольской мануфактуре в 80-ых годах см. еще: Песков, П.—Фабричный быт Владимирской губ. (Петербург, 1884 г.), и В. Н. Ануфриев—История развития и деятельности потребительного общества при фабрике т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова, Сын и К-о (Москва, 1913 г.).

Устройство быта свободных хлебопашцев.

Не взирая на свою численную незначительность, свободные хлебопашцы, тонувшие в массе прочего крепостного и свободного сельского населения, заслуживают внимания историка, так как быт их отражает на себе своеобразие строя жизни русского крестьянства, в целом, в его недавнем прошлом. Это своеобразие отчетливо выступает на вид при анализе столкновения положений указа 20 февраля 1803 г. о свободных хлебопашцах ¹⁾ с деревенской действительностью.

Указ 1803 г. мало занимается внутренней жизнью свободных хлебопашцев; все положения, которыми эта внутренняя жизнь регулируется, можно свести к трем.

Во-первых, крестьяне при увольнении получают землю на правах частной, а не общинной собственности. В правилах 21 февраля 1803 г. было особо указано, что раздел земли между увольняемыми производится при заключении условия, при чем каждый из крестьян получает план своего участка с подписью уездного землемера. Отсюда вытекало для каждого свободного хлебопашца как право свободного распоряжения землею (завещания, продажи, дарения и т. д.), с единственным ограничением, не дробить участки менее 8 десятин, так и право залога недвижимости и вступления во всякого рода залоговые обязательства.

Во-вторых, свободные хлебопашцы подчиняются местным властям в судебном отношении наравне с крестьянами государственными. Но об административно-хозяйственном надзоре этих властей, подобном тому, какому подвергались государственные крестьяне со стороны казенной палаты, по отношению к свободным хлебопашцам нет и речи.

В-третьих, в смысле исполнения государственных и земских налогов их повинностей они ставятся в положение, одинаковое с государственными крестьянами, с той только разницей, что в качестве земельных собственников не должны уплачивать оброка ²⁾.

Вникая в смысл этих положений, убеждаешься в стремлении указа создать совершенно чуждый до тех пор для русского аграрного строя класс мелких земельных собственников, свободных как в личной хозяйственной деятельности, так в сфере административно-хозяйственного уклада деревни, но одновременно остающихся в отношении к государству податным сельским состоянием. Такая тенденция вполне отвечала либерально-индивидуалистическому настроению части высших кругов русского общества начала 19-го в. Но отвечала ли она общественным и хозяйственным условиям крестьянского строя России того времени? Как же сложился под влиянием этих либеральных положений быт свободных хлебопашцев?

Можно ли считать прививку русскому крестьянину первой половины 19-го в. начал имущественной свободы и свободного от надзора свыше сельского самоуправления удавшейся, или же этот эксперимент оказался также несостоятелен, как попытка того же указа построить освобождение крепостных на примирении противоречащих взаимно интересов крепостных и дворян землевладельцев?

Вот вопросы на которые нам предстоит дать ответ.

Первые сомнения в применимости указа 1803 г. появились в правительственных кругах еще в Александровское время. Однако, результаты практического приложения закона еще

¹⁾ См. В. Бирюкович, «Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I» («Архив истории труда в России», книга первая).

²⁾ Полное собрание законов № 20620.

были слишком недостаточны для того, чтобы сделать определенное заключение о правильности избранного законодательством пути. Только в тридцатых годах стала выясняться для правительства картина жизни свободных хлебопашцев, и оказалось возможным перевести вопрос о применимости указа на практическую почву.

Раньше других обратило на себя внимание положение указа об имущественных правах свободных хлебопашцев.

I.

Уже министр внутренних дел Козодавлев в 1811 г., а затем в 1818 г., принужден был констатировать, что правило о немедленном по увольнении крепостных раздроблении земли между собственниками редко проводилось в жизнь. Обычно крестьянам самим предоставлялось распределить между собою землю, на основаниях, которые они сами для себя устанавливали¹⁾. Правительству, дабы избежать неутверждения большинства договоров об увольнении, приходилось мириться с этим нарушением закона. Однако, предоставлением раздела земли на усмотрение крестьян не разрешались все трудности вопроса, необходимо было для правильного осуществления этого раздела взаимное согласие крестьян относительно его принципа. Между тем согласие как-раз в таких случаях нередко не обнаруживалось. Взнос денег за выкуп земли внедрял в сознание крестьянина мысль, что он является собственником определенной доли земли, пропорциональной величине взноса. С этим убеждением не могла согласоваться уравнительная разверстка земли, практикуемая в русской деревенской общине. Оно исключало равное распределение земли при неравенстве взносов, и устройство переделов по мере прироста душ. Таким путем назревал в деревне конфликт индивидуального и общинного начала, который подчас проявлялся в виде столкновения хозяйственно слабых и сильных элементов внутри общества свободных хлебопашцев. За отсутствием высшей инстанции, руководящей хозяйственными делами хлебопашцев, эти столкновения принимали иногда затяжной характер, выливаясь в продолжительные судебные тяжбы одной части крестьян с другою. Подобного рода трения своей частой повторяемостью привлекали внимание органов местного, как государственного, так и сословно-дворянского управления.

В 1828 г. с сообщением о частых спорах среди свободных хлебопашцев о раскладке мирских земель обращалось к министру внутренних дел тверское губернское дворянское собрание²⁾. В 1837 г. тверской губернатор доносил тому-же министру, что из 3.442 свободных хлебопашцев, проживающих в этой губернии, многие находятся в худшем положении от неравного разделения между ними земли, которое служит поводом к ссорам и тяжбам, и что это тяжело, состояние свободных хлебопашцев побуждает их просить о перечислении в государственные крестьяне³⁾.

Вопрос о порядке земельных разделов был слишком острым и тревожным в быте свободных хлебопашцев, чтобы его оставлять навсегда открытым. Он явно нуждался в особом законодательном урегулировании. В 1838 г. Государственный совет приступил к его обсуждению. Поводом для этого послужило поступившее в министерство внутренних дел дело свободных хлебопашцев сельца Гайнова и деревни Пикаревки Тверской губернии, которые постановили разделить землю сообразно с величиной взносов за увольнение, т. е. вопреки традиционному уравнительному переделу по числу душ. По наблюдению министра внутренних дел Блудова, крестьяне «большою частью миром постановляют вскоре после объявления им об утверждении условий, владеть каждому из них тем самым участком земли, каким кто пользовался в крепостном состоянии», иначе говоря, сохраняют общинный порядок землевладения. «Но бывают случаи, что крестьяне... уславливаются между собою владеть уступленною им землею без раздела в продолжении известного времени, по истечении которого приступать к окончательному разделу оной по участкам; между тем некоторые семейства из уволенных крестьян приумножаются рождением, другие уменьшаются смертностью; от сего со стороны первых возникают жалобы на недостаток земли и настояния о уравнительном разделении оной, а со стороны последних, споры, влекущие и тех и других ко взаимному неудовлетворению и тяжбам,

¹⁾ Семейский, «Крестьянский вопрос в России», т. I, стр. 273.

²⁾ Архив министерства внутренних дел. 1828 г., дело № 367.

³⁾ Журнал комитета министров 9 февраля 1837 г. № 200.

для обеих сторон тягостным». В виду этого Блудов предложил сенату учесть жизненный опыт и дополнить закон о свободных хлебопашцах новыми статьями.

Сенат, не решаясь изменить установленный указом порядок землевладения, обратился к Блудову с запросом о возможности дальнейшего применения положения о немедленном по увольнении разделе земли, и получил ответ в том смысле, что положение это никогда почти не соблюдается, и что требование строгого его применения принуждает министерство внутр. дел отсылать обратно значительное число поступающих к нему условий для исправления, «на что проходит несколько месяцев, а иногда год и более», так что нередко «помещик умирает, не приведя своего намерения в действо, отчего возникают неприятные и вредные споры между его наследниками и крестьянами и следствием бывает неповиновение сих последних новым своим господам, которые хотят их оставить у себя в крепости».

Таким образом оторванность принципа частного землевладения от уклада русского крестьянского хозяйства была удостоверена еще раз официально. По предложению Блудова сенат признавал возможным сохранение общинного владения при выкупе крестьян на волю. Что касается вопроса о способе разверстки земли по участкам, в случаях, когда крестьяне приступают к земельному разделу спустя известный срок после освобождения, то он был разрешен гораздо менее определенно.

Блудов, а за ним и сенат нашли, что и раздел уравнительный, и раздел по величине взносов за выкуп на волю, оба, не взирая на взаимную противоречивость, отвечают с известной точки зрения справедливости, и поэтому постановили предоставить выбор основания для распределения земли самим крестьянам, но с тем, чтобы во избежание споров, в условии об увольнении обозначалось, каким образом намерены они в случае земельного раздела распределять участки, «по количеству ли внесенных за себя каждым крестьянином при заключении условия выкупу или же по числу наличных душ, какое будет состоять в их обществе, по наступлении помянутого срока»¹⁾. Это было одобрено государственным советом и высочайше утверждено²⁾.

Поводом для земельных споров могло служить не только предписание закона относительно раздела земли в собственность, но также и то неограниченное право распоряжаться своим участком, каким свободных хлебопашцев наделял указ 1803 г. Пользуясь этим правом, отдельный собственник - крестьянин мог продать свой участок в чужие руки, минуя односельчан, что, конечно, нарушало интересы всей остальной деревни, старавшейся не выпускать земли из своего обладания и не допускать черезполосности ее с участками посторонних общине лиц. Правда, случаи подобной продажи земли на сторону, очевидно, были исключениями, так как за время существования указа лишь однажды правительству пришлось столкнуться с такого рода явлением. Тем не менее, явление это любопытно, поскольку уясняет те жизненные условия, на почве которых происходило столкновение общинных интересов с признанным законом широким правом свободных хлебопашцев на частную хозяйственную деятельность.

В 1809 г. были уволены помещиком Толстым в свободные хлебопашцы его крестьяне села Никольского, Рязанской губ., в количестве 36 душ при очень незначительном количестве земли—всего 179 десятин и из них годной для обработки 146 десятин пашенных и усадебных земель, притом в черезполосном владении. К 1826 г. число хлебопашцев возросло до 65 чел. Стал остро ощущаться недостаток в земле. Чтобы найти выход из малоземелья, часть крестьян (34 ревизск. души) стала ходатайствовать перед местной казенной палатой о переселении их на казенные земли в Оренбургскую губернию, при чем крестьяне обещали внести за три года вперед государственные подати. Остающиеся свободные хлебопашцы охотно соглашались на переселение своих односельчан, но при обязательном требовании—чтобы вся земля выселяющихся была продана им по 50 руб. за десятину, так как только при этом условии выселение половины жителей из деревни не только не наносила им никакого ущерба, но даже было выгодным, освобождая их от земельной нужды. Наоборот, «если переселенцы, по замечанию губернатора, продадут владеемую ими землю посторонним лицам, то действительно малые участки, остающиеся могут придти в большое раздробление». Переселенцам предлагаемая цена показалась слишком низкой, и они, опираясь на предоставленное им право собственности, настаивали на свободной продаже своих участков.

¹⁾ Архив госуд. совета, департамент законов, 1838 г., дело № 41.

²⁾ 2-ое полное собрание законов, № 11287.

В правительственных сферах, разрешение этого дела возбудило крупные разногласия. Министр внутр. дел Ланской, ссылаясь на букву закона, предлагал разрешить продажу участков каким угодно покупателям; если при этой продаже пострадают интересы остальных односельчан, то устранение подобных неудобств должно быть произведено правительством «независимо от сей продажи», так как всякое принуждение при продаже «будет противно существенному понятию права, которым пользуются свободные хлебопашцы по владению своими землями». Однако, комитет министров не отважился разругать противоречие тем формальным путем, какой рекомендовал ему Ланской, и, не разрешив вопроса, передал дело на рассмотрение государственного совета¹⁾. Здесь также обнаружилось колебание. Не зная, как примирить принцип частного землевладения с потребностями деревенского хозяйства в целом, «ибо свобода продавать участки земли кому бы то ни было введет чересполосность владения в дачах свободных хлебопашцев, а стеснение сей свободы нарушило бы право собственности», государственный совет «положил: разрешение означенного вопроса в виде закона отложить до другого времени». Что касается непосредственно инцидента с переселением свободных хлебопашцев села Никольского, то госуд. совет поступил при разрешении его неприкосновенностью собственнических прав, поручив министерству внутр. дел объявить просителям, что ежели они продадут землю, им принадлежащую, остающимся в селе Никольском свободным хлебопашцам, тогда могут переселиться на казенные земли в Оренбургскую губ... Если же желающие переселиться и остающиеся на месте хлебопашцы не согласятся в цене, то предложить им средство оценки чрез депутатов, по одному с каждой стороны при посредстве уездного предводителя дворянства; после чего оценка сия утверждена быть должна гражданским губернатором»²⁾.

Свободные хлебопашцы не представляли собою замкнутого сословия. Указ 24 дек. 1823 г. предоставлял им право перехода в другие податные состояния, при условии взимания с них двойной подати до ближайшей ревизии³⁾. С 1830 г. этот переход дозволялся им без уплаты податей по двойному окладу. Наконец, указ 1831 г. распространил право перехода во все податные состояния на свободных хлебопашцев, не исполнивших еще своих обязательств к помещику. При подвижности свободного сельского населения выходы из сословия свободных хлебопашцев были явлением заурядным. Чем-же объясняется отсутствие конфликтов из-за земли при отчислении от сословия? Из указанных только-что законодательных актов лишь последний определенно предписывает лицам, выходящим из общества свободных хлебопашцев, оставлять односельчанам принадлежащие им участки. Первые два акта не касаются этого вопроса, оставаясь таким образом для свободных хлебопашцев, окончивших свои обязательства к помещикам, в силе положение указа 1803 г. о свободном распоряжении собственностью. Очевидно, ответ на поставленный вопрос лежит не в законодательных мероприятиях, а в силе установившейся традиции о праве общины на землю выходящих из нее членов, благодаря чему переход участков последних к деревенскому обществу обычно не вызывал протестов.

Признание за свободными хлебопашцами права собственности на землю было чревато для них еще одним важным последствием: их участки подлежали публичному торгу в случае их несостоятельности по долговым обязательствам. Между тем к займу денег, как у частных лиц, так и в государственных кредитных учреждениях, свободных хлебопашцев зачастую толкала невозможность уплаты выкупной суммы из наличных средств. Так как сумма эта нередко превосходила их платежеспособность, то и задолженность их принимала безнадежный характер. Благодаря экстренным мерам со стороны правительства дело большей частью не доходило для крестьян до полного их разорения, но почти неизменно оканчивалось взносом за них долга казною и переводом их самих в разряд государственных крестьян. Вот несколько примеров.

Свободные хлебопашцы села Мшалихи заняли при своем увольнении для расплаты с помещиками у двух частных лиц 21300 руб. Вскоре обнаружилось, что крестьяне при займе совершенно не рассчитали своих сил. Кредиторы, не получив в срок деньги, подали ко взысканию. Сообщая

¹⁾ Архив министерства внутр. дел, департамент общих дел, 1826 г., дело № 338.

²⁾ Архив государственного совета, журнал 11 июня 1828 г. В 1828 г. после двухлетнего ожидания обе стороны хлебопашцев селыя Никольского, получив решение госуд. совета, пришли к взаимному соглашению, по которому земли переселяющихся достались односельчанам по ранее предложенной им цене в 50 руб. за десятину (архив министерства внутр. дел, департамент общих дел, дело № 338: отношение рязанского губернатора от 31 декабря 1828 г.).

³⁾ 2-ое полное собрание законов, № 29715.

министру внутр. дел об описи имущества свободных хлебопашцев, губернское правление предложило вместо продажи их имущества, что неизбежно довело бы их до полного обнищания, обложить их ежегодным оброком по 10 руб. с души и отдать четвертую часть земли в наем, с тем, чтобы ежегодно уплачивать часть долга. После длительного обсуждения получило перевес мнение министра государств. имущества Киселева, который подал мысль о б р а т и т ь с в о б о д н ы х х л е б о п а ш ц е в в г о с у д а р с т в е н н ы х к р е с ь т ь я н, «выдать кредиторам их сумму, равную цене, которая состоится на торгах за продаваемое имущество их, если только цена сия не будет превышать долга, а затем обложить крестьян оброком, на равне с прочими государственными крестьянами». После одобрения сенатом и госуд. советом это мнение получило высочайшее утверждение ¹⁾. Подобное же разрешение получило дело свободных хлебопашцев деревни Коровецкой, которые вследствие крайней бедности не были в состоянии уплатить долга Орловскому приказу общественного призрения. В 1845 году они были зачислены в государственные крестьяне с платежом установленного оброка ²⁾. Такому же переводу в государственные крестьяне подверглись в 1826 г. хлебопашцы, отпущенные за три года до того помещиком Яшкуровым, оказавшиеся не в состоянии возратить взятую ими из Заемного Банка ссуду в 10.000 руб. ³⁾.

В правительственной среде наиболее ярко сознавал неудобство права отчуждения земель свободных хлебопашцев при наличии задолженности последних и низкого уровня благосостояния Киселев. «Весьма часто, писал он в записке, представленной в комитет 1839 г., для выкупа себя они делают займы, превышающие их способности, под залог земель, которыми они по праву собственности могут располагать произвольно. По невыплате в срок займа, земли отчуждаются во владение кредитора, и хлебопашцы лишаются средств к существованию или остаются в совершенной нищете, или требуют переселения на казенные земли, где правительство, сверх того, должно оказать им пособие на водворение. В сих обстоятельствах дело оканчивается тем, что на устройство вольных хлебопашцев казна делает пожертвование едва ли не наравне с суммой выкупа» ⁴⁾. Свой отрицательный взгляд на отчуждаемость крестьянского имущества Киселев провел в законе 2 апр. 1842 г. об обязанных крестьянах, но здесь основанием для неотчуждаемости служило не ограничение права свободного распоряжения собственностью, а превращение крестьян в наследственных арендаторов помещичьей земли ⁵⁾. Что касается самого указа 1803 г., то в нем не было сделано никаких изменений, прямо обеспечивающих земли свободных хлебопашцев от продажи за долги.

Итак, применение принципов частной земельной собственности и свободного оборота земель порождало много трений в жизни свободных хлебопашцев и далеко не отвечало как их общинному хозяйственному укладу, так и тем тяжелым экономическим условиям, в какие их ставило освобождение от крепости, построенное на невмешательстве государственной власти в вынужденную операцию, в силу чего правительству приходилось вводить в эти принципы существенные ограничения и коррективы или в законодательной форме, или в форме административных мероприятий и судебных решений.

II.

Значение для быта свободных хлебопашцев той свободы от хозяйственного контроля, которую для него создавал указ 1803 г., может быть понято лишь в том случае, если мы учтем административно-хозяйственное положение большинства крепостного крестьянства. Вотчинное управление крепостного поместья, в большей или меньшей степени в зависимости от частного случая, осуществляло административно-хозяйственную опеку над крепостными не только барщинными, но и оброчными.

Урегулирование хозяйственного быта деревни было одной из существенных предпосылок доходности дворянского имения, поскольку обеспечивало определенный уровень крепостного труда. Способ земельных переделов, ведение хозяйства, выборы должностных лиц, разверстка повинностей, составление рекрутских списков—все эти важнейшие стороны крестьянской жизни испы-

¹⁾ Архив министерства внутр. дел, департамент общих дел. 1830 г.,—дело № 424.

²⁾ Журнал комитета министров 9 янв. 1845 г. № 32.

³⁾ Журнал комитета министров, 28 янв. 1817 г. № 132.

⁴⁾ Семевский, «Крестьянский вопрос в России», т. II, стр. 36, примеч.

⁵⁾ 2-е Полное собрание законов, № 15462.

тывали на себе в той или другой мере давление помещичьего авторитета ¹⁾. Естественно, что там, где вотчинный надзор проводился длительно и систематически, он в сознании самих крестьян превращался в необходимый элемент их быта. Крепостные утрачивали способность к самоуправлению. В них выработывалась привычка к помещичьей феруле, воздействие которой на себе они никогда не переставали ощущать, от которой они всеми силами старались избавиться, но без наличия которой они начинали чувствовать себя беспомощными.

Указ 1803 г. переносил освободившихся от крепости крестьян в совершенно новую атмосферу, очищенную от административно-хозяйственной опеки. Такая ломка привычных отношений не могла не произвести сильного сдвига в деревенском строе и настроении самих крестьян. Не удивительно, что этот сдвиг порождал часто болезненные явления в существовании свободных хлебопашцев. Судя по сообщениям как местных властей, так и самих свободных хлебопашцев, привычный строй их жизни, будучи предоставлен самому себе, подвергался, подчас сильнейшей внутренней дезорганизации. Некоторые из хлебопашцев, освободившись от вотчинных должностных лиц, переходили к системе выборов сельской администрации на краткий срок, при чем, не чувствуя доверия к авторитету своих выборных, начинали сменять их произвольно до срока, что сопровождалось крупными столкновениями и несогласиями в крестьянской среде. Характерно, что иногда сами свободные хлебопашцы приходили к заключению о ненормальности такого положения вещей и пытались создать прочную власть в деревне.

Так, например, в 1829 г. многочисленное общество свободных хлебопашцев, получившее в 1822 г. увольнение от помещика Наумова, обратилось к губернскому предводителю дворянства Левашеву с такого рода прошением: «Состоя за бывшими господами нашими помещиками Наумывыми, вотчина наша управлялась по воле господ безсменными бурмистрами, но с выпуском нас в свободные хлебопашцы сие управление, заключавшее наше благоденствие, изменили мы сами по неблагоприятию нашему, и на мирской сходке положили избирать вотчинных бурмистров ежегодно, предполагая, что порядок таковой будет для нас полезнее. Ныне же управляясь таким образом ежегодно сменяемыми бурмистрами, а иногда сменяли мы их произвольно и ранее даже года, мы в полной мере испытали, что управление сие постепенно удаляет нас от порядка, выводит нас из подчинения и даже разрушает наше общее благосостояние; а потому и положили мы все с общего согласия избрать себе бурмистра на трехлетие и просим начальство утвердить оно, с тем чтобы мы не имели уже впредь права сами собою переменить его, а вместе с тем обязуемся в полной мере повиноваться ему во всех его распоряжениях и взысканиях, каковые мы заслужим».

Этот документ был переслан министру внутренних дел, при отношении губернского предводителя дворянства, Левашева, в котором высказывался очень пессимистический взгляд на состояние свободных хлебопашцев в Вологодской губернии и подчеркивалась надобность в установлении над ними хозяйственного надзора. По мнению Левашева, в случае, если не будут выработаны «постоянные правила, по которым можно было бы входить в хозяйственные их распоряжения, то они должны будут приходить более и более к совершенному разорению, ибо многие, полагая право волюности в самоуправстве, оставляют от нерадения свои участки, и со временем... продадут оные и тогда от таковых семейств неминуемо не только тяготиться должна вотчина, но и само правительство».

Если даже признать, что краски в сообщении Левашева сгущены, благодаря помещичьему пристрастию к опеке, то значительная доля истины все же в нем содержится. Но министр внутренних дел Закревский отнесся неодобрительно к предложению изменить порядок управления свободными хлебопашцами, считая, что «всякое стороннее влияние на внутренние их хозяйственные распоряжения, очевидно должно стеснять дарованные им права» ²⁾.

Развертка повинностей, сбор денег, уплата долгов, поставка рекрутов—все эти острые вопросы крестьянской жизни доставляли обильную пищу для смуты, в которую вовлекалась вся деревня, разбивавшаяся на враждебные партии, сменявшиеся у власти. Принцип уравнительной раскладки повинностей при этом нарушался, конечно, неоднократно. Обнаруженный по сию пору архивный материал не заключает в себе, к сожалению, достаточных данных для вскрытия тех общественных противоречий, которые чувствуются за этими затыжными деревенскими раздорами.

¹⁾ О заинтересованности русского помещика в надзоре за жизнью крепостной деревни свидетельствует то внимание, какое этому вопросу посвящают статьи по сельскому хозяйству в нашей журналистике первой половины 19-го века.

²⁾ Архив министерства внутренних дел, департамент общих дел 1829 г., дело № 398.

Но по скольку этот материал освещает, так сказать, казенную сторону дела, т. е. ту, которую быт свободных хлебопашцев непосредственно соприкасался с органами власти, явствует, насколько неопределенность административного положения свободных хлебопашцев затрудняла подчас возвращение раз замутившейся деревенской жизни в нормальное русло.

Весьма показательным примером в этом отношении являются неурядицы, в продолжение семи лет под ряд царившие в деревнях Титовой и Мисковой Московской губернии. Крестьяне этих деревень при самом увольнении в 1823 г. раскололись на две враждебные партии из-за несогласий в разверстке взносов по сделанному ими, при выкупе на свободу, долгу опекунскому совету. Несогласия приняли сразу же очень острую форму. Спустя едва месяц по получении свободы, одна из партий, получив перевес на мирском сходе, добивается от него обвинения крестьянского поверенного Федорова, которого поддерживает другая партия. Сход признает Федорова виновным «в самовольной отдаче нескольких человек в рекруты, во взыскании по собственному произволу штрафов по 250 и 500 р., в присвоении мирской усадьбы, в вырубке леса, в назначении в бурмистры крестьянина, участвовавшего с ним в самовольных поступках и в невозвращении обществу 1072 р.». Вследствие этих обвинений Федоров арестовывается богородским земским судом. Тогда дружественная ему партия направляет к министру внутренних дел одно за другим два прошения, где все возведенные на Федорова обвинения объявляются вздорными, и он изображается жертвой «самовольства» своих деревенских врагов и потакающего им местного начальства. По постановлению комитета министров Федоров был выпущен на поруки просителей ¹⁾. Однако, это не утишило волнения. Чтобы установить порядок в деревнях, московский генерал - губернатор командировал в 1825 г. туда свое чиновника, который предложил крестьянам, выбрав по три поверенных от каждой из сторон, составить на будущее время точное и постоянное расписание раскладки, но предложение его не имело никакого успеха у большинства крестьян. На основании донесения этого чиновника, генерал - губернатор пришел к заключению в необходимости учреждения над свободными хлебопашцами «временного надзора и управления из особого чиновника..., которого обязанность будет руководствовать крестьянами при составлении общих раскладок... равномерно присутствовать при выборе крестьянами вотчинных начальников их и удалять все могущие быть при сем раздоры между ими».

Министр внутренних дел и комитет министров отнеслись отрицательно к предложению учредить чиновничью опеку над свободными хлебопашцами взамен опеки крепостной. Единственной мерой целесообразной, отвечающей закону, было признано предписание хлебопашцам немедленно составить постоянное расписание раскладки под угрозой репрессий для несогласных ²⁾.

Тщетность чисто-репрессивного воздействия, как средства упрядочения крестьянской жизни, обнаружилась из того обстоятельства, что ровно через шесть лет спустя в министерство внутренних дел поступило снова прошение одной из партий тех же деревень Титовой и Мисковой, наполненное обвинениями против выборного сельского управления, среди которых видное место занимают жалобы на нарушение рекрутской очереди, заведенной «блаженной памяти его превосходительством Степаном Абрамовичем Лопухиным, «которая и до днесь самая истинная и никому не отяготительная»; «ныне, замечают просители, неизвестно по какому праву отдают в рекруты безо всякой очереди, очередные же находятся свободными, чрез что некоторые лишаются своих промыслов и казенной подати делается остановка» ³⁾.

Вот еще один случай, который ярко отражает неустойчивость порядка управления свободных хлебопашцев в том виде, как он определен указом 1803 г.

В 1827 г. среди свободных хлебопашцев села Елани Саратовской губернии обнаружилось недовольство против головы Волкова и его предшественника по должности, по поводу сбора ими денег для взноса долга в Заемный банк. Для предотвращения столкновения между крестьянами казенная палата взяла на себя проверку книг волостного управления. Однако, министр внутренних дел разъяснил, что хозяйственные дела свободных хлебопашцев не подлежат ведению казенной палаты, в виду чего волостные книги были отосланы в губернское правление. Благодаря этой путанице инстанций был упущен момент для предотвращения беспорядков в деревне. Когда в слободу Елань прибыл для расследования дела земский суд, толпа крестьян, находясь в состоянии крайнего возбуждения, отказавшись слушать увещаний начальствующих лиц,

¹⁾ Журнал комитета министров 14 февраля 1825 г. № 25.

²⁾ Журнал комитета министров 14 декабря 1826 г. № 2209.

³⁾ Архив министерства внутренних дел, департамент общих дел, 1832 г. дело № 441.

требовала, «объявляясь самым неприличным образом насчет головы Волкова», его немедленной смены; «когда же объявлено было им, что смена не зависит от земского суда, то они, оставив квартиру его, с тем же шумом, с каким пришли, отправились в волостное правление, сказав при том, что они властны сменить голову также как и выбирали». Когда земский суд попытался арестовать вожаков, то встретил стойкое сопротивление со стороны остальных крестьян, которые, отказавшись от всяких переговоров с земским судом, собственной властью сменили деревенского голову. В конце концов, удалось внести успокоение в деревню без применения военной экзекуции. Саратовский губернатор Голицын, донося о случившемся министру внутренних дел, поставил на вид, «что если бы существовали определительные правила о вольных хлебопашцах, то происшедших в помянутой Елани беспорядков никак не могло бы быть», и потому просил министра разъяснить, «в чем именно заведывании должны состоять вольные хлебопашцы»¹⁾.

Само собой понятно, что дезорганизация в сельском быту свободных хлебопашцев должна была печально сказываться и на их хозяйственной жизни. В 1847 г. леса того же села Елани были отданы под надзор казенного лесного управления, так как свободные хлебопашцы истребляли, по сообщению местной палаты государственных имуществ, лесную дачу по своему произволу до того, что они и потомки их могли остаться вовсе без леса²⁾.

Все описанные случаи разложения общественного уклада свободных хлебопашцев указывали на потребность в изменении административного порядка, установленного для нового крестьянского сословия указом 1803 г. Однако, правительство долгое время не решалось произвести реформу управления свободных хлебопашцев.

Впервые стал на очередь этот вопрос в 1830 и 1831 г.г. в министерстве внутренних дел. По поручению министра Закревского, чиновником особых поручений кн. Салтыковым был разработан «проект устава об управлении свободных хлебопашцев». Проект этот был составлен на основании узаконений о казенных и удельных крестьянах и положений о крестьянах остзейских губерний. Он регламентировал всесторонне быт свободных хлебопашцев, определяя их имущественные права, административно-хозяйственный порядок, судебное и полицейское устройство. Закревский отнесся одобрительно к работе своего подчиненного, но, тем не менее, проекту не суждено было выйти из недр министерской канцелярии³⁾. Только в 1838 году «проектом учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях» административно-хозяйственный строй свободных хлебопашцев был окончательно урегулирован законом. Актом этим, изданным благодаря министру государственных имуществ Киселеву, быт свободных хлебопашцев подвергся государственному надзору и опеке.

Общее заведывание свободными хлебопашцами на ряду с другим свободным крестьянским населением поручалось в каждой губернии палате государственных имуществ. Специально хозяйственный контроль над хлебопашцами осуществлял хозяйственный отдел, на обязанности которого лежало содержание инвентарных книг земель и угодий свободных хлебопашцев, а также ведение бухгалтерских книг для регистрации их денежных капиталов. Кроме того, ей же вверялся надзор за исправлением хлебопашцами налогов и повинностей и за выполнением принятых ими по условиям обязанностей к помещику. Последнего рода надзор в округе осуществлялся окружным начальником. В более мелких территориальных единицах—волости и селе—свободные хлебопашцы совместно с государственными крестьянами ведались выборными волостным и сельским правлением, порядок выборов которых, срок полномочий и компетенция были определены законом⁴⁾. В 1839 г. подобный же порядок управления свободных хлебопашцев был введен в западных губерниях и белорусской области⁵⁾, а в 1841 г. распространен на Закавказье⁶⁾.

III.

В отношении отбывания податей и повинностей свободные хлебопашцы в силу указа 1803 г. оказались в положении, общем для всего свободного сельского податного населения, если не считать освобождения их от оброка. В этом отношении быт их мало изменялся при переходе

¹⁾ Архив министерства внутренних дел, департамент общих дел, 1827 г. дело № 13506.

²⁾ Журнал комитета министров 22 апреля 1847 г. № 631.

³⁾ Архив министерства внутренних дел, департамент общих дел, 1830 г., дело № 420.

⁴⁾ 2-ое полное собрание законов, № 1189.

⁵⁾ Там-же, № 13035.

⁶⁾ Там-же, № 14157.

из крепостного состояния в свободное. Они, подобно остальной массе крестьянства, терпели от несоответствия тяжести государственного и земского обложения с чрезвычайно низким уровнем их хозяйства. В экстренных случаях, во время неурожаев, правительству приходилось прибегать по отношению к ним, к тем же мерам облегчения податей и повинностей, что и по отношению к крестьянам государственным. Так, в 1840 г. по представлению Киселева последовало со стороны комитета министров освобождение потерпевших от недорода свободных хлебопашцев 15 губерний от платежа пени за невзнос податей ¹⁾.

В общем, установленный указом порядок выполнения налогов и повинностей породил в жизни свободных хлебопашцев гораздо менее новых осложнений по сравнению с положениями, определяющими их имущественное право и способ управления. Однако, и здесь дело не обошлось без некоторых затруднений, объясняющихся одной существенной особенностью быта свободных хлебопашцев, заключающейся в том, что хлебопашцы зачастую не составляли целых поселений, а, увольняясь из крепости небольшими группами, иногда в одну, две семьи, оказывались разбросанными по разным деревням по преимуществу помещичьих крестьян. Что увольнение крестьян небольшими группами было заурядным явлением, отмечено в литературе ²⁾. Насколько вследствие этого была дробность расселения свободных хлебопашцев, видно из нижеприводимой таблицы ³⁾ распределения по губерниям и уездам крестьян (мужского пола—по разным ревизским сказкам), вышедших в свободные хлебопашцы с 1804 г. по 1830 г.

Воронежская.		Костромская.	
Валуйский	5001	Чухломский	553
Старобельский	2986	Варнавинский	19
Нижнедевицкий	7	Нерехтский	8
	} 7994	Костромской	20
		Солигаличский	13
Виленская.		Курская.	
Упитский повет	7000	Дмитриевский уезд	616
Витебская.		Казанская.	
Полоцкий уезд	57	Ланшевский уезд	186
Вологодская.		Московская.	
Вологодский	587	Московский	18
Вельский	64	Клинский	118
Грязовецкий	313	Рузский	44
Кадниковский	115	Богородский	594
Сольвычегодский	24	Коломенский	487
	} 1103	Бронницкий	228
		Серпуховский	29
Владимирская.		Нижегородская.	
Владимирский	214	Макарьевский	82
Судогодский	11	Семеновский	429
Юрьевский	299	Арамасский	400
Гороховский	144	Горбатовский	291
Шуйский	29	Нижегородский	520
	} 697	Сергачский	204
		Васильский	14
Калужская.		Балахнинский	84
Мещовский	15	Ардатовский	70
Масальский	676		
Козельский	32		
Малоярославский	33		
Тарусский	5		
Боровский	739		
	} 1500		

¹⁾ Журнал комитета министра, 9 июля 1840 г. № 1355.

²⁾ Вишняков. «Крестьяне-собственники в России» (СПб. 1858 г.), приложение 2-ое.

³⁾ Архив министерства внутренних дел, департамент общих дел, 1830 г., дело № 420.

Новгородская.

Новгородский	567	} 711
Боровицкий	31	
Старорусский	83	
Крестецкий	11	
Тихвинский	19	

Олонецкая.

Вытегорский уезд	71
----------------------------	----

Оренбургская

Мензелинский	160	} 314
Уфимский	154	

Орловская.

Мценский	175	} 233
Севский	58	

Псковская.

Островский	17	} 97
Опочецкий	28	
Новоржевский	32	
Порховский	20	

Пермская.

Шадринский уезд	70
---------------------------	----

Рязанская.

Данковский	35	} 2065
Зарайский	1874	
Пронский	126	
Егорьевский	30	

С.-Петербургская.

Луговский	128	} 171
Царскосельский	43	

Симбирская.

Сызранский	266	} 381
Самарский	115	

Саратовская.

Кузнецкий	81	} 3158
Аткарский	3077	

Слободско-Украинская.

Богодуховский	61	} 529
Харьковский	468	

Тверская.

Вышневолоцкий	452	} 1926
Корчевский	220	
Осташковский	13	
Ржевский	65	
Кашинский	74	
Новоторжский	471	
Старицкий	557	
Зубцовский	74	

Тамбовская.

Борисоглебский	155	} 244
Темниковский	89	

Таврическая.

Феодосийский уезд	1452
-----------------------------	------

Тульская.

Тульский уезд	839
-------------------------	-----

Ярославская.

Мышкинский	255	} 2780
Ярославский	395	
Романово-Борисоглебский	47	
Романовский	40	
Мологский	53	
Рыбинский	24	
Ростовский	1168	
Даниловский	32	
Любимский	6	
Пошехонский	760	

Итого 38419

Благодаря раздробленности свободных хлебопашцев сильно затруднялось объединение их в самостоятельные округа для исполнения повинностей. Выходом из этого затруднения часто служило присоединение их в отношении отбывания повинностей к государственным крестьянам, но подчас этому препятствовало проживание их в помещичьих деревнях в отдалении от крестьян государственных. Указанное обстоятельство очень усложнило устройство свободными хлебопашцами запасных хлебных магазинов на случай голода. В 1836 г. была установлена законом организация в селениях свободных хлебопашцев хлебных магазинов независимо от числа хлебопашцев, «не причисляя их к ближайшим магазинам ни помещичьих, ни казенных селений»¹⁾. В следующем же году обнаружили препятствия для применения этого закона. Хлебопашцы Востромской губ. оказались слишком малочисленны и бедны, чтобы взять на себя самостоятельно содержание магазинов; то же произошло и в Черниговской губ., где 119 мужских ревизских душ свободных хлебопашцев проживали в городе и 22-х селениях от одной до пятнадцати в

¹⁾ 2-е полное собрание законов, № 8782, ст. II.

каждой. Вопрос был разрешен в смысле присоединения свободных хлебопашцев по отбыванию этой повинности к ближайшим казенным крестьянам ¹⁾.

Еще большие осложнения на той же почве возникли с отбыванием свободными хлебопашцами Могилевской и Витебской губерний рекрутской повинности. Из них не удалось образовать ни отдельных рекрутских округов, ни общих с казенными крестьянами, вследствие чего сенатским указом 1833 г. ²⁾ и постановлением комитета министров 1836 г. ³⁾ отбывание повинности натурой было заменено для них платежом рекрутских денег.

* * *

Какой же ответ можно дать на поставленный выше вопрос о том, в какой мере соответствовал указ 1803 г. общественным и хозяйственным основам крестьянского строя, и каково было его влияние на уклад деревенской жизни? Ответ напрашивается сам собою. Принцип свободы индивидуальной хозяйственной деятельности разбился об общинный порядок крестьянского хозяйства, принцип невмешательства государственной власти в административно-хозяйственную жизнь свободных хлебопашцев должен был отступить перед привычкой последних к авторитетному регулированию их общественных и хозяйственных отношений. Но прежде, чем правящие круги осознали оторванность указа 1803 г. от реальной жизни, и прежде, чем были проведены видоизменения соответствующих положений указа, в быте свободных хлебопашцев стали возникать крупные и болезненные осложнения, подтачивавшие исторически сложившиеся устои их общественного существования и деградировавшие их экономически.

К сороковым годам из всех статей указа, определяющих быт свободных хлебопашцев, в неприкосновенности сохранилась лишь та, которая говорит об обязанностях хлебопашцев в отношении податей, повинностей, статья консервативная, не вносящая никаких новых начал в жизнь крестьянина.

Вл. Бирюкович.

¹⁾ Журнал комитета министров, 9 июля 1840 г. № 1355.

²⁾ 2-е полное собрание законов, № 6009.

³⁾ Журнал комитета министров, 9 июня 1836 г. № 964.

Условия труда рабочих на петербургских заводах по данным 1901 года.

(Балтийский и другие десять заводов).

I.

Общие сведения о положении рабочих на петербургских заводах.

В виду происходивших с 31 мая по 3 июня 1901 г. рабочих беспорядков на Балтийском судостроительном и механическом заводе морского ведомства, управляющий морским министерством предложил (6 июня) правлению завода подробно обсудить и представить свои соображения относительно общего увеличения платы мастерам и рабочим и сокращения продолжительности рабочего времени до 8-ми часов в сутки.

Не находя достаточным ограничиться общими своими соображениями, правление завода сочло нужным сперва выяснить условия, в которые поставлены рабочие на других петербургских заводах.

Обследование было поручено делопроизводителю правления А. Н. Чиколеву, который в промежуток времени с 15 июня по 15 октября посетил главнейшие петербургские, преимущественно механические заводы, имевшие более или менее общий с Балтийским заводом характер производства. Обследованию были подвергнуты следующие десять заводов:

Франко-Русский (1600—2000 рабочих), Невский Судостроительный и Механический (4700 рабочих), Крейтон и К-о на Охте (700—800 рабочих), Путиловские (12.000 рабочих) Александровский Сталелитейный (1400 рабочих), Леснера (600 рабочих), С.-Петербургский Железопрокатный (850 рабочих), Проволочный и Гвоздильный (1250 рабочих), С.-Петербургский Вагонный (2200 рабочих), С.-Петербургский Металлический (1550 рабочих).

Всего, таким образом, число рабочих на осмотренных заводах, включая и Балтийский (4557 рабочих), достигало цифры около 32000 чел.

Чтобы предотвратить уклончивость при ответах администрации частных заводов, А. Чиколев предусмотрительно устранил в своей анкете вопросы, касавшиеся коммерческой стороны дела, и ограничился вопросами, относившимися лишь до внутреннего их распорядка и рабочих. Неожиданным образом ответы, данные заводами и не возбуждающие сомнений в своей достоверности, восторженно охватывают поставленные анкетой вопросы.

Ответы на первые восемь вопросов находятся на следующей странице.

Сообщенные заводами сведения и данные.

№ по пор.	Вопросы, поставленные заводам.	Сообщенные заводами сведения и данные.										
		Франко-Русский.	Новский Судостр. и Механич.	Крейтон и К ^о на Охте.	Путилов-ские.	Александр. Сталелит.	Леснер.	Железо-прокатн.	Проволочн. и Гвоздиль-ный.	С.-Петерб. Вагонный.	С.-Петерб. Металлич.	Балтийск.
1	Число рабочих	2000	4707	700—800	11944	1428	597	860	1242	2208	1546	4557
2	Наименьшая подневная ра- бочая плата (в рублях):											
	а) ученикам	0,30	0,30	в час:	0,05	0,30	0,30	—	0,60	0,30	0,40	0,40
	б) чернорабочим	0,70	0,60	0,08	0,80	0,70	0,75	0,80	0,70	0,70	0,70	0,65
	в) мастеровым	0,70	0,80	0,09	0,80	0,90	1,10	1,10	1,15	0,75	0,77	0,70
3	Средняя подневная плата мастеровым (в рублях) .	1,25	1,07	0,15	1,85	1,61	1,60	1,84	1,45	1,00	1,29	1,28
4	Наивысшая подневная плата мастеровым (в рублях) .	3,20	3, 0	0,23	8,02	3,00	2,35	4,50	3,50	2,50	2,40	3,00
5	Процентное отношение к об- щему числу:											
	а) учеников	7,60%	9,35%	4,03%	4%	5,3%	8%	—	4%	4%	10,7%	5%
	б) получающих наимень- шую плату	19,30%	1,81%	7,14%	—	9,8%	39%	41,28%	11%	12%	10,40%	29%
	получ. менее 1 р.	48,34%	51,5%	36,00%	74,84%	—	20%	45%	24,2%	48%	55,44%	37,4%
	в) „ наивысшую плату	0,82%	0,68%	0,36%	—	3,2%	10%	15,9%	18%	0,2%	1,3%	3,4%
	Более 2 руб.	13,75%	1,60%	8,00%	1,12%	—	13,5%	47,9%	11,4%	1,7%	4%	3,4%
6	Какое число (в % отношении) рабочих находится на за- дельной плате	19%	90,36%	10%	87,60%	84,6%	60%	11,4%	57%	84%	81,63%	56%
7	Как велик % задельной платы относительно по- дневной	55%	217,16%	50%	320,2%	162%	50%—150%	155%	236%	72%	159%	29%
8	Распределение рабочего дня:											
	а) в обыкновенные дни часы	7—12 1 ¹ / ₂ —6 ¹ / ₂	7—12 1 ¹ / ₂ —6 ¹ / ₂	6 ¹ / ₂ —12 1 ¹ / ₂ —7	6 ¹ / ₂ —12 1 ¹ / ₂ —6	6—12 1 ¹ / ₂ —6	7—12 1 ¹ / ₂ —7	6—8 8 ¹ / ₂ —12 1 ¹ / ₂ —7	6—12 1 ¹ / ₂ —7	7—12 1 ¹ / ₂ —7	6 ³ / ₄ —12 1 ³ / ₄ —7	6 ¹ / ₂ —12 1 ¹ / ₂ —6
	б) продолжительность	10 ч. 7—2	10 ч. 7—2	11 ч. 6 ¹ / ₂ —2	10 ч. 6 ¹ / ₂ —2	10 ¹ / ₂ ч. 6—2	10 ¹ / ₂ ч. 7—2 ¹ / ₂	11 ч. 6—8 8 ¹ / ₂ —12 1 ¹ / ₂ —6	11 ¹ / ₂ ч. 6—12 1 ¹ / ₂ —5 ¹ / ₂	10 ¹ / ₂ ч. 7—3	10 ¹ / ₂ ч. 6 ³ / ₄ —2 ¹ / ₄	10 ч. 6 ¹ / ₂ —2
	продолжительность	7 ч.	7 ч.	7 ¹ / ₂ ч.	7 ¹ / ₂ ч.	8 ч.	7 ¹ / ₂ ч.	10 ч.	10 ч.	8 ч.	7 ¹ / ₂ ч.	7 ¹ / ₂ ч.

9. Порядок выдачи жалованья:

Франко-Русский	В 2 недели раз по субботам.
Невский Судостроительный и Механический	2 раза в месяц по расписанию.
Крейтон и К-о на Охте	4 раза в месяц.
Путиловские	2 раза в месяц.
Александровский Сталелитейный	2 раза в месяц по табели, составленной на год вперед.
Лесснер	Через каждые 2 недели по вторникам.
Железопрокатный	2 раза в месяц.
Проволочный и Гвоздильный	2 раза в месяц по субботам после 26 и 11 числа.
С.-Петербургский Вагонный	2 раза в месяц по субботам после 7 и 21 числа.
С.-Петербургский Металлический	2 раза в месяц по субботам после 7 и 21 числа.
Балтийский Судостроительный и Механический	Через 2 недели по субботам.

10. Производится ли обыск мастеровых и рабочих при выходе из завода, а если нет, то каким способом предупреждается возможность тайного выноса заводского имущества?

Франко-Русский — производится.

Невский Судостроительный и Механический — не производится, но в воротах каждой мастерской имеются сторожа для наблюдения за рабочими и в выездных воротах рабочие проходят через ряд сторожей, где производится беглый осмотр их.

Крейтон и К-о — на Охте производится.

Путиловские — не производится, но в отдельных случаях может быть произведен по подозрению, доносу или сомнительному наружному виду. В случаях замеченных пропаж в мастерских, иногда устанавливается негласный надзор.

Александровский Сталелитейный — обыск производится.

Лесснер — производится.

Железопрокатный — производится.

Проволочный и Гвоздильный — производится.

С.-Петербургский Вагонный — производится, исключаются мастеровые, зарекомендовавшие себя в течение продолжительной службы с хорошей стороны.

С.-Петербургский Металлический — производится.

Балтийский — производится.

Из вышеприведенных ответов вытекает нижеследующее:

- 1) Наименьшая поденная плата ученикам в большинстве составляла 30 копеек.
- 2) Наименьшая плата чернорабочим составляла от 60 коп. до 80 коп.
- 3) Наименьшая поденная плата мастеровым колебалась от 75 до 90 копеек и лишь на 3 заводах (Лесснера, Железопрокатном и Проволочно-Гвоздильном) достигала 1 р. 10 к. — 1 р. 15 коп.
- 4) Средней поденной платой мастеровым надо считать от 1 р. 06 к. до 1 р. 61 к., в общем средняя — 1 р. 37 к., так как показанная Железопрокатным заводом цифра 1 р. 84 к. явно преувеличена, а цифра Путиловских заводов 1 р. 85 к. показана на задельных работах.
- 5) Наивысшая поденная плата мастеровым от 2 р. 35 к. до 3 р. 50 к., в общем средняя — 2 р. 81 к. (данные Железопрокатного и Путиловских заводов по вышеуказанным же причинам не могут быть приняты в соображение). При этом за единицу цеховой платы на всех заводах принят рабочий день, за исключением завода Крейтона и К-о на Охте, где установлена часовая плата рабочим, более справедливая и удобная для учета работ; в сравнительных выездах для однообразия часовая плата рабочим приведена к поденной в зависимости от продолжительности рабочего дня.
- 6) Процентное отношение учеников к общему числу рабочих составляет от 4% до 10%.
- 7) Процентное отношение мастеровых, получающих наименьшую плату, представляет большие колебания (а именно — от 1,81% до 41,28%), равно как и процентное отношение

мастеровых, получающих наивысшую плату, колеблется по отдельным заводам весьма значительно; разница в показаниях по этим двум пунктам объясняется, повидимому, неясностью поставленных анкетой вопросов и вероятно явилась результатом некоторого произвола и разнообразия в определении самых понятий о наименьшей и наивысшей платах; более наглядная картина получается, если мы обратимся к ответам заводов на дополнительно поставленные им более определенные вопросы: а) как велик % мастеровых и чернорабочих (не считая учеников) получающих цеховую поденную плату ниже 1 рубля, и б) как велик % мастеровых (не считая учеников и чернорабочих), получающих от 2 рублей и более.

Не принимая в расчет крайних цифр, как представляющих случайные отклонения, можно сделать вывод, что получающих поденную плату менее 1 р. оказывается от 20% до 74,84% в среднем—44,8%, а получающих свыше 2 рублей—от 1,12% до 47,9%, в среднем—11,44%.

8) Число рабочих, работающих на задельной плате, в процентном отношении к общему числу рабочих, колеблется по заводам весьма значительно, именно от 10% до 90,86%, что может быть объяснено различными условиями и характером производства; средний процент равен 58,6%.

9) Величина задельной платы относительно поденной представляет также большие колебания по заводам, а именно от 50% до 236%, и стоит в обратно пропорциональном отношении к поденной плате, т. е. чем ниже поденная цеховая плата, тем выше % задельной платы, и наоборот, чем, в конце концов, и уравниваются более или менее цены изделиям на различных заводах. Установление высоких задельных плат при низкой цеховой поденной плате имело за собой, по объяснению заводчиков, коммерческие основания, так как, с одной стороны,—относительно высокий размер заработка при задельных работах заставлял мастеровых дорожить условной платой, воодушевляя их при работе в предвидении хорошего заработка, с другой стороны, в случае неимения достаточных заказов, но не желая делать чувствительных временных сокращений числа мастеровых, заводы переводили мастеровых на цеховую плату и таким образом случайные сокращения в работах не так тяжело отзывались на коммерческой стороне завода. Средний % задельной платы относительно поденной составлял на заводах обследованной группы 142%.

10) Распределение рабочего дня как в обыкновенные, так и в субботние дни, не одинаково по заводам.

В обыкновенные дни работали: на 3 заводах по 10 часов, на 4—по 10½ ч., на 2—по 11 ч. и на 1—11½ часов.

В субботние дни работали: на 2 заводах по 7 часов, на 4—по 7½ ч., на 2—по 8 ч. и на 2—по 10 часов.

Общее число рабочих часов в течение недели составляло: на 2 заводах—57 часов; на 2—57½ ч.; на 2—60 ч.; на 2—60½ ч.; на 1—даже 67½ часов (Проволочный и Гвоздильный).

11) Выдача жалования производилась на всех заводах или в 2 недели раз, или два раза в месяц, и лишь на заводе Крейтона 4 раза в месяц, причем на большинстве заводов первый платеж производился по цеховой плате, а второй в окончательный расчет—по задельным работам. Платежный день почти на всех заводах предпочитается субботний, но были заводы на которых расчет производился по вторникам—с целью избежать обычного пьянства или похмелья мастеровых в понедельник, и заводоуправления были довольны последствиями этого порядка.

С другой же стороны, оказывалось, что некоторые заводы, введя этот порядок (хотя по другим соображениям, а именно по просьбе полиции, чтобы в данном районе не производилась выдача жалования одновременно многими заводами по субботам), впоследствии отказались от этого нововведения, так как, кроме обычного понедельника, являлся еще новый «пьяный день»—следующий за днем выдачи жалования.

12) Почти на всех заводах производился поголовный обыск рабочих при выходе их из завода, за исключением 3 заводов (С.-Петербургского Вагонного, Путиловского и Невского Судостроительного и Механического), на которых допускались некоторые отступления.

Сравнение условий производства работ на Балтийском заводе с другими заводами. При сравнении вышеизложенных данных по 10 заводам с Балтийским заводом оказывается, что наименьшая плата ученикам на последнем не выходила из предельных цифр

других заводов, но наименьшая плата чернорабочим (в 65 к.) и особенно мастеровым (в 75 к.) определенно была ниже всех или почти всех других перечисленных заводов.

Средняя плата мастеровым 1 р. 28 к. ниже общей средней платы других заводов, составлявшей 1 р. 37 к., почти на 10%. Ниже ее средняя плата только на 3 заводах (1 р. 25 к. 1 р. 07 к. и 1 р. 06 к.).

Наивысшая плата мастеровым 3 р., выше средней общей платы других заводов, составлявшей 2 р. 81 к., почти на 8%.

Процент учеников, имевшихся на всех заводах, кроме одного, не выходил на Балтийском заводе из пределов их числа на других заводах.

Получающих поденную плату до 1 р. на Балтийском заводе 37,4% общего числа мастеровых и чернорабочих; для других заводов этот средний % составлял—44,8%, т. е. более на 7,4%.

Получающих поденную плату свыше 2 р. на Балтийском заводе—3,4%, а на других заводах этот средний % равнялся 11,44%.

Эти две последние сравнительные данные указывают, что на Балтийском заводе около 60% мастеровых состояло на плате от 1 р. до 2 р., а для других заводов этот средний % составлял около 45%.

Процентное отношение числа рабочих на задельной плате на Балтийском заводе (56%), близко подходит к среднему выводу для других заводов (58,6%), но задельная плата на Балтийском заводе, превышающая цеховую лишь на 29%, значительно менее среднего % для других заводов, равного 142%; что при сравнительно (почти на 10%) более низкой средней цеховой плате указывает, что или условные работы на Балтийском заводе расценивались чрезвычайно низко, или же на подобных работах состояло большинство рабочих, получавших более высокую цеховую плату, а малоплатные мастеровые и рабочие состояли на цеховой плате.

Очевидно в этом именно обстоятельстве, помимо различных привходящих, и надо искать экономическую и психологическую первопричину возникновения и развития беспорядков на Балтийском заводе.

Продолжительность обыкновенного рабочего дня в 10 часов на Балтийском заводе равнялась наименьшей других заводов, и лишь в субботные дни она была на $\frac{1}{2}$ часа (именно $7\frac{1}{2}$ часов) продолжительнее, чем на двух других заводах, на которых работа в эти дни продолжалась только 7 часов.

Порядок выдачи на Балтийском заводе жалованья—через 2 недели по субботам—и производства обыска при выходе из завода в общем вполне соответствовал установившимся на других заводах порядкам.

II.

Два исследования о положении труда на Балтийском заводе.

Печатаемые ниже две записки явились в результате исследования, предпринятого в 1901 г. правлением завода.

Автор первой из записок, упомянутый в первой главе настоящего очерка делопроизводитель правления *А. Н. Чиколев*, считался в окружающей бюрократической среде, судя по сохранившейся переписке, большим знатоком рабочего вопроса на механических заводах Петербургского района. Когда Комитет Общества для содействия Русской Промышленности и Торговли, «придавая особенно важное значение улучшению положения трудящегося населения, образовал Комиссию для всестороннего исследования вопроса о страховании рабочих» и просил назначить в эту Комиссию представителя от Балтийского завода, то выбор пал на *А. Н. Чиколева*, который в течение почти трех лет принимал деятельное участие в ее работах. Эта Комиссия выработала и представила в министерство финансов проект положения о страховании от болезней (Больничные Кассы) и заканчивала в то время проект Положения государственного страхования от несчастных случаев. Близость *А. Чиколева* к Обществу фабрикантов наложила определенный отпечаток на его выводы и обобщения. Тем любопытнее заглянуть в

один из уголков тогдашней лаборатории официального «изготовления рабочего вопроса». Приводим конец записки А. Чиколева (гл. III и гл. IV).

Вторая записка составлена начальником Балтийского завода, генерал-майором Ратником; она представляется более независимой и весьма ценной по содержащимся в ней данным ¹⁾.

Подстрочные примечания принадлежат нам.

А. Л. Блек.

Извлечение из докладной записки «По рабочему вопросу» ²⁾.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Общие выводы.

Изучение условий производства работ на различных заводах и сравнение таковых на Балтийском заводе, в связи с происходившими в течение летних месяцев (1901 года) на некоторых заводах беспорядками рабочих и предъявленными последними многообразными требованиями, имело целью выяснить, насколько существующие на заводах порядки непригодны, и насколько требования рабочих основательны.

Вне всякого сомнения, что имевшие место беспорядки рабочих возбуждались извне на социалистической подкладке, совершенно непонятной общей массе рабочего люда; подвинуть эту инертную массу на какие-либо беспорядки можно было только указанием на некоторые частные беспорядки и условия работ данного завода, вполне доступные пониманию рабочих, и изменение которых для рабочих этого завода особенно желательно ³⁾.

К подобным, совершенно частным для каждого завода требованиям уже пристегиваются руководителями беспорядков обязательно и общие требования, как, например, 8-ми часовой рабочий день, поголовная прибавка жалованья с установлением минимальной поденной платы, уничтожение сверхурочных работ и т. п. Некоторое сокращение числа рабочих часов на зарубежных заводах теоретически и практически показало, что в известных пределах, при меньшем числе часов, рабочий работает интенсивнее, и продуктивность его работы не только не уменьшается, но даже немного увеличивается; завод же имеет при этом выгоду в побочных расходах производства. Оставшийся излишний досуг рабочий может или утилизировать в свою пользу, работая на дому, или же отдохнуть, чтобы с более свежими силами приняться на другой день за свою обычную заводскую работу.

При наших же условиях быта рабочих в столице, когда рабочий помещается с семьей по большей части в темном и тесном углу, ему не представляется возможным ни отдохнуть, ни притянуться как-нибудь для работы. Эти условия, под гнетом подавляющей нужды семьи, скорее заставят рабочего покинуть дом и идти в трактир—единственное место, где он может отвести душу ⁴⁾. На другой день он является на работу с туманной головой и с пониженной еще продуктивностью труда.

¹⁾ Архивное дело Балтийского завода за 1901 г. № 395—1.

²⁾ Представлено 31 октября 1901 г. председателю правления Балтийского судостроительного и механического завода. Курсив в настоящей записке везде принадлежит нам.

³⁾ Отметивши социалистическое происхождение беспорядков, автор делает это только по догадкам, так как в деле непосредственных доказательств этого не имеется, кроме общности некоторых выставленных рабочими требований.

⁴⁾ Это напоминает ссылки наших фабрикантов на интересы рабочих и в других случаях, для оправдания вполне очевидных собственных выгод. Так, например, в своих возражениях против ограничения ночной работы малолетних, фабриканты между прочим тоже указывали на то, что «лишась заработков на фабриках, дети будут пребывать во вредной для их возраста праздности и разстроят свое здоровье, находясь, вместо светлого и здорового помещения фабрики, в душной атмосфере избы» (М. Туган-Барановский: «Русская Фабрика в ее прошлом и настоящем», т. I, ч. II, гл. II, стр. 388, изд. 3-е 1907 г.).

Сокращение числа рабочих часов, конечно, желательно, но оно должно идти с большою постепенностью, десятками лет, параллельно с воспитанием рабочей массы и предоставлением рабочим возможности правильно утилизировать излишние свободные часы для отдыха и частных своих потребностей, не в ущерб его заводской продуктивности.

Поголовная прибавка жалования и установление минимальной почасовой платы не имеет за собою никакого смысла ¹⁾ и искусственно не могут быть установлены.

Размер почасовой платы устанавливается, во-первых, общими условиями спроса и предложения, во-вторых—в каждом частном случае—искусством мастерского и продолжительностью его службы в одном заводе; никакой нормы установить нельзя и заявление в требованиях рабочих Балтийского завода минимальной почасовой платы для чернорабочих и мастеровых в 1 рубль совершенно произвольно ²⁾. Нет никаких оснований платить на Балтийском заводе чернорабочим 1 руб., когда по соседству кругом и у ворот завода не будет отбоя от предлагающих работать по 60 коп.

Что же касается мастеровых, получающих менее 1 руб., то это те же чернорабочие, приученные к специальному делу и входящие вместе с мастеровыми в задельную условную работу, на которой и зарабатывают не менее 1 руб. в день. Средняя же плата мастеровым на всех заводах превышает 1 руб. и составляет, включая и Балтийский завод, около 1 р. 35 к.

Грозившая возникновением в настоящее время, с 1 ноября, во Франции грандиозная обща стачка углекопов, отложенная до февраля будущего 1902 года, является результатом социалистических же руководителей под кличкой: «Комитета национального союза углекопов» и французскому министерству были заявлены Комитетом следующие требования:

- 1) установление законодательным путем 8-мичасового рабочего дня;
- 2) установление минимальной заработной платы; и
- 3) производство пенсий в 2 франка в день рабочим, проработавшим 25 лет.

Министр-президент письмом к секретарю союза, отклоняя категорически возможность установления законодательным путем неизменного минимума заработной платы и указывая, что это должно быть устанавливаемо в каждом данном случае соглашением между сторонами, признавал необходимость изучения условий, при которых могли бы быть удовлетворены, в той или другой мере, остальные домогательства углекопов, оговариваясь, что нельзя выполнить это в какой-либо определенный срок, и почему он не желает давать обещаний, которые не могут быть исполнены.

Палата депутатов, в заседании своем 9 октября, высказываясь за неотложность предложений, отвергла, однако, требование о немедленном обсуждении ³⁾.

Главнейшей почвой, на которой возникли беспорядки на Балтийском заводе, следует считать отмену, в виду общего сокращения работ, всяких сверхшабашных работ, дававших рабочим значительный дополнительный заработок.

Привыкшие за это время жить на большие средства, с сокращением заработка за отменой сверхшабашных работ, рабочие, понятно, оказались в затруднительных денежных обстоятельствах. Между тем, в коллективном своем прошении, рабочие Балтийского завода заявляют, между прочим, о том, чтобы на заводе не производилось, за исключением лишь крайних случаев, сверхшабашных работ. Подобное заявление рабочих, кажущееся совершенно противоречащим их же интересам, объясняется тем, что заявление это социалистического характера и продиктовано руководителями беспорядков ⁴⁾, имеющих целью доставить заработок людям, не пристроившимся к заводам и ожидающим работы, а требование общего увеличения почасовой платы имело целью вознаграждение рабочих за отмену сверхшабашных работ.

К разряду общих же требований рабочих относится и заявление их об отмене обысков при выходе рабочих из завода.

¹⁾ Это утверждение удачно опровергается соображениями, изложенными в п. 3 докладной записки К. Ратника, приводимой ниже сего.

²⁾ Регулятором и нормою являлся бы прожиточный минимум, при определении которого требование почасовой платы в размере не менее 1 руб. отнюдь не являлось «совершенно произвольным».

³⁾ Приводимый автором эпизод из истории борьбы французского Союза углекопов за освобождение труда ничего не доказывает, ибо стоит особняком, и не указана его связь с дальнейшим развитием движения.

⁴⁾ См. примечание выше.

Все заводы сами относятся к этой мере с большим предубеждением и охотно отказались бы, если бы к этому представилась возможность и были бы найдены другие способы к ограждению заводского имущества от расхищения. Нельзя не признать, с одной стороны, унижительным для самолюбия людей обшаривание их с головы до ног заводскими сторожами, имеющее применение на Балтийском заводе и к выходящим из ворот завода совместно с мастеровыми матросам, а, с другой стороны, меру эту не достигающей цели, так как обыск за массой людей производится формальный, поверхностный, и попасться может лишь самый неопытный вор.

Установление круговой поруки по мастерским при постоянно меняющемся их составе нельзя признать мерой справедливой.

Поэтому, может-быть, правильнее было бы хорошим содержанием привлекать на заводскую службу в сторожа особенно надежных и сметливых людей, прощательный взгляд которых при пропуске рабочих заставлял бы смущаться и трепетать воров и тем невольно выдавать себя ¹⁾.

Два из запрошенных заводов не применяют у себя обыска, но выслеживают воров благодаря системе доносов или же сметливости сторожей, хотя сознаются, что найти подобных сторожей очень трудно, а если сторожа и оказываются ловкими, то ловкость свою направляют в свою пользу, являясь сообщниками воров, и под их покровительством воровство развивается в усиленной степени.

Многие частные заводы, состоящие под обязательным наблюдением фабричных инспекторов, жалуются, что инспектора, не устранив недоразумений и дискредитируя значение заводоуправления, портят взаимные его отношения к мастеровым, а в некоторых случаях даже способствуют возникновению беспорядков, не всегда удачно принимая на себя обычную им роль заступников за рабочих ²⁾. Так, напр. рабочие одного завода летом этого года (1901 г.) обратились к начальству завода с требованием, чтобы не было на заводе работ в следующий день по случаю праздника (9 мая), не значащегося в росписании праздничных дней и обычно на заводе не праздновавшегося. Заводоуправление отказало рабочим в их просьбе, но, тем не менее, на другой день рабочие самовольно не вышли на работу, за что, согласно заводским правилам, и подлежали штрафу. Но фабричный инспектор не разрешил штрафовать рабочих в виду того, что не вышли на работу не некоторые рабочие, а все поголовно, т.-е. другими словами, вопреки закона и в поощрение своеволия оправдывал действия рабочих скопом ³⁾.

На другом заводе, бывшие весной беспорядки грозили возобновиться летом, рабочие волновались, слышались заявления самого крайнего характера, но вследствие принятых полицией энергичных приемов на других волновавшихся заводах и явно принятых предупредительных полицейских мер на указанном заводе рабочие притихли, и от всех их предыдущих уже не предъявляемых заявлений остались следующие скромные требования, на которые заводская администрация и согласилась безусловно, а именно:

1. Празднование дней—9 мая, память Св. Николая Чудотворца, и 1 октября — Покрова Пресвятой Богородицы и

2. предоставление рабочим после 3-го свистка 5-ти льготных минут для входа в завод без штрафа.

На заводе до этого существовал такой порядок, что рабочие оповещались утром 3-ми свистками с промежутком между ними в $\frac{1}{2}$ часа и после третьего свистка ворота тотчас запирались. Опоздывание многих рабочих пролегло от того, что они, не имея при себе часов,

¹⁾ Выразительную отповедь системе обысков во всех ее видах дает К. Ратник в п. 4 своей записки. В частности, идилический проект А. Чиколева, найти надежных сторожей, „взгляд которых заставлял бы смущаться и трепетать воров“, напоминает анекдотическое вручение Николаем I шефу жандармов, вместо инструкции, носового платка „для утирания слез“ униженным и оскорбленным и всю последующую практику их деятельности. Сам автор в своей записке приводит совершенно трезвое показание двух заводов, что подобные „ловкие сторожа ловкость, свою направляют в свою пользу“.

²⁾ Отголосок систематической борьбы капиталистов-фабрикантов против фабричной инспекции, подробно изложенной, напр., у М. Туган-Барановского, „Русская фабрика“ (цитир. соч.) у С. Н. Прокоповича. „К рабочему вопросу в России“. СПб. 1905 г. и др. авторов.

³⁾ Не хватает точных указаний, без которых упреки и обвинения остаются голословными и сопровождавшие обстоятельства не поддаются никакой проверке.

плохо рассчитывали время прихода, так как промежуток между 2-м и 3-м свистками в $\frac{1}{2}$ часа значителен. С введением льготных 5 минут опаздывание рабочих, за весьма редкими исключениями, прекратилось, и незначительная льгота прекратила большие неудовольствия рабочих. На Балтийском заводе всегда существовал 10-минутный льготный срок для пропуска рабочих после 3-го свистка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Заключение.

Хотя беспорядков на заводе в настоящее время (конец октября 1901 г.) и не происходит, что зависит и от времени года, но ручаться, что они не возникнут вновь весной или летом, было бы опрометчиво. Наоборот, раз руководителям волнений удалось под разными заманчивыми предложениями расшевелить инертную массу рабочих, то в последующие разы сделать это будет еще легче, тем более, если общий промышленный кризис, лишаящий рабочих заработка, будет продолжаться ¹⁾, а в частности если различные заводы сами некоторыми своевременными предупредительными мерами не отнимут почвы для возникновения волнений, так как первые возбудители их не общие более или менее утопические социальные требования, а частные, сознаваемые самими рабочими данного завода ²⁾.

Во всяком случае, одной из общих мер к предупреждению беспорядков на заводах и ссылок рабочих на существующие распорядки на других заводах можно было бы предложить: взаимным согласием однородных по характеру производства заводов установить однообразные главные порядки заводов, как, напр.: распределение рабочего дня в обыкновенные и предпраздничные дни, расписание праздничных дней, о прогулах, штрафах и пособиях на случай болезни и т. д.

Оставляя без обсуждения условия общего промышленного кризиса, следовало бы принять теперь же следующие меры в предупреждение возникновения беспорядков на Балтийском заводе ³⁾:

1. Приступить к сокращению рабочего дня до $9\frac{1}{2}$ часов, начиная работу с 7 часов утра, как в обыкновенные, так и в субботные дни.
2. Установить празднование чтимых рабочими дней—9 мая и 1 ноября.
3. Пересмотреть цены на задельные работы с целью некоторого их повышения.
4. Уничтожить обыски, ограничиваясь осмотром выходящих с завода рабочих, останавливая для обыска лишь подозрительных.

В заключение считаю долгом указать, что заводы с интересом отнеслись к принятой морским министерством задаче и, делая охотно своими сведениями, просили познакомить их с результатами предпринятых исследований по рабочему вопросу.

Докладная записка начальника Балтийского завода К. Ратника ⁴⁾.

По содержанию докладной записки А. Н. Чиколева по рабочему вопросу, не касаясь фактических справок и обобщений их, могу высказать мнение только по следующим выводам и заключениям этой записки:

¹⁾ Опасение не оправдалось вплоть до событий 1905 г.

²⁾ В данном случае чуть подсказало автору как правильную оценку факторов назревшей борьбы, так и применяемых в ней методов.

³⁾ Приводимый автором перечень проектируемых мероприятий встретил достойные возражения со стороны г.-м. Ратника (в следующей записке), стоящего в общем на однородной идеологической почве, но выгодно отличающегося глубиной понимания и самостоятельностью суждения.

⁴⁾ Представлена в правление Балтийского завода 12 декабря 1901 г. за № 103. (Архив завода, д. № 395 за 1901 г.).

По вопросу о сокращении рабочего времени меня интересовало влияние его на производительность завода, почему мною собраны с натуры некоторые справки:

А) Об относительном количестве у нас людей, работающих на станках и других механических приспособлениях, как, напр.: механические краны, паровые молота и т. п., так как на них производительность ближе всего подходит к прямой пропорциональности к рабочему времени. С этой целью 8 и 9 ноября сего года была, по моему приказанию, обоими контролерами работ, А. Е. Дьяковым и С. А. Федоровым, произведена опись с натуры. В среднем выводе оказалось:

количество работавших в эти дни станков к общему числу бывших
в эти же дни на заводе мастеровых в среднем 14,09%

По отделам завода эти соотношения выражаются крайне отдаленными друг от друга цифрами:

на механическом отделе 28,80%
> корабельном > 3,85%

Этими цифрами определяется степень оборудованности завода и его отделов по отношению к умеренному ныне комплекту работников, отражающаяся на единичной стоимости и прибыльности производства отделов.

Но так как на некоторых механических орудиях производства работает не по одному, а по несколько человек, то влияние оборудования на относительную продуктивность людей выражается не этими цифрами, а отношением числа людей, пользующихся механическими орудиями производства, к общему числу наличных работников. Данные сделанной переписи за 8 и 9 ноября с. г. дают для этого отношения следующие цифры:

на механическом отделе 33,93%
> корабельном > 10,52%

средняя для всего завода 22,22%

Из сравнения этих цифр с предшествовавшими, следует, что на корабельном отделе, несмотря на меньшее оборудование, к механическим орудиям пристраивается относительно большее число людей, чем на механическом отделе, главным образом, вследствие отсутствия автоматических приспособлений для перемещения предметов во время работы, отчего работа этих орудий более зависит от усердия и неутомимости людей, чем на механическом отделе.

Во всяком случае, не считая кронштадтских и судовых работ, исполняемых с ничтожными по числу и величине механическими орудиями обработки, преимущественно в-ручную, на всем заводе только 1/5 часть работает на станках и прочих орудиях, работа же остальной массы зависит исключительно от ее личной энергии, на которую продолжительность рабочего времени выше известной нормы оказывает ослабляющее влияние.

Теперь вопрос, какова норма рабочего времени для неистощающейся энергии при ручной работе.

Б) Лучшим мерилом может служить задельная работа, при которой человек наиболее заинтересован в развитии своей производительности при сбережении в то же время своих сил, если эта работа не кратковременная, а длительная. Для определения влияния продолжительного рабочего времени на производительность по задельным работам, было произведено сравнение выработки в обыкновенные рабочие дни с 10-ти часовым трудом 12, 13, 15, 16 и 19 ноября с. г. с таковыми же в укороченные рабочие дни с 7 1/2 часовым трудом (до 2 часов дня на один шабаш) 14, 17 и 20 ноября с. г. при том же составе мастеровых и на тех же работах по разным цехам.

Это сравнение данных переписи показало, что при продолжительности укороченного рабочего дня 75% от обыкновенного производительность его на задельных работах составляла от таковой же в обыкновенные дни:

на механическом отделе 83,88%
> корабельном > 86,21%

средний по заводу 85%

т. е. выработка в укороченные дни была не пропорциональна продолжительности рабочего времени по часам, а, наоборот, часовая производительность в укороченные дни превосходила такую в обыкновенные дни:

на механическом отделе	11,73%
» корабельном »	14,94%
<hr/>	
средний по заводу	13 ¹ / ₃ %

Несмотря на относительное обилие механических орудий на механическом отделе, часовая выработка на нем также выросла, хотя и в меньшем размере, чем на корабельном, где более преобладает ручная работа, исключительно распространенная в таких цехах, как клепально-чеканный и малярный.

Между тем, работа в укороченные дни, несмотря на отсутствие потери времени на приготовление к обеденному выходу и приступ к работе после обеда, находится в невыгодных условиях по сравнению с обыкновенным днем вследствие своей непрерывности, которая практически нарушается произвольными и разновременными перерывами работы на отдых и питье чая с принесенною в завод пищею, составляющими потерю около часа времени, когда на приготовление к обеденному выходу и приступление к работе после обеда при задельных работах теряется около 20 минут.

На основании продолжительности этих перерывов, не учитывая потерю на приступ к работе в начале дня и приготовление к выходу под конец его, одинаковую как для обыкновенного, так и для укороченного рабочего дня, можем принять число действительно рабочих часов в заводском деле, начиная с шабашного свистка:

в обыкновенные дни	9 ¹ / ₃ часа,
в укороченные »	6 ¹ / ₃ »

т. е. продолжительность работы в укороченные дни составляет по сравнению с обыкновенным не 75%, а 67,86%, почему, на основании предшествовавших данных, часовая производительность в укороченные дни превосходит такую в обыкновенные:

на механическом отделе	23,60%
» корабельном »	27,04%
<hr/>	
в среднем по заводу	25,32%

часовая работа в укороченные дни производительнее, чем в обыкновенные ¹⁾.

Так как укороченных дней в году относительно немного, то абсолютная выработка по задельным работам за эти дни не повышает штучной цены, и последняя входит в общий расчет оценки работ. Если же все рабочие дни сделать укороченными до 2-х часов на один шабаш, то невыработка мастеровыми платы за весь день непременно поведет к повышению штучной цены, как это бывает при сплошных сверхшабашных работах, так как мастеровой интересуется абсолютной величиной заработка и, главным образом, тем % его, который превышает его поденную, а не часовую плату. По предшествовавшему выводу средняя производительность всего укороченного рабочего дня на заводе по задельным работам составляет 35% от обыкновенного, поэтому для сравнения общего заработка людей с нынешним, если перейти к нормальному рабочему времени по укороченному дню, пришлось бы штучную расценку увеличить на

$$\frac{15 \times 100}{85} = 17,65\%$$

чтобы % заработка сверх поденной платы остался прежним, несмотря на большую энергию работ почти на 25%, т. е. укороченный день повел бы к удорожанию производства.

Хотя часовая производительность работ по цеху также несколько растет по сравнению с обыкновенными днями вследствие меньшего изнурения работников, но она трудно поддается учету

¹⁾ Курсив в настоящей записке принадлежит нам. А. Б.

в виду отсутствия текущих записей по количеству дневной выработки и вследствие влияния на нее усиленного надзора, в каждой партии далеко не одинакового. Во всяком случае она никогда не может дойти до 25%, так как у работающего по цеху нет такого же побуждения к увеличению производительности, как у работающего заделом, почему приращение средней часовой производительности подневной работы в укороченные дни можно намечать только гадательно. Чтобы несколько обосновать цифру % этого прироста энергии на работах по цеху в укороченные дни, ссылаюсь на 29% среднего заработка по заделным работам на заводе сверх подневной платы (см. 6 стр. докладной записки А. Чиколева) и принимаю, что сравнительная энергия работ заделной и цеховой, в виду среднего вывода этого % для всего завода при выгодных и невыгодных ценах и при разнообразии подневных плат участников работы, прямо пропорциональна заделному % их. Так как ранее было выведено, что часовая производительность в укороченные дни при заделных работах была для всего завода на 25,32% более чем в обыкновенные дни, то для работ по цеху эта средняя цеховая производительность за те же укороченные дни, на основании сделанного перед этим допущения прямой зависимости между заделным % и продуктивностью заделной работы в количественном отношении, будет

$$\text{на } \frac{25,32\%}{1,29} = 19,63\%$$

более часовой производительности работ по цеху в обыкновенные дни.

Приводя продуктивность как заделной, так и цеховой работ в укороченные дни к числу часов нормальной работы в обыкновенные дни, на основании указанных в докладной записке А. Н. Чиколева (стр. 6) 56% заделных мастеровых на заводе к общему их числу, получим, что она равна

$$\frac{6\frac{1}{3} \text{ час.}}{9\frac{1}{3} \text{ час.}} \left[0,56 \times 1,2532 + 0,44 \times 1,1963 \right] = \frac{7,78 \text{ час.}}{9,33 \text{ час.}} = 83,39\%$$

продуктивности обыкновенного рабочего дня, хотя почти на половину (44%) оплачивается оно не так, как обычно с ним, именно по цеховым работам.

Следовательно, принятие нынешнего укороченного дня за нормальный невыгодно для завода без соответственного понижения платы мастеровым и рабочим. Но это еще не значит, что всякое сокращение рабочего времени по сравнению с нынешним в обыкновенные дни вообще невыгодно. Если принять приращение часовой производительности как по заделным, так и по цеховым работам постоянным даже при несколько меньшем сокращении рабочего времени по сравнению с обыкновенным рабочим днем, то наименьшее рабочее время, одинаковое по производительности с нынешним, мы получим непосредственно из предшествовавшего уравнения, приняв искомого укороченное рабочее время за неизвестное, и оно будет равно

$$\frac{9\frac{1}{3} \text{ часа}}{0,56 \times 1,2532 + 0,44 \times 1,1963} = 7,6 \text{ часа}$$

действительного рабочего времени. Если же это время перевести к укороченному дню на один шаг, как ныне по субботам и перед большими праздниками, то рабочий день должен быть равен:

$$7,6 \text{ час.} + (7,5 - 6,3) = 8,8 \text{ часа.}$$

Но после опроса многих мастеровых через годовых депутатов по совершенно другому вопросу оказалось, что мастеровые не любят работы на один шаг с большими антрактами в виду того, что завтраканье и перерыв работы с пребыванием на заводе не даст им такого восстановления сил и энергии, как обеденный перерыв в 1½ часа со свободным выходом с завода. Поэтому нормальный рабочий день при обеденном перерыве, согласно предшествовавшим подсчету, должен быть равен

$$7,6 + (10,0 - 9,3) = 8,3 \text{ часа.}$$

Этот результат, близкий к нормальному рабочему дню социалистического завода, был получен непосредственно из перечисленных опытных данных практики Балтийского завода совершенно неожиданно, без всякой пр...

взятой мысли оправдать социалистов ¹⁾. Для округления цифры возьмем результат в $8\frac{1}{2}$ часов для нормального рабочего дня, безубыточного для завода и мастеровых, вместо произвольных $9\frac{1}{2}$ часов в заключении ст. 1 докладной записки А. Н. Чиколева.

Теперь остается решить, как распределить эти часы для начала и конца работ.

Для всякого человека, существующего личным трудом на стороне, в том числе для мастерового, важным вопросом при условиях рассеянной городской жизни с дальними расстояниями от места работ является их начало. Для того, чтобы являться даже из Гавани на завод к $6\frac{1}{2}$ часам утра, необходимо человеку встать не позже $5\frac{1}{2}$ часов утра, при этом он не успеет напиться чаю или позавтракать, так как в такое раннее время вставая, он не найдет даже готового кипятку, тем более если он холостой и живет на чужой квартире с очень ограниченными услугами, а питье чая с едой требует достаточно времени, почему даже ближайшие жители из мастеровых являются на завод натошак, покупая по пути и у завода хлеб для чая и завтракая на заводе в рабочее время, как в обыкновенные, так и в укороченные дни. Значительная же часть мастеровых, около $\frac{2}{3}$, живущая по линиям Васильевского Острова или на той стороне в Коломенской, Нарвской, Рождественской и даже Александро-Невской или Выборгской частях, принуждены вставать значительно ранее 5 часов утра, чтобы во-время добраться до завода к началу работ.

Однако, даже для ближайших жителей раннее вставание вносит расстройство в семейный режим мастеровых и рабочих. По переписи, сделанной мною 3-го декабря с. г. среди наличного на работе числа поденных мастеровых на заводе и командированных в Кронштадт, на все их число в тот день 3917 человек, оказалось:

холостых и вдовцов без детей	= 39,07%
имеющих семьи	{ на родине . . . 17,45%
	{ при себе . . . 43,48%

т. е. 61% оказались женатыми и с детьми. Из холостых и женатых, но живущих без семей, т. е. из $56\frac{1}{2}\%$, незначительное меньшинство живет артелями, а все остальные живут по углам и комнатам в семейных квартирах, а большинство холостых — молодежь, живущая с родителями или у родственников, почему число живущих в семьях значительно больше указанных в переписи — $43\frac{1}{2}\%$.

При той тесноте, иногда изумительной, при которой приходится жить рабочему люду, и при отсутствии прислуги, всякий жилец, вставший очень рано, причиняет беспокойство всем остальным не только шумом, неизбежным при одевании, мытье и т. п., но и необходимостью поднять кого-нибудь из жильцов запереть за собою дверь квартиры, если он даже не пьет дома чаю, а если пьет, то сбегать в трактир за кипятком и купить в лавке хлеба. Такая возня нарушает утренний сон и заставляет всех, кроме детей, подниматься раньше нужного им времени. Отдельное питье чая на стороне для семейного или живущего в семье доставляет лишний расход при его и без того скудном жалованьи. Условия же городской общительной жизни приучают даже рабочий люд ложиться спать не ранее 10 часов вечера, и легший ранее все равно не имел бы покоя от разговора и шума остальных бодрствующих. При таких условиях вставший даже в $5\frac{1}{2}$ часов утра не высался бы до полного минимума 8 часов, необходимого для трудящегося человека вообще, а для рабочего даже недостаточного. Поэтому все мастеровые завода при начале работ в $6\frac{1}{2}$ часов утра, за редкими исключениями, не досыпают, являются на работу вялыми, а при продолжительной службе или изнуряются, или умышленно берегут свои силы, т. е. уклоняются от работ и нередко прячутся на заводе досыпать, хотя бы сидя, особенно с похмелья, или работают в каком-то полусне.

Вероятно, на этом основании, на некоторых ближайших к нам заводах: Гвоздильном, Франко-Русском и др., за исключением имеющих артельных рабочих, живущих в казармах под известным режимом в них, работы начинаются только в 7 часов утра ²⁾.

¹⁾ Поучительно сравнить этот объективный, чисто-технический подход к вопросу о нормальном 8-ми часовом рабочем дне с возражениями против сокращения рабочего времени русских фабрикантов в их борьбе против фабричного законодательства. См., напр., М. Туган-Барановского: «Русская фабрика в ее прошлом и настоящем», т. I, ч. I, гл. II, стр. 385—430 (изд. 3-е, 1907 г.).

²⁾ Это не совсем верно: в действительности на Проволочном и Гвоздильном заводе работы начинались в 6 ч. Из обследованных А. Н. Чиколевым 10 заводов только на 4 заводах работы начинались в 7 часов; из остальных: на 1—в $6\frac{3}{4}$ ч., на 2—в $6\frac{1}{2}$ ч. и на 3—в 6 ч. утра, как и на Балтийском.

В виду же сбережения сил мастеровых, особенно живущих с семьями в значительном отдалении от завода по разным экономическим и семейным соображениям (обучение детей, заработок женщин, совместное житье с родственниками и т. п.), так как такое сбережение сил отразится на количестве и качестве работы для завода, я нахожу и этот 7-ми часовой срок для начала работ ранним и при общем сокращении рабочего времени предлагаю его в $7\frac{1}{2}$ часов, а лучше даже в 8 часов утра. При этом сроке не будет такой розни во вставанье семьи, даже включая сюда и детей, мастеровой может пользоваться утренним чаем и едой вместе с семьей, что для него выгоднее, может помочь семье утром уборкой и другими домашними работами, особенно при болезни женщин и старших детей, а на завод явится более бодрым, поевшим, выспавшимся и хорошо настроенным.

Таким образом при $8\frac{1}{2}$ -часовом рабочем дне распределение работ получится такое:

или с $7\frac{1}{2}$ ч. у. до 12 ч. дня и с $1\frac{1}{2}$ ч. до $5\frac{1}{2}$ час. вечера,
или с 8 ч. у. до 12 ч. дня и с $1\frac{1}{2}$ ч. до 6 часов вечера.

Удлинение на $\frac{1}{2}$ часа даже на 1 час вечернего срока работ не так чувствительно для завода и рабочего человека, как сокращение на столько же утреннего.

2) По 2-му пункту заключения докладной записки о включении чтимых праздников, заявляю, что вешний Никола 9-го мая состоит в числе праздников на заводе, а празднование Покрова Пресвятой Богородицы 1-го октября вместе с 3-м днем Рождества Христова с будущего 1902 года введено в расписание по расплатным книжкам и цехам. Во всяком случае празднование тех или других дней на Балтийском заводе не имеет острого характера, так как неявка на работу, кроме исключительных случаев упорства и частого его повторения, не сопровождается штрафованием мастеровых, как на других заводах, а потому нежелающий работать ничего не теряет, кроме отсутствия за этот день платы, как и при установленном празднике. За то введение новых праздников желающих работать иноверцев (преимущественно финляндцев) или некоторых православных лишает доступного для них заработка за эти дни, если бы завод продолжал работы ¹⁾. С другой стороны, для месячно-служащих, среди которых большинство те же мастеровые: кочегары, установщики, машинисты, рассыльные, сортировщики, цеховые писаря, подмастера и т. п. включение праздников выгодно, так как 1) неявка во время их не сопровождается соответственным дневным вычетом из месячного жалования, 2) явка же по вызову считается сверхштатной работой и сопровождается дополнительной полуторной платой, кроме охраны и дворников, состоящих на непрерывной службе завода. Поэтому этот пункт рабочего вопроса по отношению Балтийского завода сам собою отпадает и скорее в интересах большинства может принять обратную форму в смысле уменьшения обязательных праздников без штрафа для неявившихся.

3) С 3-м пунктом заключения докладной записки я совершенно не согласен. Низкий 29% заработка по задельным работам на заводе объясняется обыкновенно или низкой расценкой, или преобладающим участием в них мастеровых с высокою поденною платою. Для выяснения последнего предположения могу сказать, что по последним законченным задельным работам в мае 1901 г., т. е. до бывшего бунта мастеровых на заводе, из числа 4377 человек мастеровых, состоявших по списку, следовательно, со включением сюда всякого рода нетчиков: отпускных, больных, неявившихся самовольно, работало задельно 2850 человек, т. е. 65%. Если же исключить нетчиков и кронштадтских, работающих преимущественно по цеху при установочных судовых работах, то % задельных превзойдет 80%. Из числа же работающих задельно в мае 1901 г. 2850 человек, получавших плату до 1 р. 30 к., следовательно, получавших ниже средней платы или малоплатных, было 1977 человек или почти 70%, а за вычетом нетчиков и кронштадтских и того более. Следовательно, предположение о преобладающем участии в задельных работах высокоплатных противоречит действительности.

¹⁾ Характерно, что вопрос о праздновании пролетарского праздника 1-го мая и здесь, как и в записке А. Н. Чиголева, обойден молчаньем, хотя после грандиозного победца в том же году по поводу этого празднования на Обуховском заводе вопрос о 1 мая стал в Петербурге открыто на очередь (см. ст. В. Колпенского: «Первое мая» в России. «Архив истории труда в России». Книга 1, ч. 1, стр 82).

Басательно же нормы оценки задельных работ я должен сказать следующее. Всякая задельная работа может быть оправдана только в том случае, если штучная цена изделия обойдется не дороже, а дешевле исполнения ее по цеху, при условии не худшего качества, сравнительно с цеховым производством, и при достаточном надзоре за производительностью последнего. При ослаблении этих условий задельный % может быстро подняться, особенно при ослаблении надзора за количеством цехового производства, с которым задельные работы конкурируют. Поэтому, осуждаемый общий низкий задельный % служит, напротив, рекомендацией заводу вследствие взыскательной приемки задельных работ и продуктивного производства цеховых от усиленного надзора за ними. На этом основании никакого повышения оценки задельных работ независимо от того, на сколько она может увеличиться от общего повышения платы мастерам, делать не требуется ¹⁾.

При поездках в 1889 и 1894 г.г. на заграничные механические заводы мне от директоров приходилось слышать, что они предпочитают вести работы по цеху, а не задельно, чтобы гарантировать себя от переплат и, главным образом, от порчи работы с умелой со стороны рабочих ее маспривкою. С другой стороны, рабочие союзы в Англии усиленно пропагандировали отмену задельных работ, изнуряющих рабочих в погоне за наживой, и принимали в члены союза только тех, кто отрекался от задельных работ ²⁾.

Напротив, отвергнутый запискою А. Н. Чиколева вопрос об общем увеличении платы мастерам и об улучшении их быта во время службы на заводе заслуживает самого серьезного внимания.

При личных моих объяснениях во время бывшего 3 дня бунта с различными группами мастеровых слышалась общая жалоба, что большинство их едва может существовать на получаемый заработок, все они перезакладывали свое имущество, которое нередко пропадает за пустяки, так как они не в состоянии его выкупить и в настоящее время дошли до крайности после уменьшения сверхшабашных работ, при которой, даже в случае преследования за бунт, им хуже не может быть, а потому настоятельно требуют прибавки жалованья, чтобы выйти из нетерпимого более их бедственного положения. Этот вопрос для мастеровых самый жгучий и гораздо важнее сокращения рабочего времени по непосредственному его влиянию на текущую жизнь человека, связанного семьей или общественными обязательствами.

И, действительно, нужно войти в материальное положение мастеровых и рабочих завода. Большинство из них составляет элемент кочующий, преимущественно имеющий семьи на родине. Из 6783 человек, бывших на заводе к 1-му июня 1900 г., за год до бунта рассчиталось за год 4189 человек, т. е. почти 70%: менее всего в модельном $12\frac{1}{2}\%$ и месячно-служащих $27\frac{1}{3}\%$, несколько более в механических цехах (40% — 50%), значительно более — в литейных, медницкой и кузнечных (89% — 100%) и всего более в такежном цехе $175\frac{1}{2}\%$, остальные цеха находятся между механическими и литейными. В составе рассчитывающихся преобладают малоплатные мастерам и рабочие, имеющие семьи на родине. Процент рассчитывающихся служит показателем степени специализации уходящих к цеховому делу.

Из числа 6783 человек за год до бунта осталось служить на заводе, проживших на нем год и более, 3599 человек или $53,05\%$, остальные ушли, равно как и многие поступавшие в течение года также не оставались служить на нем до 1-го июня 1901 г., отчего и получился такой большой 70% всех рассчитавшихся от первоначального числа мастеровых к 1-му июня

¹⁾ Вся вышеизложенная аргументация построена преимущественно на капиталистических производственных предпосылках, без надлежащего учета интересов рабочих. В частности, приводимая средняя цифра 65% и даже 8% мастеровых, работающих на заводе задельно, не совпадает с нашими данными, согласно которым эта цифра не превышала 56%.

²⁾ Ссылка на рабочие союзы в Англии получает здесь, в применении к русскому фабрично-заводскому быту, очевидно одностороннее освещение: речь о «погоне за наживой» может идти лишь постольку, поскольку нормальное рабочее время обеспечивает, по крайней мере, прожиточный минимум. Поэтому борьба против задельных работ должна сопровождаться одновременным нормированием рабочего времени и повышением цеховой заработной платы.

1900 г., не считая отлучавшихся домой в отпуск на 1—3 месяца. Из числа оставшихся после службы год и более было:

детных	38,78%	} 59,88%
женатых без детей	21,10%	
холостых	40,48%	

между тем как число семейных по нынешней переписи равняется $43,48\% + 17,45\% = 60,93\%$, т. е. число семейных среди оставшихся уменьшилось на 1%, именно из имеющих семьи на родине. В свою очередь, к числу женатых бездетных принадлежат не столько молодожены, процент которых не велик, сколько имевшие, но потерявшие детей от большой их смертности, особенно до 1½ года, начиная от новорожденных, от неблагоприятных условий городской обстановки жизни мастеровых, почему, в виду этой смертности, многие из них или отправляют жен родить в деревню, где оставляют их для вскармливания новорожденных до 2—3 лет, когда ребенок окрепнет и требует меньше ухода за собой, или, рожденных в городе после ½ года и даже ранее отсылают в деревню к ближайшим родственникам для вскармливания там коровьим молоком и развития их на большем просторе деревенской обстановки.

Преобладающее большинство личного состава завода были и есть крестьяне ¹⁾ ближайших к Петербургу и вообще великорусских губерний—оскудевшего центра России, а именно из числа оставшихся на заводе годовой и более службы 3599 человек:

крестьян	80,62%
мещан и ремесленников	16,75%
разночинцев и дворян	2,63%

Отсюда видно, что, несмотря на свою связь с общиной и даже с землей, крестьянский элемент сравнительно стойко держится на заводе, если, составляя более $\frac{4}{5}$ заводского личного состава, с месячно-служащими, имеет охоту и возможность держаться на службе завода более года.

По переписи, произведенной 3—5 декабря с. г. как на заводе, так и в Кронштадте, среди мастеровых и рабочих из наличного состава их на работе в эти дни 3917 человек оказалось:

имеющих надел	46,10%
не имеющих надела	53,90%

Так как наделы имеют только крестьяне, то среди них, за вычетом служащих других сословий, должно не иметь надела сверх усадебной земли:

$$80,62\% - 46,10\% = 34,52\% \text{ от всего наличного состава или}$$

$$\frac{34,52}{80,62} \times 100 = 42,82\%$$

от всего количества крестьян, служащих на заводе, т. е. немного менее половины их числа. Из числа неимеющих надела многие не имеют никакой усадьбы—бобыли, и связь их с деревней чисто-формальная; это будущие кандидаты в мещане и ремесленники, т. е. в постоянные горожане. За ничтожностью, если не за полным иногда отсутствием заработков в провинции вообще, а в деревне в особенности, не имеющие надела изгоняются из деревни родней не только для того, чтобы не иметь излишнего едока, но и для помощи остающимся в деревне членам поддержать ничтожное усадебное хозяйство даже для ее прокормления. Поэтому не только холостые из этой группы, но даже юная молодежь является пособниками своих семей в деревне не то, что городская молодежь. Между тем, вследствие меньшего навыка с малолетства к заводским работам, эта группа не в состоянии конкурировать с последней в заработке и в выборе более выгодных производств и более оплачиваемых специальностей, и в состоянии сводить концы с концами путем больших лишений, возрастающих с обзаведением собственной семьей, в то время как заработок ее на роли подручных мало прогрессирует. Эта группа мастеровых и рабочих, отставшая от деревни и к городу окончательно не приставшая, в особенности заслуживает

¹⁾ Приводимые ниже данные не лишены интереса при изучении вопроса о связи с землей у различных групп рабочих. Ср. с данными, приводимыми, напр., у М. Туган-Барановского: «Русская фабрика», гл. III, ст. 441 и след.

внимания для увеличения ее текущих заработков, поддерживающих отчасти, хотя первое время, деревню и для облегчения приобретения земли, к обработке которой она чувствует наследственную склонность.

В значительно лучшем положении находятся мастеровые из крестьян, имеющих наделы, хотя на завод их гонит и держит здесь также нужда. Незначительность этих наделов, ничтожная производительность при множестве денежных повинностей и многочисленности едоков, вынуждает их искать в городе лучших заработков, из которых им можно было бы не только уплачивать повинности по своему наделу, но нанимать еще в деревне более дешевого работника или работницу, прикупать скот и хлеб, обстраивать усадьбу и даже прикупать или снимать в аренду дополнительный кусок земли. Эта группа живет добровольно, прижимисто, копит деньги, семью часто держит в деревне на земле, куда наезжает для построек и личного участия в страдных сельских работах, сравнительно лучше устраивается на заводе, приучаясь на нем с малолетства, и, получая протекцию от односельчан, может переживать безработицу в деревне и выбирать лучшие заработки не в одном, так в другом месте и, вкладывая часть заработков в свой надел и особенно в усадьбу, служит серьезной поддержкой крестьянскому хозяйству, с которым никогда не теряет связи. Несмотря на кажущуюся бедность,—элемент земельных мастеровых наиболее зажиточный, имея обеспечение в своем недвижимом имуществе и даже кое-какой доход с него. Женится он большей частью в деревне и если в городе, то на деревенских, чтобы иметь хозяйку, привычную к сельским работам, детей воспитывает на половину в деревне, если не выделен, и целиком, если выделен, обучает же нередко в городе при себе, особенно мальчиков, так как в городе школы доступнее и лучше. Парней своих, не отвязывая от деревни, приучает к ремеслу или заводскому делу под своим или родственником присмотром, держит их строго, но помогает выбраться на хороший заработок и женит в деревне, приготавливая из них таких приверженцев и старателей своей родной земли, как и сами. Это элемент на заводе наиболее консервативный и самостоятельный.

Самый же беспокойный и распушенный состав мастеровых на заводе из мещан и ремесленников, а затем из детей безземельных крестьян, выросших в городе; большей частью грамотный и по своему начитанный, он к тому же наиболее развитой и юркий, нередко даровитый, занимает должности лучше оплачиваемые и требующие наименьшего физического труда и хотя живет изо дня в день, но по своему материальному положению занимает средину между мастеровыми из безземельных и наделных крестьян. Он всегда мастеровой, а не рабочий, имеет хороший заработок, которого ему редко достаточно по широко-развитым городским потребностям; детям старается дать лучшее по своим средствам образование, определить их в чертежники и конторщики, составляющие интеллигенцию заводского люда, но зато ничем материально не может их обеспечить, почему с поднятием молодежи на поги, она, как более развитая по сравнению со старшим поколением, быстро теряет с ними всякую нравственную и родственную связь и большей частью становится с ним в прямой разлад. Среди этой молодежи, пока она не натерпится какого-либо горя, развивается наиболее активный элемент рабочего движения, увлекающий других всякими мерами, хотя бы насильственными.

Материальное положение этой группы мастеровых наиболее шаткое, так как, несмотря на способности ее на все руки в городских профессиях, она презирает чисто-физический труд и потому в случае потери своего обычного места скорее будет сильно бедствовать или примется за предосудительные занятия, чем поступит куда-либо обыкновенным рабочим. Алкоголизм среди нее наиболее развит, и последствия его сказываются не только на виновниках в нем, но и на всем потомстве, почему среди нее нередки случаи паралича и умственного расстройства. Все-таки, хотя беспокойная, а во многих отношениях и порочная, эта группа мастеровых из мещан и ремесленников, наиболее способная, дающая из своей среды большую часть толковых указателей, подмастеров и даже мастеров, а потому заслуживает особого внимания к улучшению ее быта не только материального, но и нравственного, как лучшей технической опоры производства.

Последняя, малочисленная, группа мастеровых из разночинцев и дворян, самая жалкая по способностям. Составляет она исключительно из неудачников и выродившихся экземпляров, лишенных энергии и обычного здравого смысла, но одаренных большим самолюбием и претензиями, вечно недогольных окружающим и презирающим свое дело, за что в связи с непомерными претензиями и вискоренившимися худыми привычками среды, из которой они вышли, пользуются взаимным презрением остальной массы мастеровых и рабочих. Эта группа составляет самый бесполезный

и несимпатичный осадок среди мастеровых и более всего на месте только в одиночных письменных занятиях, если получила к тому подходящую образовательную подготовку.

Лучше всего картину относительного распределения всех 3 групп—служащих, мастеровых и рабочих по специальностям выразить таблицей % состава их в каждом цехе. В основу положен тот личный состав завода в 3599 человек, прослуживший до бывшего бунта 1 год более, на основании которого ранее был сделан общий подсчет распределения этих групп по всему заводу.

ЦЕХА И СПЕЦИАЛЬНОСТИ.	Дворяне и разночинцы.	Мещане и ремесленники.	Крестьяне безземельные и с наделами.
1) Месячно-служащие (среди них 2 ¹ / ₄ % состоящих и состоявших на государственной службе) . . .	15%	27%	55 ³ / ₄ %
2) Механический	1 ¹ / ₄ %	24%	74 ³ / ₄ %
3) Электротехнический и ремонтный	—	33%	67%
4) Водотрубный	—	22%	78%
5) Модельный	—	50%	5%
6) Столярный	1 ¹ / ₄ %	31	67 ³ / ₄ %
7) Литейная чугунная	—	18%	82%
8) » стальная	—	11%	89%
9) » медная	—	12%	88%
10) Кузница прессовая	—	2%	80%
11) » корабельная	6%	20%	74%
12) Котельный	3 ¹ / ₄ %	13%	86 ¹ / ₄ %
13) Судостроительный	1 ¹ / ₈ %	5%	94 ² / ₃ %
14) Медницкий	—	26%	74%
15) Плотницкий	—	2%	98%
16) Малярный	—	22%	78%
17) Такелажный	2%	9%	89%

Из этой таблицы видно, что дворяне и разночинцы составляют повсюду меньшинство даже среди месячно-служащих и занимают среди них сравнительно более интеллигентные должности инженеров, мастеров, чертежников и конторщиков. Что касается цехов, то там они не к двору, и находящиеся там принадлежат к разряду неудачников и жалких людей.

Не то можно сказать о мещанах и ремесленниках. Специальности, требующие менее физического труда и более умственного развития и ловкости, заняты ими: модельная, электротехническая, столярная, чертежное и конторское дело, медницкая, механическая. В кузница и литейных они занимают передовые и лучше оплачиваемые места руководящих кузнецов, формовщиков, также как в водотрубном, котельном и малярном цехах старших мастеровых за то в цехах, требующих приложения более физической силы и машинального навыка и менее всего, как например: в плотничном, судостроительном и такелажном.

Эти цеха усиленно наполняются крестьянами, особенно плотницкий цех, наиболее подходящий к крестьянам по их деревенской практике, равно как и кузнечные. Судостроительное дело, которое занимает по обилию крестьян 2-е место после плотницкого в ряду специальностей завода, знакомо крестьянам по практике их отчасти по железнодорожным мостовым и строительным работам, исполняемым летом и преимущественно по пародостроению на Волге исполняемом, главным образом зимой. В свою очередь многочисленные железнодорожные мастерские приучили многих соседних крестьян к механическим работам (литейному, котельному, столярному) и преимущественно к слесарному и отчасти металло-токарому, почему в механической, электротехнической, водотрубной и столярной мастерских завода сравнительно так много 2-й руки слесарей, токарей, столяров и медников из крестьян, преимущественно безземельных, так как продолжительное предварительное изучение этих ремесел до поступления на завод в железнодорожных мастерских по хозяйственному складу наделных крестьян мало доступно, а устроившиеся там предпочитают держаться поближе к наделам. Во всех других цехах и в вышеперечисленных роли подручных, рабочих и менее оплачиваемые степени мастеровых занимаются исключительно крестьянами и притом большею частью безземельными вслед

ствие отвычки от деревни, неимеющими такой земляческой поддержки, как надельные крестьяне, между тем, как заводский порядок работ, приспособленный к узкой специализации, дает мало шансов для изучения на опыте деталей ремесла без доброжелательного руководства со стороны близких людей, каковыми являются у всех родственники и свояки, а у надельных крестьян сверх того, односельчане. На южнорусских заводах, осмотренных мною в марте 1900 г., являются большие затруднения в подборе мастеровых и рабочих, так как среди местного крестьянства безземельных мало, почти нет, в сельских рабочих руках большая нужда и оплата их хорошая, а надельные сравнительно зажиточны и на заводы для заработков ходить не нуждаются, почему весь контингент рабочих южных заводов пришлый из северо-западного края и губерний оскудевшего центра; напр., на доменных печах работают почти исключительно одни витебчане. Петербургские заводы также работают не местными крестьянами, имеющими другие более выгодные промысла, а пришлыми людьми из тех же обездоленных наделами районов, как и южные заводы.

Отсюда из всего вышеизложенного непосредственный вывод тот, что экономическое улучшение быта фабричного и заводского люда возможно не столько частными мероприятиями в его пользу, сколько общими мерами к подъему крестьянского благосостояния, земледелия и промыслов в малонадельных, малоплодородных или изнуренных неурожаями и повинностями губерниях, чтобы уменьшить безземельный пролетариат, ищущий выхода для своего пропитания между прочим на фабриках и заводах ¹⁾. Тогда, с уменьшением на них предложения со стороны крестьян, цены на мастеровых и рабочих сами собою поднимутся, а удорожание их поведет к расширению оборудования заводов лучшими станками и более совершенными процессами. Ныне же, при быстро возрастающем оскудении крестьянства почти повсюду в европейской России, а в средней ее полосе в особенности, от дробления наделов, от упадка земледелия, от недостатка промыслов и заработков на месте и от множества других причин, можно ожидать только дальнейшего понижения заработной платы на заводах и фабриках, чему содействует возрастающий наплыв к ним безработных людей из всех мест России по развитой железнодорожной сети с удешевленным тарифом для больших расстояний. С постройкою северных дорог на фабрики и заводы нахлынет вероятно еще новый контингент рабочих из голодных крестьян северных губерний, до сих пор державшихся поневоле за дальностью на месте, на скудных местных промыслах.

По поводу частных мероприятий к улучшению материального положения мастеровых рабочих и служащих завода могу сказать следующее.

В докладной записке А. Н. Чиколева сделаны выводы низшей, высшей и средней платы людям на поденном жалованьи на основании детальной ведомости числа людей каждого цеха на каждой плате через 5 копеек, начиная с 35-ти коп. до 3 рублей в день. В дополнение к этим выводам следует привести следующую таблицу плат в порядке наибольших % отношений числа людей, их получающих. До бывшего бунта на заводе из общего числа 4553 человек, состоявших по спискам в количестве свыше 1% мастеровых и рабочих получали поденную плату:

12,49 проц.	— р. 70 коп.	2,89 проц.	— р. 85 коп.
7,07 "	75 "	2,79 "	65 "
6,69 "	1 " —	2,74 "	1 " 15 "
5,73 "	80 "	2,30 "	1 " 45 "
5,64 "	1 " 20 "	2,06 "	— " 95 "
5,38 "	— 90 "	1,69 "	1 " 05 "
4,83 "	1 " 10 "	1,53 "	1 " 80 "
4,72 "	1 " 50 "	1,29 "	— " 50 "
4,63 "	1 " 30 "	1,25 "	1 " 55 "
4,45 "	1 " 40 "	1,25 "	— " 60 "
3,49 "	1 " 25 "	1,09 "	1 " 70 "
3,07 "	1 " 35 "	1,03 "	2 " 00 "
2,92 "	1 " 60 "		

¹⁾ Все дальнейшие общие соображения автора настоящей записки по политико-экономическим и социальному вопросам оставляются нами здесь вне обсуждения, так как жизнь далеко перешагнула через эту точку зрения именно по затрагиваемым им пунктам.

Из этой таблицы видно, что в порядке многочисленности и не все были одни малооплаченные. Напр. 43,35 % состоявших на заводе получали плату от 1 рубля до 1 р. 50 к. в день, что считается сравнительно хорошим вознаграждением и перед этим числом людей—35,62 % рабочих, получавших плату от 70 к. до 95 к. включительно и 6,89% учеников с платой от 35 к. до 65 к. включительно ¹⁾, даже вместе взятые (42,51%) не могли их превзойти многочисленностью. Остальные 14,14% получали плату свыше 1 р. 50 к. в день. После открытия завода, приостановленного на время беспорядков, согласно личного моего обещания мастерам перед бунтом, было мною прибавлено жалование малооплаченным до получавших 1 р. 25 к. включительно, прослужившим на заводе без прибавки более 2 лет, а затем последовала прибавка по личным прошениям мастеровых и по представлениям мастеров после надлежащих справок о просителях по общим путям ходатайств. Поэтому, хотя плата от 70 к. до 1 руб. еще и осталась, особенно в применении к новопоступившим, но % малооплаченных до 1 руб. нынче значительно уменьшился, а от 1 р. до 1 р. 30 к. значительно увеличился. За недостатком времени не могу представить текущей справки изменения этих % соотношений. По-прежнему же прибавку жалования хотя бы одним малооплаченным мастерам я не считаю возможным сделать в виду развращающего влияния такового приема и несправедливости истощать операционные средства на подобную прибавку, когда вследствие промышленного кризиса много голодного народа порывается поступить на завод на самое скромное жалование менее получаемого ими ранее, а между тем приходится стеснять себя приемом их по нынешней уменьшенной оценке только не по достатку свободных средств на рабочую силу по годовой смете и преобладающего прилива рабочих перед мастерами. Наоборот, при нынешнем обилии безработных людей полезнее было бы их пристроить к делу хотя бы за счет общего понижения содержания на заводе всех без исключения. Отсюда ясно, что руководителями рабочего движения вопрос о всеобщей прибавке жалования рабочим и мастерам на заводе при массовой безработице вне его был поставлен не во «благовремении» и в разрез с окружающей нуждой безработных, почему и не имел будущности для выдержки забастовки, а мог дать толчок только к началу ее под увлечением массы соблазнительностью темы. Такая игра руководителей движения судьбой массы возбуждением в ней неисполнимых надежд возмутительная особенно по отношению к самой этой массе, умышленно обманутой ее должными друзьями в личных целях ²⁾.

Кроме повышения содержания служащего есть другой путь к улучшению его материального положения,—это удешевление его неотложных расходов. Кое что и делается в этом направлении на заводе по мере сметной возможности,—это различные пособия на лечение и отпуска для всех безразлично, на родины, погребение, свадьбы, обучение детей—для семейных, не считая экстренных пособий по разным несчастным случаям. Но подобных пособий очевидно недостаточно для достаточного благополучия заводского люда; расходы по текущим потребностям его в продовольствии и квартирном помещении остаются необлегченными. Заводская столовая может доставлять хорошую пищу по качеству, дешевизне и количеству не более 1/6 части служащих и приносит облегчение только 15% их и притом только в отношении обеда, а не всего дневного продовольствия. Все потребительские общества, как мне лично пришлось убедиться среди обширной публики, представляют только самообман в дешевизне и не могут по соседству конкурировать с вольной торговлей и ее свободным выбором, и как неверующий в них, не рискую рекомендовать их без больших приплат от завода.

Квартирный же вопрос с отоплением жилья, самый острый для всех городских жителей, а для заводского люда, стремящегося селиться поближе к месту работы, в особенности, так как от этого стремления между нанимателями квартир является конкуренция и добровольное повышение ими цен в соседстве с заводом. Между тем, на квартиру с отоплением заводским

¹⁾ В частности здесь автором записки напрасно опущены данные о наиболее малооплаченных мастерах и учениках. Из подлинных материалов усматривается, что число таковых составляло: по 35 к.—1 чел., по 40 к.—19 чел., по 45 к.—25 чел., и по 55 к.—26 чел., всего вместе с получавшими 50 к. (9 чел.), общее число до 130 чел., т. е. 2,85% всего числа мастеровых.

²⁾ См. предшествующее примечание на стр. 83. Указания начальника завода на «возмутительную игру руководителей движения судьбой массы возбуждением в ней неисполнимых надежд» особого сровержения не заслуживают.

семейным людям приходится тратить нередко около половины своего заработка или тесниться в убийственных условиях, разрушающих людей и их семьи не только физически, но и нравственно. Можно гораздо более делать выбора в расходах на здоровую и достаточную пищу, чем в расходах на квартиру, и потому квартирный вопрос стоит гораздо острее и сам по себе важнее, чем продовольственный. Пособия от завода долгосрочными ссудами для приобретения мастерскими и рабочими дров за круговой порукой—ничтожная капля в океане других потребностей в квартирном помещении. В некоторых случаях даже даровая квартира, напр., мне, моему помощнику и многим другим служащим, не помощь, а прямо систематическое наказание в гигиеническом и нравственном отношении ¹⁾, а потому не всякое кажущееся сбережение на квартире— есть благополучие. Нужны квартиры по средствам и нуждам погребителя, не только безусловно здоровые, но еще удобные и пригодные для достаточного покоя трудящемуся человеку и его семье. Дешевые городские квартиры, за случайными исключениями, не только не приближаются к этим требованиям, но чем дешевле, тем более от них удаляются, становясь, в большинстве случаев нестерпимыми по доброй воле, а не по нужде. Следовательно требуемые образцовые квартиры для служащих и рабочих завода необходимо создать со всеми удобствами как для личной, так и для общественной жизни обитателей.

Этот вопрос меня давно занимал; 3 года назад был сделан подсчет стоимости дома на 3000 квартир, начиная от комнат для совместного жилья двух человек холостых, до квартир в 2—3 комнаты для семейных разного размера, с церковью, лазаретом, сборными для игр детей, беседы и совместной трапезы взрослых, с читальнями, залами для лекций и спектаклей, прачечными, сушильными, садом и двором для игр и прогулок, со школой грамотности, с провизионными и одежными лавками на льготных условиях и т. п., и оказалось, что для постройки такого дома с местом и оборудованием понадобится около 1500 рублей в среднем на квартиру или около 4¹/₂ миллионов на весь дом одновременных затрат. Я не рисковал заикаться о таких больших затратах, пока завод не выпутается из текущих денежных затруднений. При личном свидании в июле с. г. с кн. Святополь-Мирским, которому высочайше поручено было выяснить причины следовавших друг за другом рабочих беспорядков и изыскать меры к их устранению, я настойчиво указывал на дороговизну содержания рабочих на квартирах при угнетающих ум и тело условиях жилья в них, как на одну из главных причин действительно бедственного положения заводского и фабричного люда после изнурительного труда на фабрике, переходящего в изнурительную по нездоровью и нравственному расстройству скорее общую берлогу, чем в уютный покой для отдыха.

То же имею честь повторить и правлению, так как настоятельно нужно беречь и заботиться о тех людях, умом и силами которых держится производительность. Человек только тогда может всецело отдаваться порученному делу, когда он поставлен вне угнетающих забот о своем личном и своей семье существовании. Без удачного решения квартирного вопроса и без обеспечения труженика на старость и в случае болезни достаточными пенсиями или доходами с накопленного для него недвижимого имущества, не может быть поглощения его нашими интересами, которого мы от него не только ожидаем, но и требуем. Все злобы нынешнего рабочего вопроса подтверждаются пословицу: „как аукнется, так и откликнется“ ²⁾.

4) Предлагаемой пунктом 4 заключений докладной записки А. Н. Чиголева отмене обысков, вошедшей в программу требований во время бывших беспорядков на заводе, я вполне сочувствую, как средству недостигающему цели устранить воровство, несмотря на оскорбительность его для обыскиваемых; но считаю возмутительным отдавать судьбу людей и себя на благоусмотрение шпионов. По моему мнению, небольшой риск, если разрешит начальство, отменить его совсем без шпионства, но с созданием взаимного надзора и ответственности сослуживцев материально за исчезнувшие из их учреждения предметы или взыскание ущерба с виновника покражи, если он обнаружится.

¹⁾ Все в мире относительно: даровая квартира, предоставленная служащим, конечно не показалась бы рабочему «прямым систематическим наказанием в гигиеническом и нравственном отношении» при сравнении с тою «скорее общей берлогой, чем уютным покоем для отдыха», как далее характеризует рабочие квартиры сам автор настоящей заметки.

²⁾ Что касается прозорливости автора записки относительно назревших «злюб нынешнего рабочего вопроса», то его прогноз подтвердился и оправдался даже скорее, чем он мог предполагать.

Из истории производств в С.-Петербурге за 18-й век и первую четверть 19-го века.

Две статистические таблицы.—Анализ их.—Кирпичное производство.—Частные и казенные заводы.—Характеристика действий последних.—Пивоваренное и сахарное производства.—Канатные фабрики и причины их неуспеха.—Кожевенные фабрики.—Восковой завод.—Чулочная фабрика Ягужинского.—Культивирование табачного производства Петром I и Екатериною II.—Специфическое производство трубок.—Ситцевые фабрики.—Полотняная фабрика начальника тайной канцелярии Ушакова.—Департамент уделов в роли фабриканта.—Суконные фабрики.—Чугуно-литейные заведения.—Завод Берда.—Паноптика.—Бронзовая фабрика.—Литейный завод на Шлиссельбургском тракте.—Коллежский советник Ладыгин и его перекубы для духов.—Покровительство отечественному сургучу и итальянскому шоколаду.—Борьба с роскошью.—Производство предметов роскоши.—Заработная плата.—Труд малолетних.

Настоящая работа—насколько нам известно, первая попытка в этой области—не является чем-либо законченным, исчерпывающим, претендующим на какие-либо общие выводы и заключения, это только сводка сравнительно обширного, но одностороннего материала, собранного автором. Но все же эта работа до известной степени проливает свет на ту область, которая до настоящего времени все еще ждет своего историка; некоторые своеобразные, чисто-петербургские, специфические условия роста промышленности безусловно выясняются этой работой, ею вносятся новые черточки и детали, даются данные к составлению более правильного общего взгляда.

Главный материал—«извещения», как некогда назывались объявления различных заводов и фабрик, помещавшиеся в «С.-Петербургских Ведомостях» за означенный промежуток времени: эти объявления зарегистрированы если не вполне целиком, то во всяком случае свыше 90%, затем к ним присоединяется, правда, очень небольшое количество архивных данных, извлеченных из архива бывшего морского министерства (не нужно забывать, что в первые годы своего существования Петербург являлся портом, адмиралтейством, но не столицей, и зависел главным образом от морского начальства); далее следует полное собрание законов, описи сенатских указов и некоторые другие источники. В примечаниях точно указывается использованные источники.

Собранные мною данные сгруппированы в две таблицы. В первой (см. отдельный лист) они расположены хронологически по отраслям производства, во второй (см. стр. 89) эти отрасли производств сгруппированы территориально, в зависимости от тогдашнего деления Петербурга на 8 частей: Первую Адмиралтейскую, оставшуюся такою же до последнего времени; Вторую Адмиралтейскую, соответствующую бывшей Казанской части; Третью Адмиралтейскую, соответствующую Спасской части; Литейную, составленную из Литейной и Рождественской; Московскую (соединяющую Александровскую, Каретную, Московскую и Нарвскую) и Василеостровскую, Петербургскую и Выборгскую части, оставшиеся без изменений.

В первой таблице нет итогов, так как помещенные в ней цифры не соответствуют числу тех или иных производств, а лишь числу зарегистрированных мною извещений о том или ином производстве. Этим объясняются пропуски и перерывы в таблице. Например, в графе «Пивоваренное производство» за время с 1789 г. по 1800 г. имеются данные, за годы 1801 и

1802 пропуск, далее опять следуют цифры.—Пропуски за 1801 и 1802 года, конечно, свидетельствуют только о том, что в эти года содержатели пивных заводов по каким-то причинам не поместили объявлений, а вовсе не о том, что с 1801 и 1802 г. в Петербурге не было заводов пивоваренного производства. Весьма понятно, что итоги в этой таблице не заключали бы никаких данных для суждений и заключений. Но, несмотря на это, все же сгруппировка собранных данных в таблице позволяет вывести некоторые обобщения.

Прежде всего обратимся к общему списку производств, заключающему в себе 72 различных производств. Некоторые из них характерны для описываемой нами эпохи. Так, в 1792 году зарегистрировано «соляное» производство—может появиться, конечно, недоуменный вопрос, какую такую соль добывали в Петербурге, но это недоумение вполне удовлетворяется, когда мы прочтем следующее ¹⁾: «от С.-Петербургской казенной палаты объявляется, буде кто желает купить состоящий на Выборгской стороне завод, в котором производилась переработка погоревшей соли, то бы явился в экспедицию Винную и Соляную». Из этого мы видим, что во время перевозки в Петербург соль перегорала, и казенная палата, ведавшая в то время поставкою соли, нашла выгодным учредить даже особый завод для переработки ее. К сожалению, не удалось установить, когда начал функционировать этот один из многочисленных не удавшихся казенных заводов.—Затем в таблице есть еще ряд нескольких непонятных производств. Так, под 1800 годом значится «стальное производство», о котором есть только следующее сообщение ²⁾: «г. г. содержатели стальной фабрики, ныне находящейся в Колтовской, дом Щулепова, для производства работ желают купить место удобней»; быть-может, нижеследующее объявление, датированное тем же 1800 годом, даст объяснение этой стальной фабрики ³⁾: «желающие отдавать мальчиков для обучения делать столовые ножи и вилки»—но это только предположение: может-быть, «стальная» фабрика занималась чем-либо более существенным. Точно также непонятно, какое-то «нашатырное» производство и производство «скупого масла».

Если таблица не позволяет нам учесть количество функционирующих производств, то до известной степени она позволяет определять время возникновения того или другого производства. Вполне естественно, что, открывая новое производство, содержатель его предпринимал меры, чтобы об его предприятии знали, и лучшим средством, конечно, являлась реклама, объявление. А отсюда явствует, что первые годы, под которыми у нас указано то или иное производство, являются в то же время и годами возникновения этого производства. Общий взгляд на таблицу говорит, что возникновение большинства производств надо отнести к концу 80-х и началу 90-х годов 18-го века. До этого времени производства в Петербурге считались единицами.

Анализируя список «производств», мы не можем не обратить внимания на следующее обстоятельство—большинство их принадлежит к кустарным, к заводским производствам; чисто-фабричные производства считаются единицами, и зарождение их относится или к самым последним годам 18-го века, или, что даже чаще, к 19-му веку. Из кустарных производств наибольшее распространение получили те, которые обслуживали двор и аристократию—шелковые фабрики, заведения пудры, румян, парфюмерные и т. д.

Более детальное рассмотрение «производств» мы дадим в дальнейшем изложении, теперь скажем несколько слов о второй таблице. Из этой таблицы оказывается, что в 1-ой Адмиралтейской части зарегистрировано 12 заведений различных производств; во 2-ой Адмиралтейской 23; в 3-ей Адмиралтейской 21; в Литейной 8; в Московской 27; в Василеостровской 31; в Петербургской 24; в Выборгской 12.

Таким образом, самое малое распространение производства имели в Литейной части, которая и до нынешнего времени сохранила тот же характер. Большинство производств сконцентрировалось на Васильевском острове, который долгое время был населен преимущественно иностранцами, а известно, что иностранцы были главными двигателями отечественной промышленности. Затем значительное количество было во 2-ой Адмиралтейской части на вывешней Казанской и Офицерской улицах и Вознесенском проспекте; Казанской в то время звалась Большая или Первая Мещанская; здесь были еще две Мещанские—Средняя и Малая, и эти улицы своими названиями подчеркивали, что жители их мещане, ремесленники, мелкие кустари.

Из 158 зарегистрированных производств, помещенных во второй таблице, 94, т. е. $\frac{2}{3}$ находились на окраинах—на Васильевском острове, Петербургской и Выборгской сторонах и в так называемой Московской части.

¹⁾ Эта библиографическая ссылка и все дальнейшие помещены вслед за настоящей статьей.

Незначительность производств в Петербурге зависела и от общего правительственного взгляда—12 января 1759 года появился указ ⁴⁾: «о воспрещении в ближайших к С.-Петербургу местах учреждать фабрики и заводы». Мера эта вызывалась боязнью, что фабрики и заводы как Петербурга, так и окрестностей, истребят здесь находящиеся леса, и Петербургу будет неоткуда заготовлять для себя отопление. Этот сенатский указ был подтвержден при Павле I, когда 11 мая 1799 г. появилось распоряжение: о неутверждении заводов ближе назначенного указами расстояния от С.-Петербурга ⁵⁾. При такой тенденции правительства обрабатывающая промышленность не могла успешно развиваться в Петербурге, забота о ее развитии относится к более позднему времени.

После таких общих выводов приступим к более подробному рассмотрению некоторых производств, при чем в примечании мы прежде всего поместим собранную нами библиографию в порядке производств, помещенных в первой таблице ⁶⁾. Рассмотрение производств мы сделаем сперва хронологически, начав со старейшего.

В 1714 году императором Петром был издан следующий указ ⁷⁾: «Понеже здесь (т. е. в Петербурге) каменное строение zelo медленно строится от того, что каменщиков того дела трудно и за довольноую цену, того ради запрещается во всем государстве на несколько лет (пока здесь удовольствуются строения) всякое каменное строение, какого-б имени ни было, под разорением всего имени и ссылкой». Принимая такие экстраординарные меры, Петр должен был озоботиться и доставкой материала для каменного строения в Петербурге—нужно было устроить кирпичные заводы, и Вебер говорит в своих записках ⁸⁾: «Множество кирпичных заводов доставляют кровельную черепицу и обожженный кирпич для петербургских построек, хотя материалы эти и оказываются еще не довольно прочны, а так как кроме того известь там нехороша или же изготовляется и потребляется в дело зимою, постройки в Петербурге продолжают беспрерывно круглый год, то неудивительно, что возведенные вновь дома и дворцы в два или три года требуют поправки».

Таким образом кирпичное производство, вызванное жизненною необходимостью, было первым, появившимся в Петербурге. Кирпичные заводы стали устраиваться вверх по Неве.

Первое время заводы эти находились в казенном ведомстве, в ведении так называемой каменной канцелярии, но 9 октября 1713 года появился сенатский указ ⁹⁾: „о продаже кирпичных сараев, построенных от канцелярии каменных дел, частным людям с предоставлением каждому свободы делать кирпичи и продавать по вольною ценою». Из этого указа видно, что в начале кирпичные заводы устраивались в Петербурге частными лицами, затем производство кирпича было монополизировано, но, очевидно, неудачно, и было решено вернуться к частной промышленности, продав устроенные казною заводы. Но и молодая частная промышленность также не могла удовлетворить растущий в то время спрос на кирпичи как для казенных, так и частных построек, и Петр, не отменяя своего распоряжения о частной промышленности, в 1713 году повелел параллельно устраивать и казенные заводы ¹⁰⁾. Этот принцип господствовал в течение всего 18-го века, при чем каждое мало-мальски значительное казенное учреждение, производившее для себя постройки, старалось устроить свой кирпичный завод. Такой порядок—устройство чуть-ли не каждым казенным ведомством своего кирпичного завода—безусловно стеснял частную инициативу; главные каменные постройки производились казною, так как обычно, несмотря на бесчисленное подтверждение воспрещения строить деревянные дома, спокойно строил деревянные хибарки и не на окраинах столицы, а в самых центральных местах. Таким образом, главный потребитель кирпича устраивал свои заводы, конкурировать с ним частному заводчику было тяжело и больших частных кирпичных заводов в 18 м веке было мало.

Вот одно из немногочисленных описаний частного кирпичного завода, относящееся к 1769 году ¹¹⁾: «На Выборгской стороне, на 10-й версте по берегу реки Невы, желалюцим купить мызу с хоронным строением, службами, огородом и прудом: при одной мызе кирпичные заводы, где 7 шатов, 14 печей обжигальных, сарай, 3 избы артельных, банн, кирпича обожженного 300.000, дров трехполенных 300 сотен».

Как видим, завод довольно значительный, при чем для рабочих выстроены 3 избы артельные и бани, такая заботливость была редким исключением. Завод этот принадлежал петербургскому тузу, купцу Гнеушеву, который устроил его между прочим; завод не был главным источником дохода. Гнеушев не представлял собою исключения, подобно ему, попутно с другими

Местонахождение производств.

Производства.	Части города.							Производства.	Части города.							
	Выборгская.	Петербургская.	Васильевская.	Московская.	Литейная.	Первая Адмиралт.	Вторая Адмиралт.		Третья Адмиралт.	Выборгская.	Петербургская.	Васильевская.	Московская.	Литейная.	Первая Адмиралт.	Вторая Адмиралт.
Бронзовое	—	—	0*)	0	—	—	—	Печное	—	0	0	—	—	—	—	—
Булавочное	—	—	0	—	—	—	—	Пивоваренное	0	0	0	—	0	0	—	—
Бумажное	—	—	0	—	—	—	—	Позументное	—	—	—	—	0	0	—	0
Ватное	—	—	—	—	—	—	0 0	Полотняное	0	0	—	—	—	0	0	—
Водочное	0	0	—	0	—	0	0	Помадное	—	—	—	—	—	0	0	—
Восковое	—	0	—	—	—	—	—	Пороховое	0	0	—	—	—	—	—	—
Галантер. вещей	—	—	—	—	—	—	0	Поташное	—	0	—	—	—	—	—	—
Гончарное	—	—	0	0	—	—	—	Прядильное	—	0	—	—	—	—	—	—
Дрожжевое	—	—	—	0	—	—	—	Пудры	—	—	0	—	—	—	0	—
Занавес на колесах.	—	—	—	0	—	—	0	Румян	—	—	—	—	—	—	0	0
Канатное	0	0	0	—	—	—	—	Сахарное	0	—	0	0	—	0	0	—
Карточное	—	—	0	0	—	0	0	Свечное	—	—	0	0	—	0	—	—
Кирпичное	0	—	—	0	—	—	0	Ситцевое	0	0	0	0	—	—	—	—
Кистей рисовальн.	—	—	—	0	—	—	—	Слесарное	—	—	0	—	—	—	—	—
Кожевенное	—	—	0	—	—	0	0	Соляное	0	—	—	—	—	—	—	—
Красильное	—	0	0	—	—	—	—	Стальное	—	0	—	—	—	—	—	—
Красочное	—	—	—	—	—	—	0	Стеклоплавильное	—	—	—	0	—	—	—	—
Кружевное	—	—	—	—	—	—	0	Суконное	0	0	—	0	—	—	—	—
Купоросного масла	—	0	—	—	—	—	—	Сургучное	—	—	—	0	—	—	—	0
Ламповое	—	—	—	—	—	—	0	Табачное	—	0	0	0	0	0	0	0
Ленточное	—	0	0	0	—	—	—	Трубок курит.	—	0	0	—	—	—	—	—
Литейное	—	—	0	0	—	—	0	Укусное	—	—	—	0	0	0	0	—
Макаронное	—	—	—	—	—	0	0	Фарфоровое	0	0	0	0	—	—	—	—
Масла осветит.	—	0	0	—	—	—	—	Фольги	—	—	—	—	—	0	0	—
Мебельное	—	—	—	—	—	0	—	Холстинки	—	—	0	—	—	—	—	—
Медное	—	—	0	—	—	—	—	Цветов искусств.	—	—	—	—	—	—	0	—
Медоваренное	—	—	—	0	—	0	—	Цикорное	0	0	—	—	—	—	—	—
Мельница костян.	—	0	—	—	—	—	—	Часовое	—	—	0	—	—	—	—	—
Мельница крупяная	—	0	—	—	—	—	—	Чугунное	—	—	0	—	0	—	0	—
Мельница мучная	—	—	0	—	—	—	—	Чулочное	—	—	0	0	—	—	—	—
Мельница пыльная	—	—	—	—	—	—	—	Шелковое	—	—	0	—	—	0	—	—
Музыкальное	—	—	0	0	0	0	0	Шляпное	—	—	—	0	0	0	0	0
Мыльное	—	0	—	—	0	0	0	Шоколадное	—	—	—	0	—	0	0	0
Нашатырное	—	0	—	—	—	—	—	Эполетное	—	—	—	0	—	—	—	—
Обойное	—	—	0	0	—	—	—									
Парфюмерное	—	—	—	—	—	0	0									
Пергаментное	—	—	0	0	—	—	—									
Перчаточное	—	—	—	0	—	0	—									
								Всего	12	24	31	28	8	22	23	12

*) Знак 0 обозначает наличие производства.

своими предприятиями, не надеясь на значительные доходы, устраивали кирпичные заводы и другие богатыи того мира. Наиболее значительным по размеру и долее других существовавшим был завод некоего Василия Перфильева, который был мастером на каком-то казенном заводе, а потом открыл и свой собственный, действовавший чуть ли не всю вторую половину 18-го века—мы нашли сведения об этом заводе и в 1768 г. и в 1785 г. Завод помещался около Фарфорового завода ¹²⁾. Затем не мало частных заводов было в слободе Рыбной ¹³⁾; с середины 90-х годов 18-го века мы встречаем указания и на кирпичные заводы немецкой колонии Саратовки ¹⁴⁾. Устраивали заводы не только купцы и крестьяне, но и чиновные люди; так, «на кирпичных генерал-майора Бороздина заводах имеется в готовности кирпич до 800.000 штук» ¹⁵⁾.

Но опять-таки, повторяем, деятельность частных заводов не могла сравняться с деятельностью казенных и, главным образом, известных под названием «Невские заводы», т. е. расположенных около Александро-Невского монастыря. Эти заводы были устроены Федором Соловьевым; на них производилась выработка кирпича для главных казенных построек и для частной продажи; администрация этого завода была снабжена особыми правами надзора за частными заводами. Конечно, можно предположить, что этот завод представлял не коммерческое учреждение, а что-то в роде особой кирпичной канцелярии, особенно в первые годы своего существования.

В 1723 году в Петербурге на Литейной стороне возникли постоянные дворы, в которых нужно было устроить печи. И сочиняется в петербургской гарнизонной канцелярии следующая прерория: «От С.-Петербургской гарнизонной канцелярии в канцелярию над строением. По его императорского величества указу и по присланному ордеру за подписанием светлейшего римского и российского государств князя... санктпетербургского, военной коллегии президента Александра Данилова Меншикова: строится при Санкт-Петербурге, на Московской стороне, к прежним в добавок еще постоянные дома да две бани, для кладки печей надобно зженого доброго кирпича двадцать две тысячи. И об отпуске оного числа кирпича по приеме за них по цене почему на заводах становяца денег канцелярия над строением заблаговодить учинить по его императорского величеству указу» ¹⁶⁾. Таким образом, для того, чтобы получить 22 тысячи кирпича, т. е. произвести расход не более 40 р. (по ценам того времени), потребовался указ самого Петра и ордер князя Меншикова.

Конечно, с течением времени порядок сношения несколько облегчился: то или иное учреждение посылало запрос уже не в канцелярию от строений, но прямо в контору кирпичного завода; затем требование на кирпич исходило или от начальствующего над учреждением, или даже от архитектора, но все же «бумажное производство» слишком стесняло деятельность кирпичных заводов. Особенно тяжела была уплата денег после получения кирпича; учреждения платили туго, оставался по много лет должниками кирпичного завода, поэтому последний всегда был стеснен в оборотных средствах и, следовательно, не мог расширить своей деятельности.

Процесс самого производства на кирпичном заводе был таков. Каждую осень канцелярия помещала объявление в «С.-Петербургских Ведомостях» подобно следующим: «На ново-невские кирпичные и черепичные заводы для дел кирпича и черепицы к предбудущему 1744 году потребно мастеровых людей до 500 человек, того ради желающие оное число мастеровых поставить явятся на заводы» ¹⁷⁾. Несмотря на заблаговременный вызов рабочих людей, невские заводы терпели большое затруднение: «Хотя из дальних мест на невские кирпичные и черепичные заводы и подряжено до 600 человек, однако уповательно, что они к означенному сего 1756 года маю 1 числа не будут, как они прежде делали, хотя им при выдаче на задаток денег и накрепко подтверждаемо было: чего ради желающим делать оный кирпич явиться в конторе тех заводов немедленно» ¹⁸⁾. Какою патриархальностью веет от этого извещения и как хорошо выражалась контора невских заводов—«однако уповательно, что они не будут».

После найма рабочих контора извещала, что на дело кирпича и черепиц потребно выкопать глины несколько сот куб. «и теми, кто из оных людей для валки той глины желает подрядиться посетенно, может явиться в контору» ¹⁹⁾. Вслед за заготовкой глины приступали к заготовке дров для обжига, а затем уже вызывали кирпичеобжигателей, т. е. тех лиц, которые взялись бы обжигать сделанный на заводах кирпич. Наконец, кирпич был готов и поступал на рынок. Нам удалось составить нижеследующую таблицу цен за 1000 кирпичей.

В 1741 году . . .	2 р.	В 1749 году . . .	от 2 р. 25 к. до 2 р. 50 к.
" 1747 " . . .	3 р. 40 к.	" 1750 " . . .	2 р. 25 к.
" 1748 " . . .	3 р. 30 к.	" 1756 " . . .	2 р. 30 к.

1758 году	от 2 р. 15 к. до 2 р. 75 к.	В 1775 году	от 2 р. 65 к. до 3 р. 40 к.
1761 "	3 р. 80 к.	" 1776 "	4 р. 10 к.
1764 "	1 р. 85 к.	" 1779 "	5 р. 70 к.
1767 "	3 р. 40 к.	" 1782 "	4 р. 98 к.
1770 "	от 1 р. 81 к. до 2 р. 70 к.	" 1784 "	6 р.

Резкое падение цен в 1764 г. (1 р. 85 к.) объясняется тем обстоятельством, что к 1761 году кончилась в Петербурге постройка Зимнего дворца, и с восшествием Екатерины II на престол начались еще ее усиленная строительная деятельность. Первые годы своего царствования Екатерина II, как известно, считала свое положение непрочным, опасаясь возможных переворотов, но как только политический горизонт прояснился, императрица приступила к строительству, и цена кирпича с 1 р. 85 к. (1764 г.) поднялась до 3 р. 40 к. (1767 г.).

Такие же цены существовали и на частных заводах. С ними казенные заводы вступали конкуренцию, и мы находим ряд указаний, что контора невыходных заводов очень лаконически подеркивала в своих извещениях, что у нее «продается кирпич казенной добротой лучше делавого от партикулярных заводчиков», или делала пространное объяснение превосходству своего казенного кирпича, и наконец, извещала, что в конторе имеется «образцовый» кирпич, «за ечатью», с которым обыватель мог сравнивать кирпичи, изготовляемые на частных заводах, если эти кирпичи разнились от образцового, то покупатель мог отказаться от покупки. Но, конечно, этот образцовый кирпич был вполне «бумажного» происхождения, и частные заводчики делали кирпичи такие, какие хотели. Но во всяком случае эти первые попытки регламентации производства, при чем эту регламентацию должен был производить конкурент частных заводчиков—казенный завод, нельзя не отметить как характерное явление, свойственное русской действительности 18-го века.

Несколько позже в Петербурге возникли одновременно два производства «пивоваренное» и «сахарное».

Пиво в начале 18-го века являлось и медицинским средством и необходимою принадлежностью стола моряков. Каждый корабль снабжался определенным запасом пива. Весьма понятно поэтому, распоряжение Петра Великого о постройке на Выборгской стороне, недалеко от госпиталей, казенной пивоварни. Эта казенная пивоварня, как видно из одного документа, датированного 2 апреля 1720 года, имела довольно значительные размеры, а именно мы читаем ²⁰⁾: «Для варения пива во флот голландским мастером построить каменную солодовню в линию с саменной пивоварнею, которая построена на Выборгской стороне, да по сторонам той пивоварни и солодовни в гору построить деревянных погребов на 600 бочек».

Что же касается частных пивоварен, то две из них, долгое время бывшие в Петербурге и пользовавшиеся известностью, возникли сравнительно рано: о Калашниковской пивоварне упоминается в 1746 году ²¹⁾: «против Малой Охты лежащей дом и пивоварню со всем строением желающие купить». Калининская пивоварня появилась лет на 10 позже, по крайней мере в 1756 году велено было собрать сведения ²²⁾, с чьего разрешения отведено место купцу Кириллу Попову под пивоварню у Калининского моста. Но, кроме таких больших общественных пивоварен, существовали маленькие, хозяйственные пивоварни, которые устраивались у больших созинов Петербурга. Дом такого хозяина, особенно на окраине на Петербургской стороне, в последних линиях Васильевского острова, где-нибудь в Коломне, долгое время напоминал усадьбу помещика—дом, окруженный садом, двор, наполненный различными хозяйственными постройками, между ними бывала и маленькая пивоварня, на которой варилось пиво для собственного употребления. С течением времени оказывалось выгодным сдать эту пивоварню какому-нибудь иностранцу, который и начинал варить пиво уже на продажу. Конечно, обороты этой пивоварни были более чем ничтожны, функционировала эта пивоварня очень не постоянно и одною ее особенностью было и то обстоятельство, что владелец ее варил на ней пиво и желающим из их материала ²³⁾.—«На Фонтанке у Чернышевского перевоза в Гнеушевском доме варится самое лучшее пиво и поливно искусным мастером, желающие из своего солода варить могут ныне во всякое время указною мерою, т. е. меньше $\frac{1}{4}$ вари получить». Цена такого пива в 60-х годах 18-го столетия была следующая ²⁴⁾: «Варя пива из 8 четвертей солоду без гущи 36 рублей, а поливива из 7 четвертей 32 рубля». Кроме пива продавалась и «гуща», так корм для скота. Приведем еще одно объявление, являющееся до известной степени харак-

теристикой описываемого нами времени. 14 октября 1771 года появились нижеследующие строки ²⁵): «у директора Иван Родионовича сын Чиркина на пивоварнях будут в исходе ноябр сего 1777 года варить пиво и полпиво, желающие заказывать оное варить, благоволили бы нынешнем месяце присылать деньги на покупку хмеля и хлеба, ибо он, Чиркин, от бывшего на острове пожара понес большой убыток, а в принятии денег будет он давать своеручны росписки. Цена пиву из 8 четвертей вари без гущи 36 р., а полпива 26 р.». Такой своеобразный кредит едва ли часто практиковался ²⁶).

Первый сахарный завод в Петербурге возник на той же Выборгской стороне в 1718 году его построил московский промышленник Вестов. К сожалению, нам не удалось определить, как долго Вестов содержал этот завод, и продал ли он его английским купцам Меню и Стефенсу (по написанию того времени Штевенсу), или последние открыли этот завод самостоятельно но уже в 1751 году ²⁷) ²⁸) Стефенсон продавал „черную патоку пудом и полпудами ценою пуд 1 рубль“—менее чем в 10 лет цена на патоку сильно возросла, так как в 1743 году на той же Выборгской стороне на заводе патока продавалась «несколько пуд по 40 алтын» ²⁹). Затем с 1756 года, вплоть до царствования Павла, на Васильевском острове, на 11 линии функционировал сахарный завод Каванаха ³⁰),—дом этого заводчика Павел I приобрел для Морского кадетского корпуса; в 1764 году есть упоминание о сахарном Володимировом заводе на Московской стороне ³¹).

Производительность сахарных заводов мы, к сожалению, не можем определить. Нам удалось только наткнуться на такие сведения: «в 1824 году «на Вас. остр. 4 кв. в 14 линии продавался вновь выстроенный сахарный завод № 460, в котором ежегодно варится от 50 до 60 т. пудов сахара» ³²) и в 1800 году ³³) «на Выборгской стороне на Малой Неве реке продавалась сахарная фабрика со всеми принадлежностями, посудой и инструментами, при оной фабрике людей, мужеска пола 10, женского 4 души»—очевидно, эти люди были приписаны к фабрике.

В 1822 году ³⁴) появилось извещение такого содержания: «Поелику публика давно уже желала иметь рафинад, который бы очищался без крови и костей, то я, опытами своими, успел дойти до того, что приготавливаю сахар без оных вещей. Г.г. купцы и фабриканты могут лично в нем удостовериться на моей фабрике, и, если пожелают, то я каждому согласен дать наставление. Карл Кан, сахарный фабрикант, Выборгская сторона 1 кв. д. № 25».

Безусловно в этом объявлении можно найти отголосок существовавшего среди не только петербургского, но вообще русского обывателя убеждения, что сахар делается помощью собачьих костей и потому он «поганен», и православному христианину нельзя его употребить.

На Выборгской стороне зародились и канатные фабрики, которые не могли успешно развиваться, так как главный потребитель канатов—морское ведомство—в течение всего 18-го века обладало своим канатным заводом, помещавшимся между нынешними Красною (Галерною) улицею и Бульваром профессиональных союзов (Конногвардейским бульваром). Размер этих канатных заводов до некоторой степени определяется нижеследующими данными:

«В 1755 году продавался «на Выборгской стороне двор английского купца Фр. Гарднера с канатным заводом, оцененный в 700 р.» ³⁵), эта оценка позволяет до некоторой степени судить о размере производства, которое за 18-ый в. безусловно увеличивалось, так как в 1792 г. «на Выборгской стороне вверх по берегу Невы реки подле мызы Его Сиятельства графа Александра Андреевича Безбородки продается или в наем отдается о двух этажах канатная фабрика» ³⁶). Понятно, что в двухэтажной фабрике производство было гораздо значительнее.

Вместе с вышеуказанными фабриками возникли также и кожевенные, которые избрали своим местопребыванием известную и в настоящее время Кожевенную линию на Васильевском острове; приблизительно в 80-ых годах 18-го столетия, по крайней мере, в 1792 году, эти места звались «ново-кожевные», как видно из следующего извещения ³⁷): «Продается каменная кожевенная более вежли на 30 сажень простирался Иогана Кестнера фабрика на Васильевском острове в новокожевных местах, а сверх оных разные принадлежности той фабрики, как то более 300 чанов с железными обручами».

Как видим, в это время, т. е. к концу 18-го века, производство достигло уже значительного размера, когда могла появиться фабрика с 300 чанов. И в развитии кожевенной промышленности есть одна очень интересная черточка. Одной из первых кожевенных фабрик должна считаться фабрика иностранца, по всей вероятности немца, Христофора Рихтера. Она помещалась где-то по Фонтанке, около места, ныне занимаемого Комиссариатом путей сообщения в бывшем доме кн. Юсупова. Возникла она или в конце 30-тых годов 18-го века, или в начале 40-ых, так как в 1742 году³⁸⁾ Рихтер уже продавал свою фабрику. Но назначение этой кожевенной фабрики было особенное—на ней изготовлялась не просто кожа, а «пожарные кожевенные ведра»³⁹⁾. Это обстоятельство и позволяет предположить, что фабрика Рихтера возникла после громадных пожаров Петербурга 1736—1737 года, когда спохватились и решили, хоть на будущее время, иметь в достаточном количестве «пожарные ведра» и, видимо, поощрили для этой цели иностранца, которому, конечно, выдали надлежащую субсидию.

Совсем особняком стоит в Петербурге появившийся также в 1719 году особый завод, специфическая принадлежность 18-го века и вместе с ним исчезнувший; мы подразумеваем—восковой завод. Воск в 18-м в. играл громадное значение в обиходе, заменяя современное электричество и газ; воску шло для царских дворцов громадное количество, так «про дворцовый расход в нынешнем 1744 году и впредь про запас потребно желтого воску 500 пудов»⁴⁰⁾.

Уже 10 ноября 1719 года Петром Великим было издано распоряжение о переводе в С.-Петербург восковых белильных заводов, бывших на Ижоре⁴¹⁾—нужно думать, что для этих заводов отвели место на Петровском острове, но крайней мере в 1752 году на Петровском острове был построен деревянный восковой завод, который перестроили в 1777 году в каменный⁴²⁾, а в 1792 году пристроили еще один каменный корпус, постройка которого по смете должна была обойтись в 5135 рублей⁴³⁾. Значительность этой суммы показывает, что флягель был пристроен обширный, что вообще постройки делались так, чтобы производство можно было вести в очень большом масштабе—но это производство имело вполне определенную цель: оно служило лишь дворцу, на рынок воск с этого завода не выпускался, конечно, легальным путем: нелегально, нужно думать, шло не мало. Завод этот функционировал до 5 декабря 1836 года, когда, наконец, была признана его ненужность⁴⁴⁾ 45).

Возникновение вышеописанных производств в первые годы жизни Петербурга вполне естественно и не требует дальнейших пояснений: эти производства удовлетворяли такие потребности жизни, которые требовали немедленного же удовлетворения. Но если обратиться к нашей первой таблице, то мы не можем не высказать удивления, почему одной из наиболее скоро удовлетворенной потребностью было открытие фабрики для производства чулок.

Фабрика эта открылась в 1738 году 28 ноября⁴⁶⁾, при чем открыл ее не простой иностранец, а большой русский барин, один из деятелей Петра Великого, граф Ягужинский или, как писали в то время, Ягушинский, бывший в то время одним из самых богатых вельмож Петербурга. Почему этот вельможа открывает чулочную фабрику, для которой отводит один из своих многочисленных домов Петербурга (на 23 линии Васильевского острова), остается вопросом без ответа. Может-быть, граф Ягужинский содействовал новой моде—башмакам с длинными чулками, может-быть Ягужинского натолкнул на мысль открыть чулочную фабрику какой-нибудь из иностранцев, видевший, что это производство даст значительный барыш. Фабрика первое время, видимо, функционировала очень успешно, но затем—сын графа Ягужинского сумел в очень короткий срок спустить все приобретенное отцом—попала в конкурс, и последнее сведение о ней мы нашли в 1785 году, когда был назначен вторичный торг этой фабрики⁴⁷⁾. Оборудована фабрика была, надо полагать, по последнему слову производства, по крайней мере, в 1768 году за нее давали арендную плату «свыше 6.000 рублей»⁴⁸⁾, и производство ее заключалось в следующем⁴⁹⁾: «продаются самого хорошего мастерства разных померов шелковые чулки, коленки, галстуки, штаны, перчатки, нарукавники и котелки»; «котелки» было принадлежностью 18-го века—котелком называлась особая очень тонкая сетка, которую наши прабабушки одевали на волосы, чтобы предохранить затейливо исполненную крестным парикмахером прическу—à la «кораблик», или «ежом», или в какой-либо иной форме.

Точно также рано началась забота и о другом производстве, удовлетворение которого не вызывалось неотложною нуждою—мы подразумеваем «табашное» производство, о нем заботился и Петр I, и старавшаяся ему подражать, но крайней мере, в мелочах, Екатерина II.

В 1714 году появилось распоряжение «об отпирвке из Азовской губернии в петербургское адмиралтейство 5000 пудов черкесского табака»⁵⁰⁾—табак отпирвали, но что с ним делать, в Петербурге не знали; видимо, этот табак сгноили и в 1716 году прибегли к другой, очень обыкновенной в то время мере.—«о присылке из Голландии в Санкт-Петербург табашного мастера с инструментами и подмастерьями для переделывания его царского величества черкесского табака на голландскую манеру»⁵¹⁾. В том же 1716 году приехал табашный мастер Абрам Кейзер⁵²⁾, и велено было сделать распоряжения «об оказании помощи и покровительства» этому приезжему иностранцу⁵³⁾, который должен был не только сам делать русский табак на «голландскую манеру», но обучить этому производству и русских. При Екатерине II таким же покровительством пользовался почему-то иностранец Буте⁵⁴⁾, которому 17 августа 1766 года было разрешено продавать под гербом ее величества⁵⁵⁾.

Табачные фабрики находили для себя более удобным располагаться в центре города, по главным улицам, поближе к потребителю. Так, «Табашная фабрика и принадлежавшая к ней лавка, бывшие в Милутиновом доме, переведены в Малую Миллионную дом № 73»⁵⁶⁾ или «Табашная под фирмою Плейо и К^о мануфактура, бывшая на Васильевском острове, 9 линия, дом Косиковского № 82, переведена близ Каменного моста, дом Воробьева № 143. В оной попрежнему изготовляется всех сортов как российский, так и иностранный табак лучшей доброты и по сходным ценам, при сем случае Плейо и К^о изъявляет свою благодарность друзьям и почтенной публике за оказанную им доселе благосклонность, которую и впредь заслужить они приложат всякое старание»⁵⁷⁾.

Вместе с табашным производством—не забудем, что делался, главным образом, табак и сигары, папирсы не были еще изобретены,—было связано особое производство, в настоящее время не могущее существовать самостоятельно, а в то время сильно процветавшее—а именно изготовление курительных трубок. Изготовление это разбивалось на две стадии—самое изготовление, производство, так сказать, и затем на подготовку трубки к процессу курения.—«Гирш Пзак, обдывающий курительные трубки, сим уведомляет, что он квартиру свою переменил и живет ныне на Васильевском острове в 5 линии дом № 197. Он обрезывает, как новые, так и окуренные уже трубки по желанию каждого и принимает оныя также для починки»⁵⁸⁾. Сама же фабрика «глиняных курительных трубок», на сколько мы могли установить, с 1808 года⁵⁹⁾ вплоть до 1825 года⁶⁰⁾ помещалась на Петербургской стороне в Колтовской д. № 159 и на ней продавались «разного сорта глиняныя трубки на манер голландских»⁶¹⁾.

Перейдем теперь к рассмотрению полезных—если так можно выразиться—производств и начнем с ситцевого производства. Первая специальная ситцевая фабрика была основана в Мюльгаузене братьями Кехлин в 1746 году, первая таковая же появилась в Англии в 1763 году, а в 1760 году⁶²⁾ «от Мануфактур-конторы сим объявляется, что всякого чина люди ситцев, выбоек и полотен набивных, печатанных на бумажных и льняных полотнах, также и платков разных цветов кои делаются на фабрике Козенса и состоят ценою не свыше 70 копеек, кроме печатанных синиею краскою на масле, за учиненным от правительствующаго сената запрещением не делали и не продавали под опасением по указам штрафа».

Как видим, у нас была введена монополия для фабриканта Козенса, и весьма понятно, что, несмотря на более раннее, чем в Англии, появление ситцевой фабрики, эти последние не могли развиваться, надо было выжидать срока привилегии.

Первое указание на ситцевую фабрику мы нашли в 1786 году; она помещалась где-то на Выборгской стороне⁶³⁾; затем в 1792 году: «немец, который несколько лет в иностранной земле управлял ситцевою и выбошною фабриками, был заводчиком оных и которой все потребные к заведению, печатанию и составлению красок знания имеет и с оными сопрягает (т. е. соединяет) искусство печатания на бумаге, холсте и мусселине для желетов и для больших дамских восьмонок, также нужные сведения торговли и разумение французского и английского языков, предлагает в управлении, так и заведении фабрик свои услуги, кои на самом опыте докажут истинну его знаний. Требуемая им плата по важности дел умеренная. Подробнейшее о

сем уведомление получите в Морской в доме Гишпанского Генерального Консул Коломба от купца Пауля Пелтера»⁶⁴⁾.

Появление этого уведомления безусловно свидетельствует, что возник спрос на ситцевые фабрики и в 1794 г. на Петербургской стороне «за Инженерным корпусом на ситцевой г. Броувера фабрике продаются партиями на той же фабрике отделанныя и ни в чем английским и другим заморским сего рода товаром ниже в узорах, ниже в живности красок, не уступающие ситцы»⁶⁵⁾. Несмотря на такое уверение, что ситцы Броуверской фабрики «ниже в узорах, ниже в живности красок» не уступают заграничным ситцам, фабрика эта просуществовала всего три года. В 1797 году⁶⁶⁾ появилось такое длинное объявление о продаже фабрики: «На Петербургской стороне, на устьи малой Невки, против Петровского острова продается и в откуп отдается дача купца Броувера, принадлежащая пред сим покойному гоф-банкиру барону Фридриху (предок последнего министра двора), на котором месте, как в каменных, так и в деревянных строениях, во всей исправности на 20 станов основанная Ситцевая фабрика, со всеми к ней принадлежащими инструментами, как то: медными большими котлами, медными валами и медными для тиснения досками и несколько сот вырезанных на грушевом дереве новейших узоров и довольное количество запасенных лучших красочных материалов и несколько тысяч аршин на оной фабрике напечатанных выбоек, полуситцев, и ситцов, новейших узоров и отменного бордюру для обоев. Сие обширное место обнесено каменною стеною по фасаду более 130, а поперечнику более 60 сажень, включая в себе планированную землю для отбелики и сенокосу более 8 т. кв. сажень».

На смену этой фабрики в 1799 году появилась новая на Выборгской стороне⁶⁷⁾: «На Выборгской стороне, по малой Невке продается ситцевая с 26 печатными станами, 570 станами, разными образцами ситцев, выбойки, пресом, котлами и прочими принадлежностями дача, под которой место 100 сажень длины и 62 сажени поперечнику и к ней сверх того принадлежит 13 жилых строений». Об этой фабрике мы находим указания в 1800 году⁶⁸⁾ и в 1801 году⁶⁹⁾ и надо думать, что о ней же, но уже с указанием имени владельца, упоминается в 1802 году⁷⁰⁾, к которому относится такое указание: «На ситцевую Сигмунда Нисселя фабрику, состоящую на Выборгской стороне насупротив Аптекарского острова и возле дому купца Перлера, принимаются для печатания ситцев, полуситцев и выбойки, равно как и таковая же цветная материя для навождения на оных лоску». Затем, за тот промежуток времени, который мы исследуем, встречаются еще две фабрики. В 1805 году⁷¹⁾ на Васильевском острове, 2 линия о 50 станях, какого-то Андреаса Тома и в 1808 году⁷²⁾ там же, на Васильевском острове, но уже в Гавани.

Мы находим некоторые данные относительно рабочих на ситцевых фабриках. Но так как данных о положении рабочих очень немного, то мы соединим их в конце нашей работы.

Полотняная фабрика появилась в Петербурге очень рано: и владельцем и основателем ее был известный страшный деятель бывшей тайной канцелярии (впоследствии граф) Андрей Иванович Ушаков. Мы читаем в 1744 году⁷³⁾: «Его превосходительства Андрея Ивановича Ушакова полотняная и парусная фабрика на Охте, при устье реки Малиновки, стоит ныне праздно».

Как видим, в 1744 году фабрика уже прекратила свое действие; кажется, в 1765 году⁷⁴⁾ она перешла в руки известного петербургского купца и фабриканта Чиркина, который изменил несколько ее производство, а именно: «С петербургского купца итейных сборов директора Ивана Чиркина на фабрике в С.-Петербурге на Малой Охте делаются на продажу хорошего мастерства на полотно настольные и обойные, травчатые, также зеленого, черного и прочих цветов вошенка, половые брезенты и разных манеров бумажные шпалеры».

В конце 18-го века в Петербурге стала заводиться казенная полотняная фабрика, ее устраивал департамент уделов, только что созданный в то время и желавший на первых же порах проявить свою деятельность. В 1748 году⁷⁵⁾ «желающие подрядиться к построению на полотняной фабрике до 60 станов с жилыми покоями каменного корпуса, явились бы в департамент уделов» — рабочими на этой фабрике должны были быть воспитанники воспитательного дома, и эта фабрика, кроме того, что спасая незаконнорожденных от гибели — нищенства и тунеядства, должна была заботиться о прогрессе производства. Конечно, в результате не обнаружилось ничего, и фабрику пришлось «за убыточность» закрыть.

Как Выборгская сторона была колыбелью кирпичного, пивоваренного, канатного и кожевенного производств, так на Петербургской стороне, кроме уже указанного ситцевого производства, зародилось и суконное.

Земельные участки на Петербургской стороне были вообще сашком велики: на Большой Пушкарской, например, продавался каменный дом с местом в три тысячи квадратных сажень, тут же, где-то помещалось огородное место такой значительной величины, что ему было дано даже особое название—«Розенгоф». Один из таких громадных участков, на котором впоследствии находился лицей, был отведен под суконную фабрику. В разысканных нами данных сохранились имена трех владельцев таких фабрик, но мы полагаем, что это были не владельцы трех различных фабрик, а одной и той же, переходившей путем продажи. Первый владелец и, надо полагать, основатель фабрики барон фон-Штеин в 1760 году⁷⁶⁾ вызывал «желающих работать из полы ткачей и ткальщиц», «прядильщиков и прядильщиц», но, очевидно, таких рабочих было мало, фабрика не пошла, и барон Штеин продал ее архитектору Фростинбергу, в свою очередь переуступившему барону Вульффу; последнему удалось и фабрику и свой громадный земельный участок продать Екатерине II, которая на приобретенном участке решила открыть «осенный дом»; понятно, что фабрика должна была перестать функционировать, хотя она еще действовала в 1763 году⁷⁷⁾.

Затем с 1779 года⁷⁸⁾ у нас появляются сведения о какой-то суконной фабрике на Охте; эта фабрика также довольно часто меняла владельцев, по крайней мере в 1816 году тогдашний ее владелец Никонов продал барону Ралю, одному из крупных дельцов Александровского времени, а барон Раль вскоре перепродал ее также сиятельному владельцу графу Комаровскому⁷⁹⁾; в 1823 году фабрика сгорела⁸⁰⁾, но владелец ее мог ее возобновить,—однако, в конце концов, граф Комаровский разорился на своих аферах, и имущество его пошло с молотка.

Затем в 1824 году появляется какая-то суконная фабрика близ Екатерингофа⁸¹⁾, и в 1809 году была заведена суконная же фабрика при рабочем доме⁸²⁾ — арестанты должны были работать на этой фабрике, но из этой затеи ничего не вышло. Укажем еще на фабрику двух французов, выписанных из Франции с специальною целью завести фабрику волосяных материй, употребляемых к обивке мебели⁸³⁾.

Конец 18-го века и начало 19-го ознаменовались для Петербурга основанием в нем чугунолитейных заводов. Первыми были совершенно неизвестные нам заводы, помещавшиеся где-то на Лиговке, о которых имеется известие от 1794 года⁸⁴⁾.

Затем в 1800 году⁸⁵⁾ был выстроен на «Васильевском острове, 5 квартал, на Чекушах вновь чугунный литейный завод», почему «желающие заказывать что либо из чугуну, как то: кухонные и очаговые доски, разную посуду, могут на него обращаться». Из перечисления предметов выделки этого завода, можно, пожалуй, заключить, что он называл себя «заводом» по ошибке, из самохвальства, на самом деле это была незначительная мастерская для выделки чугунной посуды. Но к этому же году⁸⁶⁾ относится учреждение первого большого настоящего завода—это завод известного Берда⁸⁷⁾. О заводе Берда нужно и можно написать целую монографию; этот завод у нас был долгое время инициатором во многих предприятиях; достаточно указать хотя бы на пароходы — первые пароходы вышли с этого завода; чугунные тумбы, стоящие у петербургских протуаров, также изделия (конечно, не все, но многие) того же завода. Завод Берда не имеет уже того характера «кустаря» или «случайной затеи барина» — как ранее нами описанные заводы, это была первая или, по крайней мере, одна из первых засточек настоящего капиталистического производства, уже закладывавшего первые начатки на российской почве.

К числу механических заводов относится одно из начинаний царствования Александра I,—начинаний, носящих совсем не русское название—Папoptический Институт⁸⁸⁾. В конце 1805 года в морском министерстве возникло предположение об устройстве в Петербурге механического инструментального завода для флота, под руководством прибывшего из Англии бригадира Вентама. Его предложение, одобренное морским министром, заключалось в том, чтобы основать институт для образования искусных механиков по всем техническим работам, до флота касающимся, и образцового завода, где бы выделывались всякого рода инструменты, машины и вообще изделия, необходимые в морском деле. Здесь предположено было сосредоточить приготовление физических, оптических и математических инструментов, компасов, парусных полотен, выделывание кож, помп, разной обуви, шляп, разных одежд; кручение веревок, вообще, все работы существенной для флота и частного мореходства необходимости; сюда же предполагалось перевести и морскую типографию.

В институте назначено было преподавать: сверх чтения, письма, арифметики и черчения, физику, математику, некоторые высшие науки и свободные художества, как-то: рисование и скульптуру. Институт должен был принимать для воспитания детей всякого происхождения и звания, начиная с 7-летнего, и продолжать их воспитание и обучение до 22-летнего возраста; по достижении воспитанниками этих лет, от воли родителей или начальства зависело бы оставить их на дальнейшее время в Институте для продолжения работ и усовершенствования в разных искусствах или взять обратно для определения на места по умотрению. Но строившееся для института здание (стоившее свыше 400 тысяч рублей) сгорело в 1818 г., и на этом дело кончилось.

Восемнадцатый век оставил нам память устройством бронзовой фабрики⁸⁹⁾. Фабрика устраивалась, как писали в 1782 г.⁹⁰⁾: «здесь по Высочайшему повелению на Васильевском острове на берегу Невы на 19 линии и ныне действительно производить разную бронзовую работу с позолотою и без позолоты, как казенную, так и партикулярную с хорошим искусством и при том весьма дешевле выписываемой из чужих краев. И как заведение оной фабрики уповательно многим еще не известно, то сего дня и публикуется, дабы желающие отдавать такую работу явились бы в экспедицию бронзовой фабрики или бы прислали в оную письменное требование и при том модели или самыя бронзовыя штуки, по которым фабрика делать будет. Что же принадлежит до цены, то оплата партикулярным работам получасема будет также самая, в каковую и казенные со всеми материалами, инструментами, платежом за работу ставиться со взятием только сверх того цены на содержание фабрики не свыше 12% с рубля».

Несмотря на такое обращение к публике, несмотря на то, что работы на фабрике производились не только образцово, но высоко художественно, фабрика не могла себя окупить, и 27 июня 1789 г. последовало узаконение⁹¹⁾ «о употреблении на содержание учрежденной в С.-Петербурге бронзовой фабрики ежегодно 4166 р.». Но не помогла и эта ассигновка, и бронзовая фабрика испытала участь, подобную почти всем нашим казенным начинаниям—она закрылась.

Наконец, 25 июня 1825 года был заложен на 7-й версте Шлиссельбургского тракта казенный Литейный завод⁹²⁾.

Из ряда производств, помещенных в первой таблице, укажем только на некоторые, имеющие какие-либо характерные для 18-го века черты.

Добывание духов в то время представляло собою дело «особливого достоинства», и 9 июля 1781 года⁹³⁾ в обыкновенном собрании С.-Петербургской Императорской Академии Наук представлена была изобретенная «господином коллежским советником Дмитрием Михайловичем Ладыгиным для гонки спиртов, благовонных вод и масел машина, которую он назвал перекубом. «Сия машина освидетельствована господами академиком Лепихиным и адъюнктом Георгием и в рассуждении простого и с намерением согласного состава оной найдено особливо похвалы достойною. По чему она охотникам для гонки спиртов, душистых вод и благовонных масел преимущественно рекомендуется. К употреблению же сей машины мало труда и издержек требуется. И как она содержитя зажеженным в ней винным спиртом, всегда одинаковую лампадную теплоту, то действие ее должно быть всегда одинаково и верно, что особливо при гонке уважается». Коллежский советник Ладыгин усиленно рекламировал свою машину, свой «перекуб» и также продавал различныя эссенции, добытые этим перекубом.

Иностранец же Франц Симон Рисару «намерен с платою 5 рублей за выучку каждого сорта, учить делать сургуч 30-ти сортов»⁹⁴⁾. Как видим, производство сургуча в то время считалось производством в достаточной степени сложным—полная выучка обходилась в 150 рублей.

Одно время—60 и 70-ые года 18-го века, как это видно из таблицы, усиленно распространялось производство карт: карточные фабрики, освобожденные от акциза, росли как грибы после дождя, и «на карточной фабрике в Луговой Миллионной д. № 66 сверх обыкновенных карт можно еще получать карты о двух головах (очевидно, современные) и такой доброты, каковой еще здесь не бывало, си же и обыкновенные карты продаются по 3 р. 50 к. дюжина»⁹⁵⁾.

Отметим еще, что с конца восьмидесятых годов 18-го века⁹⁶⁾ в Петербурге усилилось производство шоколада, при чем производство шоколада обыкновенно соединялось и с торговлею другими продуктами⁹⁷⁾: «Его императорского высочества шоколадный фабрикант М. Цакориа, приехавший недавно из Турции, живший до сего подле католической церкви, переменил свою квартиру и пересел ныне в дом покойного г.-фельдмаршала князя Голицына. У него же можно

получать самой лучшей доброты шоколад с ванилью и без оной, колосовое и дубское масло, итальянские минеральные краски, черный карандаш для разных чертежей, также шитые платья». Цена шоколада сильно колебалась—«цена ему неодинаковая и по различию его сорта фунт продается от 80 к. до 5 и 6 р.»⁹⁸⁾.

Относительно шоколадного производства покровительство не выражалось чем-либо особенным, — лишь разрешением фабриканту шоколада называться поставщиком его императорского высочества, но не величества, как это видно из вышеприведенного объявления. Но на производство сургуча взглянули с серьезной точки зрения, и в 1811 году⁹⁹⁾ появилось распоряжение: «о неупотреблении не в одном министерстве иного сургуча, кроме российского».

Чуть ли не с самых первых дней своего существования российское имперское правительство поставило себе задачу—оберегать российского обывателя от излишней роскоши. 11 декабря 1717 года появилось, как кажется, первое узаконение на этот счет—«о том, чтобы по случаю предстоящей войны не продавать, не покупать и не носить никакого золота и серебра¹⁰⁰⁾, затем 17 декабря 1740 года о запрещении носить дорогие парчи и штофы с золотом и серебром, как неуместный и разорительный расход¹⁰¹⁾. Этот указ получил след. редакцию 11 декабря 1742 года¹⁰²⁾: «Именной указ о запрещении вследствие недостатка денежной казны носить богатые платья с золотом и серебром, кроме военнослужащих и приезжих иностранцев под опасением взыскаия штрафа, о наблюдении, чтобы на российских мануфактурах делаемы были шелковые парчи добротой против иностранных; о ветошении не имеющих роков, подбоев шелковых под платьев (т. е. шелковой подкладки); о дозволении носить кружева известного размера только первым пяти классам; о неделании в российских фабриках золотых и серебряных парчей и об изготовлении на них только такого количества позументов, сколько на строевое платье и в церкви разойтись может». Указ этот неоднократно повторился, например, в 1743 году¹⁰³⁾ и затем несколько вариировался,—так, например, воспрещение делать позумент на российских фабриках, более определенного количества, дополнялось «запрещением ввоза в Россию немецких мишур, мишурных позументов, сети и лент»^{104—105)}.

И одновременно с такою заботливостью оберегать россиян от роскоши мы наблюдаем явления, прямо противоположные. Вот несколько примеров. По Фонтанке, в Литейной части, второе место от набережной Невы было отведено Петром Великим обер-гофмейстеру Василию Олуфьеву. Олуфьев сам на этом месте не жил, но эксплуатировал его отдачею в аренду купцам иноземцам Я. Меллеру и Я. Рихтеру, которые завели в Петербурге первую золотого, серебряного и шелкового дела фабрику. Фабрики эти пользовались большим покровительством, рабочие для них вызывались со всей России особыми извещениями, которые печатались в официальных «С.-Петербургских Ведомостях»; для устройства этой фабрики была выдана 5 августа 1736 года ссуда в 10 тысяч рублей под поручительство действительного тайного советника барона Шафирова¹⁰⁶⁾. Наконец, с монетного двора выдавали также в ссуду золото и серебро для делания золотых и серебряных галунов и шитья на одежду. Эту фабрику 18-го июня 1735 года удостоила посещением императрица Анна Иоанновна, которая осматривала ее «с великим удовольствием»¹¹⁰⁾. Так поступала Анна Иоанновна относительно иноземцев-фабрикантов предметов роскоши; точно так же она покровительствовала и российским предпринимателям этого рода. 4 Марта 1735 года¹¹¹⁾ было объявлено генерал-полицейстером Салтыковым высочайшее повеление об отводе в С.-Петербурге места комнатному истопнику Алексею Милютину для содержания волоочильной и позументной фабрики—место это теперь известно под названием Милютин ряд. Шелковые, ленточные, флеровые фабрики процветали в Петербурге. Например, в 1794 году¹¹²⁾ продавалась «близ Калининна моста № 626 ленточная фабрика со всеми при ней находящимися машинами, из которых каждою можно выткать 18 разных сортов лент»; в 1817 году продавалась другая такая же фабрика на 6 станков—¹¹³⁾ производство, как видим, не маленькое. Ленточное производство вызвало появление даже особого политического акта: «По Высочайшему Его Императорского Величества повелению сим объявляется Высочайшее запрещение всякого рода фабрикантам делать вообще трехцветные ленты и всем купцам торговать таковыми же под опасением неизбежного наказания, ослушникам закона положенного». Это запрещение было датировано 4 мая 1798 года¹¹⁴⁾.

Инициатором позументного дела у нас был царский истопник, продолжателем его—именитый гражданин Семен Федорович Роговинов, обер-директор откупа, который завел близ

Пятава рынка (на нынешней Гагаринской улице) фабрику, на которой делают разных сортов золотые и серебряные часы (газ), позументы, разных манеров блонды и прочие галантерейные золотые и серебряные вещи ¹¹⁵). Фабрика эта была, видимо, значительных размеров с большим количеством рабочих, так как 5 апреля 1758 года происходило освящение особо устроенной на этой фабрике церкви для рабочих ¹¹⁶).

Инициатором шелкового производства в Петербурге были армяне—в 1770 году ¹¹⁷) на Васильевском острове, в 1-ой линии дом Шарова, была шелковая фабрика армянина Мануилова, в 1773 году на том же самом Васильевском острове действовала фабрика Богдана Хахвердова, очевидно, опять-таки армянин ¹¹⁸), у которого продавались разноцветные тафта, шелковые платки и также делались по заказу шелковые и полупшелковые занавески; в 1774 году мы находим упоминание об «армянской шелковой фабрике» ¹¹⁹).

И чуть ли не в тот же год, когда правительство издавало распоряжение о неупотреблении шелковых попон содержатель шелковой фабрики извещал, что у него делаются «уборы для лошадей» ¹²⁰), а торговец шелком продавал шелковую «материю на обивку карет» ¹²¹).

К сожалению, нам удалось собрать очень незначительное количество данных о положении рабочих. Делать какие-нибудь выводы из этих данных, конечно, не приходится.

К 1741 году ¹²²) относятся такие сведения: «Во всенородное известие при сем объявляется: потребно быть в С. Петербурге при сахарных заводах в ученической работе к варению оного сахара добрых и охочих людей 7 человек которые 6 люди свободные и с добрыми паспортами, также, чтоб молодые и добрые, которым дано будет каждого месяца на человека по 3 руб., да сверх той платы квартира и дрова, свечи готовые; и ежели кто из оных может то ученическое дело рачительнее исполнять, которым за то будет прибавлено денежное жалование и чтоб те же люди от сего известия явились при тех сахарных заводах в контору в непродолжительном времени для заключения контракта с оными на 7 лет». Жалование 36 р. в год при готовой квартире, отоплении, освещении могло назваться по тому времени (1741 год) значительным.

Следующие данные относятся к 1796 году—«на ситцевую фабрику потребны до 10 рабочих людей, коим месячной платы назначается по 8 р. 50 к.» ¹²³); спустя месяц это же требование повторилось, но несколько в иной форме—«содержателю ситцевой фабрики потребны для производства работы 10 здоровых и трезвого состояния человек, из коих каждому дается по 100 р. в год» ¹²⁴), и, наконец, имеется еще одно сведение ¹²⁵): «Константин Бург, суконный фабрикант, предлагает тем, кои работают на таковых фабриках, употребить их в работу на следующих условиях: работники будут получать равную плату помесечно с теми, кои уже находятся на фабрике с начала оной. Каждая семья будет иметь особливый покой; в случае нужды давать им будут взаймы по 25 р. в зачет их работы, с тем чтобы они выплатили в 25 месяцев; почему он и будет у них вычитать по 1 р. в каждый месяц из их жалованья».

Правительство, основывая в 18-м веке фабрики, преследовало две цели—содействовать развитию отечественной промышленности и обучать известное число людей тому или иному мастерству. Эти цели особенно рельефно выражены в нижеследующем извещении ¹²⁶).

«Для распространения рукоделий к пользе Российских поданных Ея Императорское Величество, выписав искусных мастеров, указала завести под смотрением главного фабриканта Гутена фабрики: 1-ую—прядильную, 2-ую—полотнянную, 3-ью для тканья разных шелковых материй. Желющие отдавать в учение крепостных людей или свободные люди, вступив в учение сами по выбору мастерства, мужского полу от 15 до 25 лет, а женского от 12 до 20 лет должны явиться для записи: вольные люди с паспортами, а крепостные с одобрением господ своих и с прописками чего они учиться просят. Как свободные люди, так и крепостные обучаемы будут без всякой доплаты и без найму будут пользоваться казенными квартирами, но должны содержаться платьем и пищей, а ежели кто пожелает содержим быть на готовом столе и готовой одежде, тот платит по 1 р. 50 к. в месяц за стол, по 1 р. за одежду, внося за каждый месяц сумму наперед. По окончании учения ремесленники будут увольняемы со свидетельством от фабриканта Гутена о совершенной их выучке».

Почти подобное объявление поместила много позже ¹²⁷) и контора стежлянных заводов, подчеркивая, что учеников завод принимает, «желая споспешествовать улучшению заведений сего рода».

Примеры заразительны—и частные фабриканты, один за другим непрерывно предлагают брать учеников. Вот ряд примеров, расположенных хронологически: «Сим объявляется, чтоб желающие детей своих отдавать учиться чулочному делу могут договариваться»¹²⁸).—Бронзовых дел мастер Валтер через сие объявляет, что он принимает людей для обучения всякую бронзовую работу делать¹²⁹).—Некоторый иностранец, содержащий на Петербургской стороне фабрику, желает принять в учение на сходных условиях господских мальчиков»¹³⁰).—На чугунный завод принимаются молодые люди для обучения на условиях, сходных помещикам¹³¹).—Желающие отдавать на открывающуюся пуговичную фабрику 12 мальчиков по 14 лет для обучения¹³²).—На бумажной фабрике принимаются для обучения по сходным условиям молодые господские и вольные люди¹³³).

Число этих извещений можно увеличить. Но все они с яркою убедительностью говорят о том, что петербургские фабриканты 18-го века и первой четверти 19-го в. особенно охотно эксплуатировали труд малолетних и труд даровой под видом обучения ..

П. Столпянский.

ПРИМЕЧАНИЯ.

- 1) С.-Петербургские Ведомости. 1792 г., 24 февраля, № 16, стр. 275
- 2) Там же, 1800 г., стр. 836.
- 3) Там же, 1800 г., стр. 2381.
- 4) Полное Собрание Законов, № 10914.
- 5) Там же, № 18962.
- 6) *Бронзовое*. С.-Пет. Вед., 1792, стр. 27; 1793, стр. 1488; 1794, стр. 1449; 1799, стр. 2117; 1804, стр. 552, 1849.
- Булавочное*. С.-Пет. Вед., 1804, стр. 1435.
- Бумажное*. С.-Пет. Вед., 1815, стр. 60; 1819, стр. 8; 1820, стр. 815.
- Ватное*. С.-Пет. Вед., 1796, стр. 2057; 1797, стр. 219.
- Водочное*. С.-Пет. Вед., 1789, стр. 532; 1791, стр. 213; 1793, стр. 1449, 1664; 1795, стр. 635.
2184. 2182; 1798, стр. 452; 1819, стр. 157; 1820, стр. 85, 110, 932, 399, 413.
- Восковое*. С.-Пет. Вед., 1770, № 70; 1773, № 37; 1776, № 82; 1792, стр. 926; 1796, стр. 80.
- Галантерейных вещей*. С.-Пет. Вед., 1794, стр. 1584.
- Гонимое*. С.-Пет. Вед., 1763, № 33; 1788, стр. 448; 1792, стр. 929, 1512; 1797, стр. 240, 1805, стр. 136.
- Дрожжевое*. С.-Пет. Вед., 1816, стр. 647.
- Занавес на колесах*. С.-Пет. Вед., 1867, стр. 328.
- Канатное*. С.-Пет. Вед., 1744, № 135; 1753, № 43; 1761, № 16; 1762, № 16; 1769, № 6, 1771, № 51; 1787, стр. 947; 1791, стр. 1009; 1792, стр. 777, 1090; 1795, стр. 1772, 1953; 1807, стр. 888; 1820, стр. 1151; 1823, стр. 10; 1824, стр. 751.
- Картонное*. Арх. Деп. Там. Сбор., стр. 231; С.-Пет. Вед., 1768, № 102; 1774, № 83; 1775, № 21, 81, 84; 1776, № 2, 10, 33, 65; 1777, № 88; 1780, стр. 851; 1785, стр. 581; 1794, стр. 396, 1789, 1874; 1795, стр. 2029; 1798, стр. 317; 1802, стр. 516
- Кистей рисовальных*. С.-Пет. Вед., 1800, стр. 2079.
- Кирпичное*. Опись сенат. указов Баранова, № 1353. С.-Пет. Вед., 1742, стр. 150. Опись Баранова, № 9061. С.-Пет. Вед., 1782, стр. 151; 1789, стр. 833; 1792, стр. 1002; 1793, стр. 1451; 1794, стр. 1422; 1795, стр. 272; 1808, стр. 430; 1811, стр. 432; 1823, стр. 51.
- Кожевненное*. С.-Пет. Вед., 1742, стр. 112; 1743, стр. 332; 1748, стр. 5; 1752, стр. 358; 1773, № 76; 1780, стр. 124; 1788, стр. 384; 1790, стр. 72; 1792, стр. 178, 1261, 1657, 1905; 1793, стр. 222, 1359, 1447; 1795, стр. 1502; 1798, стр. 1988, 2213; 1799, стр. 1347; 1800, стр. 2340; 1801, стр. 1240. Арх. Мор. Мин. д. гр. Кушелева №№ 51, 52 л. 205. С.-Пет. Вед., 1819, стр. 813.
- Красильное*. С.-Пет. Вед., 1761, № 43; 1763, № 59; 1790, стр. 932; 1794, стр. 1603.
- Красочное*. Арх. Мор. Мин. Указ. Ад. Кол., № 22 (II), лист 215 — 216. С.-Пет. Вед., 1807, стр. 422.
- Кружеевое*. С.-Пет. Вед., 1781, стр. 395; 1787, стр. 64.
- Купоросное масло*. С.-Пет. Вед., 1807, стр. 728.
- Ламповое*. С.-Пет. Вед., 1807, стр. 49, 1809, стр. 312.
- Ленточное*. С.-Пет. Вед., 1770, № 29; 1794, стр. 2173; 1797, стр. 1665; 1798, стр. 824; 1802, стр. 1925; 1803, стр. 126; 1817, стр. 520.
- Литейное*. С.-Пет. Вед., 1800, стр. 435; 1825, стр. 108.
- Макаронное*. С.-Пет. Вед., 1805, стр. 397; 1812, стр. 501.
- Масла осветительного*. С.-Пет. Вед., 1808, стр. 326, 1155; 1809, стр. 987.
- Мебельное*. С.-Пет. Вед., 1801, стр. 490; 1821, стр. 933.
- Медное*. С.-Пет. Вед., 1754, стр. 376; 1755, № 63.
- Медоваренное*. С.-Пет. Вед., 1819, стр. 534; 1821, стр. 983.

- Мельница костаная.* С.-Пет. Вед., 1825, стр. 53.
Мельница крупная. С.-Пет. Вед., 1767, № 32; 1803, стр. 2189.
Мельница мучная. С.-Пет. Вед., 1799, стр. 520; 1801, стр. 418.
Музыкальное. С.-Пет. Вед., 1765, № 69; 1780, стр. 121, 184; 1784, стр. 1368; 1785, стр. 126, 301, 1016; 1789, стр. 869, 1598; 1792, стр. 485; 1793, стр. 67; 1800, стр. 183; 1801, стр. 130, 3022; 1805, стр. 865; 1811, стр. 276, 367; 1814, стр. 679; 1815, стр. 59; 1816, стр. 355; 1818, стр. 672; 1819, стр. 1183; 1820, стр. 98.
Мыльное. 1772, № 97; 1773, № 82; 1779, стр. 505; 1779, стр. 370; 1784, стр. 586; 1785, стр. 888; 1787, стр. 835, 1184; 1800, стр. 60; 1862, стр. 682; 1863, стр. 2492; 1805, стр. 980, 1053; 1808, стр. 1433; 1815, стр. 815; 1816, стр. 713; 1820, стр. 1183; 1823, стр. 868.
Нашатырное. С.-Пет. Вед., 1805, стр. 534.
Обойное. С.-Пет. Вед., 1751, стр. 769; 1768, № 43; 1769, № 16; 1770, № 38; 1773, № 37; 1774, № 49, 87.
Парфюмерное. С.-Пет. Вед., 1749, стр. 291; 1778, стр. 610.
Пергаментное. Арх. Мор. Мин. д. Адм. Ов. 20, л. 16; д. Адм. Кол., 1718, ов. л. 144. С.-Пет. Вед., 1739, стр. 7; 1745, стр. 623; 1805, стр. 1805, стр. 1029.
Перчаточное. С.-Пет. Вед., 1795, стр. 200.
Печное. С.-Пет. Вед., 1795, стр. 899.
Письмо. Мор. Арх. д. Апраксина, № 178, л. 244; д. Адм. Кол., № 20, л. 340—382. Мат. Ист. Русск. Флота, т. IV, стр. 406. Арх. Мор. Мин. д. Адм. Кол., 1719, № 6, лл. 133—136. Мат. Ист. Русск. Фл., IV, 478. С.-Пет. Вед., 1739, стр. 7; 1746, стр. 518; 1747, стр. 56, 383; 1755, № 100. Опись сенатских указов Баранова, № 10713. Полное Собрание Законов, № 11300, 11302. С.-Пет. Вед., 1761, № 6; 1762, № 17, 70; 1763, № 81. Петров. История С.-Петербурга, 748. С.-Пет. Вед., 1767, № 84, 91; 1768, № 18; 1769, № 103; 1771, № 30, 40, 46, 82, 82, 82, 87; 1772, № 11, 68, 91; 1774, № 98; 1775, № 8, 80; 1776, № 60; 1777, № 35; 1778, № 13; 1779, стр. 1450; 1780, стр. 123; 1781, стр. 375; 1783, стр. 105; 1784, стр. 41, 105, 1150; 1787, стр. 1367; 1788, стр. 286; 1789, стр. 1512, 1566; 1790, стр. 236, 357, 1042, 1546; 1791, стр. 55, 201, 229, 305, 1086, 1205, 1470; 1792, стр. 264, 272, 287, 395, 370, 1240; 1793, стр. 343, 592, 801, 1008; 1794, стр. 203, 944, 987, 1359, 1533, 1621, 2071, 2282; 1795, стр. 92, 635, 303, 635, 1834, 1861, 2184, 2250; 1796, стр. 444, 1835, 1860, 2309; 1797, стр. 344, 814, 1372, 1372; 1798, стр. 915, 1009, 2424, 2422, 2521; 1799, стр. 79, 461, 943, 1641; 1800, стр. 22, 397, 3023; 1801, стр. 734, 2264, 3072. Арх. Гор. думы 377/154, св. 9. С.-Пет. Вед., 1864, № 89; 1806, стр. 110; 1808, стр. 314; 1809, стр. 240, 988; 1821, стр. 77, 1778; 1823, стр. 31; 1825, стр. 233.
Позументное. Опись сенат. указов Баранова, № 5118. С.-Пет. Вед., 1735, стр. 409; 1752, стр. 287, 1765, № 41; 1766, № 47; 1771, № 20; 1775, № 19; 1776, № 21.
Полотняное. С.-Пет. Вед., 1744, стр. 255; 1765, № 43; 1797, стр. 1956; 1798, стр. 958, 1889; 1799, стр. 136, 320; 1807, стр. 169.
Помадное. С.-Пет. Вед., 1782, стр. 725; 1789, стр. 11; 1794, стр. 2318; 1795, стр. 458, 852; 1796, стр. 627; 1798, стр. 2578; 1807, стр. 1264; 1823, стр. 801.
Пороховое. Арх. Мор. Мин. Указы Ад. Кол., 2 л., 780, 81, 86, 88. Арх. Арт. Музея. Д. П. П., 137/18.
Поташное. С.-Пет. Вед., 1792, стр. 1656.
Придильное. С.-Пет. Вед., 1794, стр. 299.
Пудры. С.-Пет. Вед., 1792, стр. 391, 690; 1793, стр. 1684; 1794, стр. 78, 2299, 2318; 1795, стр. 1954; 1796, стр. 1692; 1798, стр. 2631.
Румян. С.-Пет. Вед., 1781, стр. 156; 1782, стр. 726; 1786, стр. 996.
Сахарное. Петров, стр. 595. С.-Пет. Вед., 1741 — 430; 1743, стр. 50, 382; 1749, стр. 792; 1751, стр. 378; 1756, № 32; 1757, № 28; 1759, стр. 264, 584; 1764, № 37, 79; 1765, № 34, 39; 1766, № 17; 1775, № 46; 1777, № 3; 1789, стр. 568; 1791, стр. 24, 344, 374; 1792, стр. 73, 416, 1414; 1793, стр. 431, 496, 652, 712, 852; 1794, стр. 1089, 1359, 1696, 1874; 1795, стр. 780, 929, 1408; 1796, стр. 174, 1475, 1566, 1859; 1797, стр. 850; 1800, стр. 2956; 1861, стр. 1387; 1862, стр. 1233. Арх. Гор. думы, 366/210, св. 9. С.-Пет. Вед., 1805, стр. 373; 1869, стр. 740; 1810, стр. 293; 1813, стр. 472; 1816, стр. 193; 1818, стр. 680; 1820, стр. 660; 1822, стр. 597, 994; 1823, стр. 659; 1824, стр. 317, 707; 1825, стр. 225, 291, 639, 748.
Свечное. Арх. Мор. Мин. Адм. Кол., № 137. С.-Пет. Вед., 1790, стр. 357; 1795, стр. 95; 1797, стр. 936; 1798, стр. 1931; 1807, стр. 1130; 1812, стр. 1336; 1818, стр. 1049; 1821, стр. 1183; 1822, стр. 132; 1824, стр. 1050.
Ситцевое. С.-Пет. Вед., 1786, стр. 423; 1794, стр. 966; 1795, стр. 852; 1784, стр. 1918; 1796, стр. 677; 1797, стр. 1290; 1799, стр. 521; 1800, стр. 1672; 1801, стр. 486; 1802, стр. 119; 1805, стр. 890; 1808, стр. 1152; 1820, стр. 358; 1822, стр. 947.
Слесарное. С.-Пет. Вед., 1768, № 58.
Соляное. С.-Пет. Вед., 1792, стр. 275.
Стальное. С.-Пет. Вед., 1800, стр. 836.
Стежляное. Пол. Собр. Зап., № 7574. С.-Пет. Вед., 1739, стр. 302; 1741, стр. 160; 1751, стр. 596; 1752, стр. 208; 1753, стр. 227; 1756, № 49; 1763, № 20; 1765, № 45; 1767, № 3; 1770, № 45; 1771, № 29; 1773, № 20; 1774, № 6; 1777, № 25; 1802, стр. 1089; 1803, стр. 2032. Арх. Мин. Дв., 1/456, XLVI, 213. С.-Пет. Вед., 1806, стр. 129.
Суконное. С.-Пет. Вед., 1760, № 66; 1763, № 3; 1779, стр. 1236; 1791, стр. 39, 1798, стр. 31; 1812, стр. 322. Мансуров. Охтенская Слобода, стр. 114. С.-Пет. Вед., 1818, стр. 720; 1823, стр. 588; 1824, стр. 43.

- Сургучное.* С.-Пет. Вед., 1752, стр. 764; 1753, стр. 464; 1768, № 84; 1769, № 1; 1770, № 21; 1771, № 9; 1785, стр. 273; 1791, 465; 1814, стр. 853; 1818, стр. 263.
- Табачное.* С.-Пет. Вед., 1746, стр. 296; 1747, стр. 823; 1751, стр. 424; 1778, стр. 741; 1786, стр. 829; 1797, стр. 788; 1800, стр. 2887; 1864, стр. 1317, 1465; 1865, стр. 673; 1809, стр. 1091; 1811, № 63; 1816, стр. 193; 1823, стр. 946; 1824, стр. 1179; 1825, стр. 168, 327, 920.
- Трубок курительных.* С.-Пет. Вед., 1802, стр. 1596; 1817, стр. 1165; 1822, стр. 1068; 1825, стр. 446.
- Уксусное.* С.-Пет. Вед., 1796, стр. 1067; 1797, стр. 445; 1807, стр. 297; 1816, стр. 647; 1824, стр. 698.
- Фарфоровое.* С.-Пет. Вед., 1793, стр. 1318; 1794, стр. 1763; 1796, стр. 1095; 1797, стр. 222, 1548; 1798, стр. 678; 1800, стр. 2580; 1801, стр. 788; 1802, стр. 484; 1805, стр. 219; 1811, стр. 113; 1812, Селиванов, стр. 97; С.-Пет. Вед., 1823, стр. 93; 1824, № 22.
- Фольги.* С.-Пет. Вед., 1776, № 17; 1790, стр. 179; 1791, стр. 584; 1794, стр. 2299; 1795, стр. 111.
- Холстинки.* С.-Пет. Вед., 1818, стр. 1123.
- Цветов искусственных.* С.-Пет. Вед., 1798, стр. 2374.
- Цикорное.* С.-Пет. Вед., 1863, стр. 665; 1864, стр. 2133.
- Часовое.* С.-Пет. Вед., 1764, № 99; 1772, № 7; 1775, № 52.
- Чугунное.* С.-Пет. Вед., 1794, стр. 1844; 1800, стр. 435. Арх. Мор. Мин. Выс. Пов., № 72, л. 162. С.-Пет. Вед., 1801, стр. 3189; 1865, стр. 108; 1807, стр. 43; 1808, стр. 1128; 1809, стр. 280; 1810, стр. 309; 1817, стр. 684.
- Чулочное.* С.-Пет. Вед., 1784, стр. 1447. Полн. Соб. Зак., № 10845. С.-Пет. Вед., 1759, стр. 375, № 84; 1760, № 16; 1763, № 61; 1768, № 32; 1769, № 67; 1770, № 61; 1780, стр. 1078; 1785, стр. 582; 1792, стр. 742; 1805, стр. 1150; 1815, стр. 60; 1818, стр. 1124.
- Шелковое.* С.-Пет. Вед., 1770, № 20, 39; 1773, № 78; 1774, № 9, 16, 37; 1776, № 15; 1784, стр. 255; 1787, стр. 50; 1788, стр. 575; 1791, стр. 1632; 1794, стр. 1135, 1490; 1795, стр. 220; 1796, стр. 816, 967; 1798, 2215; 1799, стр. 496, 356.
- Шляпное.* С.-Пет. Вед., 1754, стр. 560; 1760, № 14; 1761, № 24, 34; 1763, № 29; 1764, № 44; 1765, № 38; 1768, № 100; 1769, № 26; 1771, № 42; 1818, стр. 287; 1822, стр. 413, 316, 413; 1825, стр. 346.
- Шоколадное.* С.-Пет. Вед., 1753, стр. 464; 1788, стр. 33; 1791, стр. 163, 307, 1718; 1795, стр. 1198; 1796, стр. 495, 1569; 1797, стр. 107, 219, 2152; 1798, стр. 1931; 1799, стр. 2260; 1802, стр. 1926; 1812, стр. 383; 1817, стр. 839, 1185; 1818, стр. 331; 1823, стр. 14.
- Эполетное.* С.-Пет. Вед., 1820, стр. 1417.
- ⁷⁾ Полное Собрание Законов, № 2848.
- ⁸⁾ Русский Архив, 1872, стр. 1417.
- ⁹⁾ Полное Собрание Законов, № 2721.
- ¹⁰⁾ Материалы к истории флота, т. IV, стр. 383.
- ¹¹⁾ С.-Пет. Вед., 1769, № 49.
- ¹²⁾ Там же, 1770, № 98.
- ¹³⁾ Там же, 1780, стр. 499.
- ¹⁴⁾ Там же, 1795, стр. 10.
- ¹⁵⁾ Там же, 1775, № 70.
- ¹⁶⁾ Общий архив б. минист. двора. Опись 73/187, кореш. 8433, дело 82, л. 874.
- ¹⁷⁾ С.-Пет. Вед., 1743, стр. 674.
- ¹⁸⁾ Там же, 1756, № 33.
- ¹⁹⁾ Там же, 1745, стр. 568.
- ²⁰⁾ Материалы к истории Рус. флот, т. IV, стр. 406.
- ²¹⁾ С.-Пет. Вед., 1746, стр. 518.
- ²²⁾ Опись Сенатских указов Баранова, № 10713.
- ²³⁾ С.-Пет. Вед., 1769, № 103.
- ²⁴⁾ Там же, 1767, № 91.
- ²⁵⁾ Там же, 1771, № 82.
- ²⁶⁾ Между прочим, укажем, что в архиве б. городской думы—где теперь этот архив, мы не знаем—имелось очень интересное дело 1803 года—ведомость существования в то время пивоварен—опись 377/154, св. 9 и другое, на год раньше, 1802 г., оценка сахарных фабрик, опись 366/210 св. 9. Мы, к сожалению, могли только отметить эти дела по описи, использование их было отложено на более благоприятное время—сохранились ли эти дела в настоящее время, мы не знаем.
- ²⁷⁾ Петров. История Петербурга, стр. 595. На этой и следующих страницах Петров приводит к сожалению, без указания источника заимствования, ведомость петербургских заводов за 1758 г. II словам Петрова, в это время в Петербурге было 43 промышленных заведения.
- ²⁸⁾ С.-Пет. Вед., 1751, стр. 578.
- ²⁹⁾ Там же, 1743, стр. 332.
- ³⁰⁾ Там же, 1756, № 32.
- ³¹⁾ Там же, 1764, № 37.
- ³²⁾ Там же, 1824, стр. 317.
- ³³⁾ Там же, 1800, стр. 1958.
- ³⁴⁾ Там же, 1822, стр. 994.
- ³⁵⁾ Там же, 1755, № 43.
- ³⁶⁾ Там же, 1792, № 41, стр. 777.
- ³⁷⁾ Там же, 1792, № 96, стр. 1905.
- ³⁸⁾ Там же, 1742, стр. 112.

- 39) Там же, 1748, стр. 5.
40) Там же, 1744, стр. 295.
41) Полное Собрание Законов, № 3449.
42) Общий архив бывш. минист. двора, опись 127/361, д. 98, л. 107.
43) С.-Пет. Вед., 1792, стр. 989.
44) Общий архив бывш. Мин. двора, опись 127/561, д. 98, л. 159.
45) Там же, д. 32, л.л. 32 и 66.
46) С.-Пет. Вед., 1784, стр. 1447.
47) Там же, 1785, стр. 582.
48) Там же, 1768, № 32.
49) Там же, 1769, № 67.
50) Арх. б. Мор. Мин., дела гр. Апраксина, № 79, л.л. 53—56; 61—64; 101—102.
51) Там же, д. Крюйса, № 28, л.л. 13—16; 88—93; 144—146.
52) Там же, д. Крюйса, № 9, л.л. 13, 14, 17, 19, 80, 84, 200, 240, 242.
53) Там же, д. Крюйса, № 12, л.л. 18, 60, 81, 82.
54) Там же, д. Мордвинова, № 13, л. 576.
55) Там же, Указы Адм. Кол., 68 (I) л.л. 732—757.
56) С.-Пет. Вед., 1786, стр. 829.
57) Там же, 1823, стр. 946.
58) Там же, 1802, стр. 1596.
59) Там же, 1808, стр. 1064.
60) Там же, 1825, стр. 446.
61) Там же, 1822, стр. 1068.
62) Там же, 1760, № 61.
63) Там же, 1768, стр. 423.
64) Там же, 1792, стр. 1132.
65) Там же, 1794, № 41, стр. 966.
66) Там же, 1797, № 59, стр. 1290—1291.
67) Там же, 1799, стр. стр. 521.
68) Там же, 1870, стр. 1672.
69) Там же, 1801, стр. 786.
70) Там же, 1802, стр. 119.
71) Там же, 1805, стр. 870.
72) Там же, 1808, стр. 1152.
73) Там же, 1744, стр. 255.
74) Там же, 1768, стр. № 43.
75) Там же, 1798, № 41, стр. 958.
76) Там же, 1760, № 66.
77) Там же, 1763, № 3.
78) Там же, 1779, стр. 1236.
79) Мансуров. Охтенская слобода, стр. 114.
80) С.-Пет. Вед., 1823, стр. 588.
81) Там же, 1824, стр. 43.
82) Северная Почта, 1809, № 4.
83) Там же, 1810, № 89.
84) С.-Пет. Вед., 1794, № 79, стр. 1844.
85) Там же, 1800, стр. 435.
86) Архив бывш. Морск. Минист. Высоч. повел., № 72, л. 162.
87) С.-Пет. Вед., 1801, стр. 3189; 1807, стр. 43; 1808, стр. 1123; 1809, стр. 280; 1810, стр. 309; 1817, стр. 684.
88) Цитируемое уже сочинение Мансурова, стр. 85 и 129.
89) С.-Пет. Вед., 1778, стр. 156, 124; 1781, стр. 89; 1782, стр. 613; 1784, стр. 650; 1781, стр. 89.
90) Там же, 1782, № 49, стр. 308.
91) Полное Собрание Законов, № 16733.
92) Северная Пчела, 1826, № 108.
93) С.-Пет. Вед., 1781, стр. 427.
94) Там же, 1791, стр. 405.
95) Там же, 1798, № 15, стр. 317.
96) Там же, 1788, стр. 33.
97) Там же, 1791, № 85, стр. 1718.
98) Там же, 1795, № 54, стр. 1118.
99) Архив бывш. Мин. Нар. Просв., опись 81/19, № 9128.
100) Опись Сенатских Указов Баранова, № 507.
101) Там же, № 8078.
102) Там же, № 8961.
103) Архив б. Мор. Мин. Указы Адм. Кол. 38 (I), л.л. 43—73.
104) Полное Собрание Законов, № 9694.
105) Там же, № 10440.
106) Там же, № 11218.
107) Там же, № 16781.

- 106) Там же, № 17275.
- 109) Сборник Исторического Общества, том 114, стр. 371, 404, 520, 582 и 585.
- 110) С.-Пет. Вед., 1785, стр. 409.
- 111) Опись Сенатских Указов Баранова. № 5118.
- 113) С.-Пет. Вед., 1794, № 94, стр. 2173.
- 113) Там же, 1817, стр. 523.
- 114) Там же, 1765, № 36, стр. 824.
- 115) Там же, 1798, № 41.
- 116) Историко-статистические сведения о С.-Петербургской Епархии, выпуск VI, стр. 19.
- 117) С.-Пет. Вед., 1770, № 39.
- 118) Там же, 1733, № 78.
- 119) Там же, 1774, № 37.
- 120) Там же, 1787, стр. 50.
- 121) Там же, 1791, № 81, стр. 1632.
- 122) Там же, 1741, стр. 480.
- 123) Там же, 1796, № 31, стр. 677.
- 124) Там же, № 40, стр. 852.
- 125) Там же, 1799, стр. 31.
- 126) Там же, 1782, № 29, стр. 215.
- 127) Там же, 1806, стр. 129.
- 128) Там же, 1759, № 84.
- 129) Там же, 1792, стр. 27.
- 130) Там же, 1802, номер от 4 апреля.
- 131) Там же, 1810, стр. 309.
- 132) Там же, 1810, стр. 359.
- 133) Там же, 1820, стр. 815.

Опечатка. На выданном листе в первой графе вместо слова „Выборное“ следует читать „Водочное“.

Производства.	1704	1713	1718	1719	1720	1721	1724	1729	1735	1738	1739	1741	1742	1743	1744	1745	1746	1747	1748	1749	1751	1752	1753	1754	1755	1756	1757	1758	1759	1760
Бронзовое																														
Булавочное																														
Бумажное																														
Ватное																														
Выбошное																														
Восковое				1																										
Галантерейных вещей																							1							
Гончарное																														
Дрожжевое																														
Занавес на колесах																														
Канатное															1											1				
Карточное																														
Кирпичное	1	1					1																1							
Костей													1	1																
Кожевенное													1	1						1			1							
Красильное																														
Красочное																							1							
Кружевное																														
Купоросного масла																														
Ламповое																														
Ленточное																														
Литейное																														
Макаронное																														
Масла осветительного																														
Мебельное																														
Медное																														
Медоваренное																									1	1				
Мельница кестяная																														
Мельница крушная																														
Мельница мучная																														
Мельница пильная																														
Музыкальное																														
Мыльное																														
Нашатырное																														
Обойное																														
Парфюмерное																														
Пергаментное				1								1																		
Перчаточное																	1													
Печное																														
Пивоваренное				1	1	1																								
Позументное																														
Полотняное									1																					
Помадное																														
Пороховое																														
Поташное																														
Прядильное																														
Пудреное																														
Румян																														
Сахарное				1																										
Свечное									1																					
Ситцевое																														
Слесарное																														
Соляное																														
Стальное																														
Стеклоплетное																														
Суконное										1	1	1											1	1	1					
Сургучное																														
Табачное																														
Трубок курительных																														
Уксусное																														
Фарфоровое																														
Фольги																														
Холстинки																														
Цветов искусственных																														
Цикорное																														
Часовое																														
Чугунное																														
Чулочное																														
Шелковое																														
Шляпное																														
Шоколадное																														
Эполетное																								1						

Цехи „вольных матросов“ в Новороссийском крае в 1830—1853 г.г. ¹⁾.

По утверждении русского владычества на берегах Азовского и Черного морей, естественно возник вопрос о местном торговом мореплавании. Вступивший в управление Новороссийским краем князь М. С. Воронцов, объезжая подведомственные ему местности, не мог не видеть, что прибрежные жители Днепра приобретают с детства склонность к мореплаванию, и для того, чтобы быть хорошими моряками, им недостает только правильных знаний и приемов морского дела. Явилась мысль образовать из прибрежных жителей особое сословие матросов.

Представляя в 1826 г. министру финансов соображения о средствах поощрения торгового мореплавания, Воронцов, между прочим, высказался за желательность основания сословия моряков и образования из них в портовых городах цехов или обществ «вольных матросов», с предоставлением поступающим в цех льгот от некоторых повинностей. Министр финансов гр. Канкрин, разделяя мнение князя Воронцова, выработал постановление о торговом судостроении и мореходстве (высочайше утвержденное 12 февраля 1830 г.), которым были устранены некоторые формальности, стеснявшие судостроение, и было предоставлено местному начальству учредить в Азовских, Черноморских и Дунайских портах цехи «вольных матросов». Вместе с тем (§ 26) указано было, что «за недостатком еще искусных и опытных русских матросов, и во уважение, что во время рейсов всегда полезно иметь некоторое число матросов других земель, дозволяется иметь на российских кораблях, принадлежащих собственно россиянам, матросов иностранных по 1840 г. не более трех частей, в течение следующих 10 лет не более половины, а с 1850 г. не более уже четвертой части, кроме случаев, в которых число иностранных матросов определено особыми торговыми трактатами; шхипера же и штурмана до 1840 г. могут быть русские и иностранцы, а потом шхипер всегда должен быть российский» ²⁾.

Ссылаясь на указанное повеление, местные начальства начали усиленно хлопотать об учреждении цехов, — но желающих вступать в них оказывалось немного, так как льготы представлялись недостаточными. Едва закон о сокращении иностранного экипажа был издан, как пришлось ослабить его действие: по представлению генерал-губернатора последовало 24 июня, 1830 г. повеление, чтобы выпускать суда из портов, если даже на них не будет определенного числа русских матросов.

Князь Воронцов, стремившийся освободить Азовское море от иностранных судов учреждением в Керчи карантина и создать отечественный каботаж, не мог оставаться равнодушным, видя неудачу первой попытки образования цехов «вольных матросов». Поэтому были составлены новые правила для учреждения морских цехов в приднепровских городах: Алешках и Никополе; главные условия были следующие: мещан и государственных крестьян, записавшихся в цехи добровольно, освободить от платежа податей, земской повинности, военного постоя и рекрутской

¹⁾ По материалам, хранящимся в отделении частных архивов Единого Государственного Архивного Фонда.

²⁾ Полн. Собр. Зак. 1830 г. Т. V, № 3485.

повинности с тем, чтобы из них половина молодых людей, имеющих от роду от 15 до 20 лет, а из женатых и тех, которые имеют от 20 до 35 лет, десятый человек поступал на службу в Черноморский военный флот сроком на пять лет; в дальнейшем ежегодно поступает во флот по одному человеку от 20 душ; поступившие таким образом из цехов во флот люди должны были размещаться на транспортных судах, служба на которых ближе подходит к службе на купеческих судах. По окончании службы в военном флоте, каждый матрос мог получить патент на звание «опытного матроса», служащий ему и паспортом, с которым он может отправляться в плавание и за границу. Правила эти были высочайше утверждены 26 января 1834 г. ¹⁾

Благодаря личному попечению князя Воронцова в 1834 году учредились в Никополе и Алешках цехи «вольных матросов», в которые записалось 1.143 души; в 1835 г. из них поступило 120 человек на пятилетнюю службу в Черноморский флот и по отзывам морского начальства оказали хорошие успехи в изучении морского дела. Убедясь веледствие этого в пользе нового способа образования цехов моряков, князь Воронцов возбудил ходатайство о разрешении учредить цехи вольных моряков и в других местностях, прилегающих к Днепру и Азовскому морю, на что последовало высочайшее разрешение 7 ноября 1837 г., распространенное затем на черноморские и дунайские порты.

При дальнейшем учреждении цехов «вольных матросов» возник вопрос, могут ли вольные матросы, поступившие в цехи из государственных крестьян, пользоваться казенною землею для хлебопашества. Князь Воронцов настаивал, чтобы им было предоставлено право пользоваться землею бесплатно, но в виду возражений со стороны министра государственных имуществ графа Киселева, не разделявшего, повидимому, мнения о пользе учреждения матросских цехов в государственных селениях, вопрос этот был рассмотрен комитетом министров и в результате, по Положению 7 ноября 1839 г. ²⁾, вольным матросам было предоставлено в государственных селениях пользоваться паями земли, но с платежем оброчной подати. Кроме того, этим положением предписывалось: при первоначальном образовании цехов записывать государственных крестьян с семействами и одиноких, имеющих от роду от 17 до 35 лет, а после образования принимать в матросы лишь людей в возрасте от 17 до 20 лет. Уменьшение льгот ³⁾, назначение платежа за землю и определение лет, в какие можно записываться в цехи матросов, угрожало прекращением образования новых обществ. Поэтому в 1840 г. в Херсонскую губ. был командирован титулярный советник Бухтеев для ознакомления с положением дела и для привлечения местных жителей к записи в матросские цехи, ему удалось записать до 2.000 душ. Признавая меру эту удачной, князь Воронцов командировал Бухтеева и в другие губернии Новороссийского края.

Согласно материалам, собранным в 1856 г. (повидимому, Бухтеевым) для министерства государственных имуществ, число ревизских душ в цехах «вольных матросов» ежегодно увеличивалось и составляло:

Годы.	Число ревизских душ вольных матросов.	Число поступивших на 5-летнюю военную службу.	Годы.	Число ревизских душ вольных матросов.	Число пост. на 5-летн. воен. служб.
1835	1143	120	1845	7936	407
1836	1315	18	1846	8291	342
1837	1478	8	1847	8525	281
1838	1500	19	1848	8628	406
1839	1565	22	1849	9129	373
1840	3253	17	1850	9881	145
1841	3275	255	1851	11751	392
1842	3610	280	1852	12369	439
1843	3668	190	1853	12925	353
1844	7810	368	—	—	—

¹⁾ Полн. Собр. Зак. Т. IX, № 6745.

²⁾ Полн. Собр. Зак. Т. XIV, № 12860.

³⁾ Вольные матросы до 1840 г. освобождались от подушных податей в размере 95 к., оброчных за землю—2 р. 44 к., на устройство путей сообщений 9 к. и земской повинности—около 50 к., а всего 3 р. 98 к. с души. После 1840 г. матросы освобождались только от подушных 95 к., на устройство путей сообщений 9 к. и земской повинности 50 к., а всего 1 руб. 54 к.

По тем же материалам можно установить, что размер рекрутского набора с 1000 душ составлял:

Годы.	Размер рекрутского набора с 1000 душ.	Годы.	Размер рекрутского набора с 1000 душ.
1835	набора не было	1845	набора не было
1836	5	1846	5
1837	5	1847	7
1838	набора не было	1848	набора не было
1839	5	1849	8
1840	6	1850	7
1841	6	1851	набора не было
1842	5	1852	7
1843	набора не было	1853	набора не было
1844	5	—	—

Как было выше указано, вольные матросы поступали на военную службу на 5 лет, где, зачисляясь в комплект военных судов, заменяли матросов из рекрутов, набравшихся на 25 лет. Таким образом пять вольных матросов равнялись одному рекруту. Из приведенных таблиц видно, что за рассматриваемый период из цехов на военную службу поступило 4435 человек; разделив эту цифру на 5, получим, что вольные матросы заменили во флоте 887 рекрутов, а если бы члены матросских цехов состояли в подушном окладе, то они должны бы были дать только 447 рекрутов. Следовательно, цехи «вольных матросов», учрежденные, главным образом, для обслуживания торгового флота, дали и для военного почти вдвое больше людей, чем податные сословия.

Образовавшиеся по мысли кн. Воронцова на всем пространстве Новороссийского края цехи «вольных матросов» принесли пользу как военному флоту, так и в деле развития русского коммерческого судоходства, сперва местного (каботажного), а затем заграничного и, быть-может, явились тем зерном, из которого, постепенно развиваясь и изменяясь, выросла организация настоящего времени—рабочников водного транспорта юга России.

А. Путилов.

Описания архивных фондов и дел, документы, заметки и проч.

Первые шаги легализованного профессионального движения в России.

Начало массового объединения русских рабочих и прочего трудящегося элемента в профессиональные союзы относится к началу 1905 г., когда под влиянием событий 9-го января союзы начали создаваться явочным порядком. Таким революционным путем они продолжали возникать в течение всего 1905 и начала следующего года, пока, наконец, правительство, по признанию автора ниже приводимой официальной записки, не убедилось в том, что «нелегальное» положение союзов угрожало серьезнейшей опасностью «общественному спокойствию». Очутившись перед фактом открытого существования организованной массы трудящегося элемента, выдвинутой стихийными силами революции на арену экономической и политической борьбы, правительство вынуждено было издать знаменитые «временные правила 4 марта 1906 года о союзах, обществах и собраниях», которые предоставили относительную возможность легально объединяться в союзы¹⁾. Началось лихорадочное законное объединение в многочисленные профессиональные организации. Спустя год с небольшим, Россия покрылась целой сетью легальных и нелегальных союзов, при чем, по признанию того же автора, «административная власть, при существующем законе, оказалась бессильной бороться с проявившимся стремлением к объединению».

Бессильная бороться с профессиональными союзами при существующем законе, власть, возглавляемая П. Столыпиным, стала выискивать пути для подавления движения или, конкретнее выражаясь, прониклась мыслью о необходимости издания нового закона, позволившего бы тем же легальным путем начать систематическую ликвидацию массового профессионального движения.

Отголоском этого переходного периода (конец 1907—начало 1908 г.) в веяниях правительства служит лежащая перед нами официальная печатная «записка о профессиональном движении в империи», составленная, по видимому, в начале 1908 г. чиновником особых поручений при министре внутренних дел Блажчуком²⁾. Исходя из того, что «невозможность борьбы с народившимися организациями обуславливалась главнейшим образом самим законом 4 марта 1906 г., вовсе не предоставлявшим правительственной власти надлежащих средств к прекращению производившегося революционизирования масс», Блажчук в записке прямо ставит вопрос: «не следует ли, в виду таких обстоятельств, отменить закон 4 марта 1906 г., совершенно упразднить легальное положение профессиональных обществ в России».

¹⁾ Список литературы о „временных правилах 4-го марта 1906 г.“ см. в „Указателе литературы по профессиональному движению рабочих“, составленном В. В. Святловским (изд. 3-е, 1917 г., стр. 44—45).

²⁾ Действительный статский советник Мих. Иван. Блажчук был в то время откомандирован для занятий в департамент полиции.

Не касаясь здесь общей истории борьбы правительства с профессиональным движением в то время¹⁾, не останавливаясь на содержании и оценке записки Блажчука, мы ограничиваемся передачей лишь одного из трех приложений к записке, позволяющего определить по губерниям приблизительное количество профессиональных союзов—легальных и нелегальных,—возникших в то короткое время. Дело в том, что вопрос о размерах профессионального движения того периода, насколько нам известно, вызывает споры. В. Святловский, напр., на основании статистических данных главного по фабричным делам присутствия, собранных к 1-му июля 1907 г., указывает на 861 профессиональное общество,—из них считалось действующих—643, получивших отказ в регистрации—187 и закрытых властями—31²⁾. Б. Гриневиц ссылается на более «полный и авторитетный» подсчет, сделанный на основании материалов организационной комиссии по созыву съезда профессиональных союзов, собранных второй анкетой в начале 1907 г.; по этому подсчету в России в начале 1907 г. существовали 652 союза³⁾. Блажчук же насчитывает 1046 профессиональных обществ, из числа коих «за вредное направление» закрыто 161, и вовсе не функционировали 85, при чем указывает, что рядом с зарегистрированными обществами существовали 94 нелегальных союзов. Таким образом, по официальным сведениям Блажчука, функционировало 800 союзов, т. е. приблизительно на 150 больше—цифра относительно крупная—количества, указываемого Святловским и Гриневицем (первый—643, второй—652). Правда, иные сведения записки относятся к началу 1908 года, но не следует упустить из виду, что если во вторую половину 1907 г. количество союзов и могло увеличиться, то бесспорно, что в этот именно период правительство рядом циркулярных распоряжений, исходящих, между прочим, и от департамента полиции, вступило в полосу ликвидации профессионального движения и больше, чем в предшествующее время, позакрывало их. В соотношении пропорциональном, нам кажется, здесь большой разницы быть не может.

Но не только цифровой итог заставляет обратить внимание на сведения, заключающиеся в записке Блажчука. Они представляют помимо всего прочего интерес для характеристики первых шагов легального профессионального движения, так как отмечают размер движения по губерниям и областям. Такая сводка в литературе отсутствует.

К цифровым данным этим, конечно, можно отнестись с относительным доверием. Источником для них послужили материалы департамента полиции, собранные по секретному циркуляру (4-го его делопроизводства от 27 июля 1907 г. за № 73614), которым предлагалось всем губернаторам и градоначальникам представить—1) список существующих в губернии профессиональных обществ легальных, 2) нелегальных, 3) сведения о их деятельности и 4) сведения о закрытии обществ. А эта, именно, администрация была больше всего в курсе дела.

Р. Кантер.

Профессиональное движение по сведениям местных властей.

1. Архангельская губерния (по 3 ноября 1907 г.).

Зарегистрировано 16 профессиональных обществ, из коих закрыто два: «рабочих лесопильных заводов Архангельской губернии» и «рабочих лесопильного завода товарищества Кемских лесопильных заводов в г. Кемь», а три общества сами не функционируют. Члены закрытого общества «рабочих лесопильных заводов Архангельской губернии» пытались легализовать общество под другим названием, но ходатайство их уважено не было. В существующем ныне обществе «рабочих пекарен и булочных г. Архангельска» была попытка допустить в собрание агитаторов из посторонних лиц и, сверх того, в помещении этого общества была обнаружена при обыске нелегальная литература. Общество предупреждено, что при повторении подобных злоупотреблений будет закрыто.

¹⁾ Об этом см. в трудах В. Святловского, «Профессиональное движение в России», и Б. Гриневица, «Профессиональное движение рабочих в России» (подробный список литературы предмета—в упомянутом указателе В. Святловского).

²⁾ В. Святловский. Профессиональное движение в России, стр. 171—172.

³⁾ Б. Гриневиц. Профессиональное движение рабочих в России, стр. 277—285. На стр. 89 автор высказывается, что в действительности число закрытых правительством союзов выше цифры, приведенной В. Святловским.

Сведений о существовании нелегализованных обществ у губернатора не имеется.

Уставы некоторых обществ, особенно общества «рабочих по металлу», имеют боевое направление, близкое к социал-демократической программе: целью общества поставляется стремление к улучшению правовых условий жизни членов, сокращению рабочего дня, к отмене сверхурочных работ, штрафов за прогулы и вычетов из жалования за ложку и порчу инструментов, к устройству потребительских лавок, к наблюдению за исполнением предпринимателями лежащих на них обязанностей, к замене договоров отдельных рабочих с хозяевами договорами последних с обществом, умственному и нравственному развитию членов путем издания газет, брошюр и книг и посредством устройства библиотек, читален, публичных лекций, чтений, курсов, вечеров, поездок, спектаклей и беседований с общеобразовательной целью для выяснения текущих вопросов жизни. В запасные капиталы для расходов на массовые забастовки отчисляется до половины всех доходов. В среду общества допускаются «соревнователи» и сведущие лица, при чем на посторонних лиц возлагается заведывание библиотеками, чтение лекций и т. п. В качестве органов управления, кроме общих собраний, правлений и ревизионных комиссий, в некоторых обществах учреждены Советы Общества и товарищеские суды.

2. Астраханская губерния (по 22 декабря 1907 г.).

Зарегистрировано 8 обществ, из коих два: «Астраханских таскалей, каталей и чернорабочих» и «рыбнпромысловых и валовых рабочих на форносте» закрыты за насильственные срывы с работ рабочих, не принадлежащих к обществу. Это последнее общество пыталось легализоваться под другим названием, но ходатайство уважено не было.

Нелегализованное общество одно — «Астраханский союз тружеников печатного дела».

Уставы обществ умеренного направления. В состав «церковно-певческого общества» допущены «почетные члены» и «члены-соревнователи» из посторонних лиц.

3. Бессарабская губерния (по 21 сентября 1907 г.).

Зарегистрировано 16 обществ. Нелегализованное общество одно, в гор. Бендерах, отделение всероссийского железно-дорожного союза; заметной деятельности оно не проявляет. Всех отделений 14, из коих 4 состоят отделениями зарегистрированных в гор. Одессе обществ. Из этих последних 4 отделений два отделения сами прекратили свою деятельность.

В уставах встречаются положения, близкие к социал-демократической программе: целью обществ ставятся: содействие умственному и культурно-нравственному развитию членов, выработка тарифных расценок, наблюдение за исполнением хозяевами их обязанностей, организации «собраний, съездов и конференций», издание периодического органа и «листков», устройство клубов, библиотек, читален, публичных лекций, рефератов, концертов, спектаклей, экскурсий, чтений курсов, беседований с общеобразовательной целью. Кроме общего собрания и правления встречаются не установленные в законе органы управления: «делегатские собрания» и «товарищеские суды». Делегатским собраниям присвоено право вербовать новых членов, собирать взносы и назначать экстренные и специальные сборы. На членов возлагается обязанность выяснять товарищам значение и цели общества, с угрозой удаления из общества членов, не исполняющих в точности правил устава. При ликвидации общества остающиеся капиталы передаются другому обществу, преследующему однородные цели, по преимуществу, такому, в которое вступило наибольшее число членов закрытого общества. В запасные капиталы отчисляется до 40% всех доходов на нужды при массовой безработице. Для своих отделений некоторые общества выработали особые инструкции, коими совершенно закрепили под свою власть отделения.

4. Виленская губерния (по 24 декабря 1907).

Зарегистрировано 21 общество, из коих 4 закрыто за вредное направление (устройство общих собраний без заявления полиции, участие в собраниях посторонних лиц, насилия), а 5 сами не функционируют (с 1906 года). Нелегализованных обществ 8, а именно: нелегально продолжают свою деятельность закрытые общества и, сверх того, нелегально же функционируют 3 общества, в легализации коим было отказано.

Виновные в нарушении уставов, «за невозможностью преследовать их судебным порядком», подвергались аресту в административном порядке. По надзору за обществами администрация поставлена в тяжелое положение «в виду непредоставления ей права рассмотрения уставов по существу и с точки зрения необходимости и целесообразности возникающего общества».

Уставы такого же направления: с целью просветительной деятельности допускают устройство клубов, библиотек, читален, школ, концертов, вечеров, рефератов, лекций, чайных, столовых и т. п. и разрешают публичные собрания с целью привлечения в общество новых членов. Вводятся непредусмотренные законом бюро, товарищеские суды и организационные комиссии. В боевой фонд отчисляется до 50% всех доходов. Для заведывания библиотекой, чтением лекций, юридической и медицинской помощи и т. п. приглашаются посторонние лица.

5. Витебская губерния (по 18 декабря 1907 г.).

Зарегистрировано 45 обществ, из коих 14 закрыто и 3 предполагается закрыть за вредное направление. Общество «посадчиков, кожевников и шорников» не функционирует. Общества сосредоточены главным образом в городах Двинске и Витебске и находятся в теснейшей связи с революционными организациями, проводя забастовки, объявляя бойкот и допуская насильственные действия по отношению к работодателям. При обысках были найдены: в правлении общества торгово-промышленных служащих гор. Витебска—разрывной снаряд, в правлении общества рабочих спичечного дела—библиотека с преступными изданиями, в доме Мизроха и в квартире Мовшо Цивкина, известного под кличкой «Михаил»,—проекты уставов двух Витебских профессиональных обществ. Председателем правления общества рабочих по обработке металлов оказался член местного комитета Р. С. Д. Р. П. и военной организации Абрисимов. Помещение правления этого последнего общества, за неразысканием его, осталось необычным. На свободно разрешаемых администрацией общих собраниях партийные работники произносили зажигательные речи. Страх перед бойкотом и насильями вынуждал и благонамеренных людей вступать в члены профессиональных обществ. Жандармская власть единственным выходом из этого положения признает совершенное закрытие обществ.

Нелегализованное общество одно, в г. Полоцке, а именно «общество портных, портных и шапочников».

Уставы такого же направления и, между прочим, разрешают доступ в общество посторонним лицам «соревнователям» и допускают, в случае ликвидации общества, передачу его имущества другому обществу.

6. Владимирская губерния (по 7 февраля 1908 г.).

Зарегистрировано 12 обществ, из числа коих общества: «рабочих фабрики И. А. Треумова» в г. Коврове и «ситце-печатных мастеров г. Иваново-Вознесенска», в виду их вредного направления, закрыты; сверх того приостановлена деятельность профессионального общества фабричных рабочих текстильного производства, в виду обнаружения, при обыске, в его библиотеке массы книг и брошюр революционного содержания. В губернии имеются, сверх того, три отделения зарегистрированных в Москве обществ, 18 таких же отделений закрыто, при чем одно из них закрыто самостоятельно Владимирским присутствием. Два общества были временно приостановлены. Попыток к возобновлению со стороны закрытых обществ не было.—Нелегализованных обществ нет.—Общество торгово-промышленных служащих города Иваново-Вознесенска просило разрешения открыть, с политическими целями, вечерне-воскресные курсы с программой средне-учебных заведений. Общество это, согласно своему уставу, «содействуя умственному, профессиональному и моральному развитию членов», устраивает клубы, библиотеки, читальни, публичные лекции, чтения, курсы и собеседования, а также вечера, концерты, спектакли и т. п. Обществу в означенном ходатайстве отказано.

В уставах целью общества поставляется защита правовых интересов его членов и содействие их умственному развитию. Обществу предоставляется право производить исследования быта рабочих, выработать соглашения с хозяевами и следить за точным выполнением последними этих соглашений. В общество допускаются посторонние лица—«соревнователи».

7. Вологодская губерния (по 9 ноября 1917 г.).

Зарегистрировано 8 обществ, из коих 7 были временно приостановлены за стремление к слиянию, в целях революционных, в общий союз во главе с закрытым ныне обществом «служащих в торгово-промышленных заведениях гор. Вологды». Из этих 7 обществ лишь одно имело помещение для правления, и все они не заявляли фабричному инспектору о составе правления. Пяти обществам в регистрации было отказано. Закрытое общества дважды делало попытку к возобновлению под названием: «в единении сила». После закрытия сего общества руководство прочими обществами взяло на себя «общество печатного дела». «Под влиянием политических ссыльных», рабочие, лихорадочно стремясь к объединению, обнаруживают

неспокойное настроение». В числе зарегистрированных присутствием обществ имеется «Пчеловодное общество на паях в гор. Никольске»; цель общества—получение его членами доходов от устриваемой пасеки (дивидендов).

Нелегализованных обществ нет.

В уставах обществ введены положения о повышении заработной платы, отмене ночного труда и сдельных и сверхурочных работ, сокращения рабочего дня, об организации примирительных камер для разбора недоразумений рабочих с хозяевами, о наблюдении за исполнением хозяевами установленных для них соглашений с рабочими и т. п.

8. **Волынская губерния** (по 16 октября 1907 г.).

Зарегистрировано лишь «общество рабочих печатного дела Волынской губернии», деятельность которого приостановлена губернатором. «Общество вспомоществования приказчиков», утвержденное до закона 4 марта 1906 года, закрыто за стремление к обсуждению на собраниях политических вопросов. Имеется три отделения зарегистрированных в Кисеве обществ.

Нелегализованных обществ тринадцать: печатного дела, приказчиков и конторщиков, приказчиков, рабочих табачных и гильзовых фабрик, рабочих мягкой мебели, столяров, рабочих по изделю кавказского серебра, жестяников, портных и шапочников, часовщиков и ювелиров; маляров, гладильщиков в прачечных заведениях и прачечников.

9. **Воронежская губерния** (по 1 февраля 1908 г.).

Зарегистрировано—в 1906 году—четыре общества, из коих одно (общество по обработке дерева) еще не открыло своих действий, за отсутствием желающих вступить в число его членов, и в 1907 году—5 обществ, которые также не открыли своих действий. За вредную деятельность закрыто общество приказчиков и служащих в торгово-промышленных предприятиях.

19 декабря 1907 года в гор. Воронеже был задержан один из участников разбойного нападения на бакалейную лавку Стаховского; задержанный назвался бывшим учителем Антоном Шевцовым; из найденных при нем документов выяснилось, что он, будучи членом одного профессионального общества и помощником секретаря правления другого общества, уполномочен на сбор пожертвований и на партийную работу в профессиональных обществах, а также на открытие отделений профессиональных обществ и на обозрение деятельности в существующих отделениях.

Нелегализованных обществ нет.—Уставы носят обычный боевой характер.

10. **Вятская губерния** (по 9 ноября 1907 г.).

Зарегистрировано пять обществ.—Нелегализованных обществ нет.

В уставах общества ставят свою цель: стремление к сокращению рабочего дня, к установлению праздничного отдыха, недопущению сверхурочных и домашних работ, к уплате жалованья 2 раза в месяц, установлению ежегодных отпусков до 1 месяца с сохранением жалованья, к уплате уволенному рабочему трехмесячного жалованья, а также устройство клубов, библиотек, читален, курсов и чтений. В общество допускаются, в качестве почетных членов, посторонние лица.

11. **Гродненская губерния** (по 24 октября 1907 г.).

Зарегистрировано в 1906 году три общества, из коих одно (общество торгово-промышленных служащих гор. Бреста), за политическую неблагонадежность некоторых членов, закрыто (определение присутствия о закрытии обжаловано в Сенат), и в 1907 году—четыре общества, из коих три, зарегистрированных 12 мая, еще не открыли своих действий.

Нелегализованных обществ 5: портных, печатного и игельного дела и кожевников (в м. Свислочь и Скидель).—В уставах содержатся те же положения боевого характера.

12. **Екатеринославская губерния** (по 3 ноября 1907 г.).

Зарегистрировано в 1906 году 50 обществ, из коих 4, а именно: рабочих печатного дела, рабочих железоделательных заводов, рабочих электрической тяги и общество по покупке и продаже лесных материалов—закрыты за противоразительную деятельность (за предоставление своих помещений для социал-демократических собраний), и в 1907 году 15 обществ, из коих 2, зарегистрированных в апреле и мае, еще не функционируют. Одно из закрытых обществ (общество по покупке и продаже лесных материалов) пыталось возникнуть под другим названием, но ходатайство уважено не было.

Нелегализованных обществ два: союз учителей и союз железно-дорожных служащих.—Уставы обычного боевого характера.

13. Казанская губерния (по 13 декабря 1907 года).

Зарегистрировано семь обществ, из коих три: фармацевтов, булочников, кондитеров и казначиков и рабочих кожевенного производства—закрыты за слияние с социалистическими организациями, каковое слияние выразилось в учреждении «центрального бюро профессиональных союзов», состоящего из социал-демократов и социал-революционеров, а также из представителей от профессиональных обществ. Закрытые общества отпускали средства на содержание Ц. Б. и, при посредстве бюро, вступили на путь выполнения партийных директив.

Нелегалованных обществ 7: по обработке дерева, по обработке металла, портных, печатного дела, газетчиков, книжников, экипажного производства и конторщиков, машинистов и канцеляристов.—Центральное бюро ликвидировано; сделано также распоряжение о ликвидации нелегалованных обществ.—Газета «Дневник Казани», подстрекавшая своими статьями рабочих соединяться в профессиональные союзы и образовывать этим путем капиталы для борьбы за пролетариат, прекратила свое существование.

Положения уставов такого же боевого направления.

14. Калужская губерния (по 22 сентября 1907 г.).

Зарегистрированных обществ нет.—Нелегалованных обществ также нет. Существовало лишь 4 отделения зарегистрированных в Москве обществ, из коих три уже закрыты. Одно из закрытых отделений пыталось легализоваться в общество, но ходатайство о сем уважено не было.

15. Киевская губерния (по 29 декабря 1907 г.).

Зарегистрировано 32 общества, из коих одно (Киевский союз рабочих печатного дела) закрыто за бойкот, а 3 общества сами не функционируют. Из существующих обществ «союзу служащих в торгово-промышленных предприятиях гор. Киева», за выбор делегатов, участие в собраниях посторонних лиц и не установленные уставом сборы пожертвований предложено, с предупреждением о закрытии, устранить эти неправильности, а по отношению к обществу «Киевскому союзу рабочих по металлу», в правлении которого было найдено по обыску значительное количество возникших явочным порядком брошюр революционного характера, никаких мер принято не было, за отсутствием «данных, подтверждающих, что деятельность союза изменила свою, утвержденную уставом, цель». Получены, но еще не проверены сведения о революционном направлении общества служащих фармацевтов Киевской губернии». Бердичевское отделение этого последнего общества объявило забастовку и постановило избрать примирительную камеру с тем, чтобы обратиться за содействием во Врачебное отделение, если аптекари откажутся от улажения конфликта посредством означенной камеры.

Из нелегалованных обществ: в Киеве—одно—«центральное бюро киевских профессиональных союзов»,—уже прекратило свою деятельность; в гор. Умани—два: «союз печатников» и «союз рабочих чугуно-литейного завода Пинеса», которые также ныне не существуют; и в городе Бердичеве—четыре бундовских: «союз приказчиков, бухгалтеров и конторщиков» (самый многочисленный), «союз кожевников», «союз портных» и «союз рабочих печатного дела», из коих последний отличается наибольшей влиятельностью. Эти последние нелегалованные союзы (Бердичевские, кроме кожевников) проводят забастовки и бойкоты, штрафуют непокорных хозяев, назначают рабочих из безработных, и притом, сверх штата, помимо желания хозяев, и допускают умышленно небрежную работу (саботаж).

Уставы обществ в большинстве случаев крайне либеральны и целиком построены на общих принципах социал-демократической программы: общества ставят свою целью: объединение рабочих в пределах всего генерал-губернаторства, содействие умственному и нравственному развитию членов, изгнание сверхурочных работ и сдельной платы, достижение еженедельного отдыха непрерывно в течение 42 часов, отмену штрафов за прогулы, браковок и проч., приобретение обществами, несмотря на национальность их членов, в пределах генерал-губернаторства недвижимой собственности, наблюдение за выполнением предпринимателями их соглашений с рабочими, устраивают библиотеки, читальни, публичные лекции, чтения, вечера, концерты и спектакли, устраивают общежития и столовые, кружки для самообразования и собеседования с общеобразовательной целью и для выяснения текущих вопросов жизни, сами изменяют свои уставы, производят статистическое обследование быта своих членов. Кроме общего собрания и правления допущены, в качестве органов управления, делегатские и депутатские собрания, третейские и товарищеские суды, бюро и т. п. Особенно широкая власть предоставлена депутатским собраниям; они исключают членов за неисполнение уставов, производят экстренные и специаль-

ные сборы, наблюдают за хозяевами и т. п. В запасный капитал (боевой фонд) отчисляется половина всех доходов. В общества входят и посторонние лица в качестве почетных членов.

16. Новенская губерния (по 26 ноября 1907 г.).

Зарегистрировано восемь обществ.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы умеренного направления.

17. Костромская губерния (по 18 сентября 1907 г.).

Зарегистрировано 11 обществ, из коих 2 (по обработке волокнистых веществ), за противоправительственное направление (празднование 1 мая, манифестация с красными флагами, забастовки), закрыты. Одно из закрытых обществ имело 7 отделений. Нелегализованных обществ нет.

Согласно уставов—целью общества ставится: стремление к увеличению заработной платы и сокращению рабочего дня, организация собраний и съездов, наблюдение за точным исполнением хозяевами установленных для них соглашений с рабочими, устройство библиотек, чтение публичных лекций, экскурсий, чтений, собеседований и т. п.

18. Курляндская губерния (по 18 сентября 1907 г.).

Зарегистрировано два общества. Были 2 отделения общества, зарегистрированного в гор. Риге; отделения эти закрыты курляндским губернатором.—Уставы общества умеренного направления.

19. Курская губерния (по 7 января 1908 г.).

Зарегистрировано три общества.—Незаконных союзов пять: «рабочих и служащих железнодорожного узла», «рабочих по металлу», «рабочих свечного завода», «рабочих и работниц по изготовлению одежды» и «рабочих печатного дела». Существует также «центральное бюро курских профессиональных союзов», служащее объединяющим органом местного профессионального движения.

20. Лифляндская губерния (по 27 октября 1907 г.).

Зарегистрировано 27 обществ, из коих одно («Прибалтийское общество типографов») за крайне вредное направление приостановлено. Но вообще во всех обществах имеется значительное число членов, входящих в состав социал-демократических организаций и стремящихся подчинить общества своему влиянию. В губернии почти все рабочие объединились в профессиональные общества. Некоторые общества распространили свою деятельность и на другие губернии Прибалтийского края.

Уставы обычного боевого направления.

21. Минская губерния (по 13 ноября 1907 г.).

Зарегистрировано 16 обществ, из коих «общество приказчиков и приказчиц», за связь с «тайным стачечным комитетом» (прибегавшим к угрозам, стачкам, забастовкам, насилиям и покушениям на жизнь и целостность имущества хозяев), закрыто; усилен надзор над обществом рабочих спичечных фабрик гор. Борисова, так как было замечено, что общество это допускает в свое помещение посторонних лиц.—Нелегализованных обществ нет.

В уставах целью общества ставится: устройство лекций, чтений, собеседований, рефератов докладов и т. п., открытие библиотек, читален, школ, клубов и курсов, учреждение потребительских обществ. В общества допускаются, в качестве членов соревнователей, посторонние лица. При ликвидации общества имущество его передается другому обществу с однородными целями.

22. Могилевская губерния (по 17 сентября 1907 года).

Зарегистрированных обществ нет, так как все ходатайства о легализации (коих было 5) были отклонены. Нелегализованных обществ 4: фармацевтов, приказчиков (в гор. Могилеве и Гомеле) и рабочих печатного и переплетного дела.

23. Московская губерния (по 8 января 1908 г.).

В губернии зарегистрировано шесть обществ, из коих одно (общество рабочих Мытищенского машиностроительного завода) за вредную деятельность закрыто. Зато губерния покрыта целой сетью отделений зарегистрированных московским столичным присутствием обществ; таких отделений было 33, из коих 26 были закрыты лишь после донесения губернатора от 22 мая 1907 года о серьезной опасности, которой эти отделения угрожают общественному спокойствию в виду их взаимной между собой связи чрез посредство «Московских центральных бюро», состоящих из революционных элементов и представителей от профессиональных обществ, а также благодаря тому, что в уставах этих обществ имеются особые параграфы о свободе стачек и допущении в общества членов соревнователей (врачей, юристов, литераторов). Опасность усугубляется

гублялась отсутствием в законе правила, по которому отделения могли бы открываться не иначе, как с разрешения местной власти.—Нелегализованных обществ в губернии нет. Градоначальник Рейнбот, не отрицая того, что в уставах общества допускались правила о свободе стачек и о допущении в общество членов соревнователей, донес (6 июля 1907 года за № 17685), что в последнее время регистрация уставов с такими дефектами отклонялась.

По городу Москве зарегистрировано 83 общества (сведения дополнены данными, имеющимися в Департаменте Общих Дел), из коих продолжают свою деятельность 57, остальные 26 обществ закрыты за вредное направление (за стачки и бойкот). Из числа закрытых обществ девять пытались возродиться под другими названиями, а 8 продолжают действовать подпольно. Кроме того, существуют следующие нелегальные общества: «всероссийский железнодорожный союз» и «всероссийский профессиональный союз железнодорожных служащих». Замечено настойчивое проникновение деятелей революционных организаций в составы правлений как зарегистрированных, так и нелегальных обществ.

Уставы крайне боевого направления.

24. Нижегородская губерния (по 24 сентября 1907 года).

Зарегистрировано 21 общество, из коих одному (печатного дела), за насильственное вытеснение с работ рабочих, не состоящих членами, воспрещены общие собрания, а 6 обществ (портных Сормовских заводов, приказчиков, конторщиков, кустарей и кожевников) закрыто за вредную деятельность (открытие, без разрешения, библиотек с запрещенными изданиями, бойкот, выражение порицания должностному лицу). Одно из закрытых обществ (портных) пыталось возродиться под другим названием.

Из зарегистрированных обществ два общества — рабочих товарищества льнопрядильной мануфактуры при селце Молитовке и домостроительная артель рабочих (с момента регистрации—января 1907 года и сентября 1906 года) не функционируют; учредители первого из них вскоре после регистрации выбыли из селца Молитовки, где предполагалось учредить общество. Нелегализованных обществ два: «волжская судоходная организация» и «учительский союз».

В уставах целью общества ставится—организация собраний и съездов, наблюдение за выполнением хозяевами установленных для них соглашений с рабочими, устройство библиотек-читален, публичных лекций, экскурсий, чтений, курсов и беседований. В запасный (боевой) капитал отчисляется свыше 50% всех доходов.

25. Новгородская губерния (по 20 сентября 1907 года).

Зарегистрировано три общества, из коих одно (рабочих булочно-кондитерского, бараночного и хлебного производств) не развилось и само прекратило свое существование.—Нелегализованное общество одно—«союз учителей и деятелей по народному образованию». — Уставы обществ умеренного направления.

26. Олонецкая губерния (по 11 сентября 1907 г.).

Ни зарегистрированных, ни нелегализованных обществ нет.

27. Оренбургская губерния (по 20 октября 1907 года).

Зарегистрировано семь обществ.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы обществ умеренного направления.

28. Орловская губерния (по 25 сентября 1907 г.).

Зарегистрировано четыре общества, из коих одно («содержателей булочных и кондитерских заведений») не функционирует.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы обществ умеренного направления.

29. Пензенская губерния (по 14 сентября 1907 г.).

Зарегистрировано пять обществ, из коих одно (рабочих хлебопекарного цеха) закрыто за попытку снятия со службы рабочего, не принадлежащего к членам общества.—Нелегализованных обществ нет.

В уставах общества ставят свою целью—организацию собраний и съездов, производство исследования быта рабочих, наблюдение за выполнением хозяевами установленных для них соглашений с рабочими, устройство клубов, библиотек, читален, публичных лекций, экскурсий, чтений, курсов и беседований, издание периодического органа или листков. В общества, в качестве «членов соревнователей», входят посторонние лица: врачи, литераторы, юристы и проч.

30. Пермская губерния (по 14 августа 1907 г.).

Зарегистрировано восемь обществ, из коих два, портных и кондитеров еще не открыли своих действий (с момента регистрации—16 марта и 26 июля 1907 г.). Два из сих обществ—

«приказчиков в городах Перми и Екатеринбурге» существовали еще до закона 4 марта 1906 г. (с 1884 и 1887 года). — В уставах проводится стремление к умственному и моральному развитию членов общества и к наблюдению за выполнением хозяевами соглашений о нормировании заработной платы и других условий труда.

31. Подольская губерния (по 24 августа 1907 г.).

Зарегистрировано три общества. — Нелегалizованных обществ нет. — В уставах проводится такое же стремление к развитию членов общества и к наблюдению за деятельностью хозяев.

32. Полтавская губерния (по 29 декабря 1907 г.).

Зарегистрировано четыре общества, из коих одно (союз служащих в торгово-промышленных предприятиях гор. Прилук) закрыто за выдачу правлением без разрешения общего собрания ссуды неизвестным лицам и за разрешение в утвердительном смысле вопроса о праве евреев на торговлю в воскресные дни. — В губернии, ранее регистрации, обыкновенно собираются сведения о благонадежности учредителей. — Нелегалizованное общество одно — союз рабочих портняжного цеха. — В уставах допущено участие в обществах посторонних лиц в качестве «почетных членов» и «членов соревнователей».

33. Псковская губерния (по 16 октября 1907 г.).

Зарегистрировано одно общество — «артель трубочистов». — Нелегалizованных союзов нет. — Устав общества умеренного направления.

34. Рязанская губерния (по 28 сентября 1907 г.).

Никаких обществ не имеется.

35. Самарская губерния (по 13 октября 1907 г.).

Зарегистрировано десять обществ, из коих два — «портных» и «печатного дела» закрыты за вредное направление. Закрытое общество портных предоставляло свое помещение для многолюдного дискуссионного собрания революционных элементов, в каком-то собрании, между прочим, находились члены комитета Р.С.Д.Р.П., лица, входящие во второй подрайонный комитет той же партии, делегат от центрального комитета той же партии и представители профессий. Пять обществ, зарегистрированных 20 июня, 31 июля и 25 сентября 1906 года и 28 марта и 23 мая 1907 года, до сих пор не отпечатали своих уставов.

В уставах общества ставят своей целью — улучшение правового положения рабочих, содействие их умственному развитию, наблюдение за выполнением хозяевами установленных для них соглашений с рабочими, издание периодического органа, устройство библиотек, читален, публичных лекций, прогулок, собраний, чтений, курсов и беседований. В запасный (боевой) капитал отчисляется 50% всех доходов.

36. С.-Петербургская губерния (по 8 октября 1907 года).

В губернии (через городское присутствие) зарегистрировано 43 общества, из коих правления 41 общества находятся в С.-Петербурге, вследствие чего губернатору не известно, функционируют ли эти общества; «общество портных» еще не открыло своих действий.

Особо от этого по городу Петербургу зарегистрировано 74 общества, из коих 3 закрыты, а деятельность 25 обществ приостановлена градоначальником за вредное направление.

Губернатор затруднился представить уставы, так как он лишен возможности истребовать их от обществ.

Сведений о существовании в гор. С.-Петербурге нелегалizованных обществ в градоначальстве не имеется.

37. Саратовская губерния (по 2 декабря 1907 г.).

Зарегистрировано 21 общество, из коих три: «кулинарного цеха», «официантов» и «приказчиков» — закрыты за вредное направление, а 11 сами не функционируют. — В августе 1907 года социал-демократы проявили особо интенсивную деятельность, стремясь сблизиться с существующими обществами и создать новые, но потерпели неудачу, так как лица, составившие для этого особую «техническую группу», были арестованы. — Нелегалizованных обществ три: «организационное бюро профессионального союза почтово-телеграфных служащих», такое же «бюро железнодорожных служащих» и (в гор. Вольске) «фельдшерско-акушерская городская корпорация».

В уставах целью общества становится — сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, отмена сделных и сверхурочных работ и ночного труда, наблюдение за точным исполнением законов об охране труда, выработка соглашений с хозяевами о нормировании заработной платы, длине рабочего дня и других условий труда и наблюдение за исполнением хозяевами

таковых соглашений, организация съездов и собраний, устройство библиотек, читален, публичных лекций, чтений, курсов, беседований, вечеринок, рефератов, концертов, спектаклей и т. п. В общества, в качестве «членов-соревнователей», допускаются посторонние лица. В запасный (боевой) капитал отчисляется 50% и свыше 50% всех доходов.

38. Симбирская губерния (по 18 сентября 1907 года).

Зарегистрировано 13 обществ, из коих три («по обработке дерева», «конторщиков» и «взаимопомощи»), за участие их членов в политической ссодке, закрыты. Общества созданы искусственно, по настоянию доктора Сахарова, стремившегося пройти в члены Государственной Думы.—В уставах проводится такое же стремление к просвещению членов общества и к наблюдению за действиями хозяев.

39. Смоленская губерния (по 12 ноября 1907 года).

Из десяти зарегистрированных обществ три: «печатного дела», «булочников» и «деревобделочного цеха»—закрыты за вредное направление, а два: «механического» и «портняжного» цехов—сами не функционируют.—Нелегалнзованных обществ нет.—Уставы такого же боевого направления.

40. Ставропольская губерния (по 3 октября 1907 года).

Все зарегистрированные общества, в числе семи, закрыты по введении в губернии положения о чрезвычайной охране.—Нелегалнзованных обществ нет.—Уставы обычного боевого направления.

41. Таврическая губерния (по 21 января 1908 г.)

Зарегистрировано 60 обществ, из коих Феодосийское общество «портных, модисток, шапочников и шляпниц» и Евпаторийское общество «портных» закрыты за революционное направление, а деятельность симферопольских обществ «мельничных рабочих» и «рабочих конфектных и консервных фабрик» приостановлена за вредное направление. Еще 4 общества навлекают на себя сильное подозрение в отношении неблагонадежности их членов, а именно общества: «фармацевтов», «сапожников и заготовщиков», «рабочих строительного цеха» и «приказчиков Б. Токмака», но данных для их закрытия, согласно донесению губернатора, не представляется возможным добыть.—Десять обществ сами прекратили свою деятельность. — Нелегалнзованное общество одно—в гор. Симферополе «областной центр крымских профессиональных союзов». — Уставы обычного боевого направления.

42. Тамбовская губерния (по 17 августа 1907 г.)

Было зарегистрировано 4 общества, но губернатор, признавая институт профессиональных обществ вредным для государства, собственною властью прекратил действие этих 4-х обществ, через министра внутренних дел вошел в Правительствующий Сенат с представлением об отмене постановлений присутствия о регистрации. Все последующие многочисленные ходатайства как членов закрытых обществ, так и других лиц о легализации обществ оставляются присутствием без удовлетворения—в виду установленной тесной связи обществ и союзов с революционными организациями.

43. Тверская губерния (по 27 августа 1907 года).

Зарегистрировано восемь обществ.—Нелегалнзованное общество одно—«всероссийский союз учителей», проявивший свои действия в губернии тремя отдельными группами.—Уставы боевого направления.

44. Тульская губерния (по 21 сентября 1907 г.)

Зарегистрировано всего одно общество «рабочих по обработке металлов». Существует также общество приказчиков, утвержденное до закона 4 марта 1906 г. Были 3 отделения зарегистрированных в Москве обществ, каковые отделения ныне закрыты за вредное направление.—Нелегалнзованных обществ нет.—Устав существующего «общества рабочих по обработке металлов» такого же боевого направления.

45. Тургайская область (по 7 ноября 1907 г.)

Ни зарегистрированных, ни нелегалнзованных обществ нет.

46. Уральская область (по 18 августа 1907 г.)

Зарегистрировано пять обществ.—Нелегалнзованных обществ нет.—Уставы боевого направления; в общества допускаются посторонние лица в качестве «почетных членов» и «членов-соревнователей». Уставы обществ «ломовых извозчиков» и «кондитеров» изготовлены на тех же бланках, на каких встречаются уставы в Саратовской губернии; на бланках этих про-

печатам целиком весь текст устава и лишь оставлено место для вписки наименования общества: «ломовых извозчиков» и «общество кондитеров», каковые слова вписаны чернилами.

47. Уфимская губерния (по 15 сентября 1907 года).

Зарегистрировано лишь одно общество служащих в торговых предприятиях. Ходатайство о регистрации нескольких других профессиональных обществ были отклонены. Существует одно отделение зарегистрированного в Москве общества.—Сведений о существовании нелегализованных обществ у губернатора не имеется.—Устав существующего общества обычного боевого направления.

48. Харьковская губерния.

От губернатора никаких сведений не получено. Согласно же сообщениям начальник охранного отделения от 16 и 29 августа 1907 года за №№ 3497 и 3910,—в губернии зарегистрировано 16 обществ, из коих в помещении общества «портных» были замечены собрания с участием членов местной социал-демократической организации.

49. Херсонская губерния (по 10 октября 1907 года).

Зарегистрировано 9 обществ, из коих одно («взаимопомощи приказчиков») закрыто, за вредное направление, а два («фармацевтов» и «рабочих машиностроительных заводов») сами не функционируют.—Нелегализованных обществ четыре: «булочников», «портных», «сапожников» и «союз учителей» («спилка»).—Уставы такого же боевого направления.

51. Эстляндская губерния (по 11 февраля 1908 года).

Зарегистрировано 13 обществ, из числа коих одно («типографов») самостоятельно образовалось из бывшего ранее отделения закрытого в гор. Риге «прибалтийского общества типографов». Все эти общества, повидимому, тайно объединились в один общий союз, так как 10 из них наняли помещения для своих правлений в одном и том же доме в г. Ревеле.—Нелегализованных обществ нет.

Уставы обычного боевого типа. В общества, в качестве «членов-соревнователей», допускаются посторонние лица. Делами общества, кроме правлений и общих собраний, управляют «бюро», «совет», «собрания уполномоченных», «собрания отделений». Кроме «отделений» образуются особые «кружки». По делам о неправильной выдаче пособий воспрещается обращаться с исками в общие суды. При ликвидации дел какого-либо общества остающиеся после него капиталы поступают в пользу публичных библиотек г. Ревеля.

52. Ярославская губерния (по 9 августа 1907 года).

Ни зарегистрированных, ни нелегализованных обществ не существует.—Были многочисленные попытки разных лиц к регистрации профессиональных обществ, но все эти ходатайства были оставлены без последствий, за установлением того обстоятельства, что ходатайства эти «носили характер совершенно искусственно навешанных извне тенденций и не обуславливались действительными потребностями профессий». От просителей требовались доказательства о принадлежности к определенной профессии, каковые доказательства не представлялись. Определения присутствия обжалованы в Сенат не были.

53. Область войска Донского (по 15 октября 1907 года)

Зарегистрировано десять обществ, из коих одно («общество рабочих печатного дела») закрыто за вредное направление, за празднование 1 мая, за снятие с работ рабочих, нанятых хозяевами без согласия общества, за недопущение сверхурочных работ и т. п.—Уставы обычного боевого типа.

ПРИВИСЛИНСКИЙ КРАЙ.

54. Варшавская губерния и гор. Варшава (по 5 февраля 1908 года).

Зарегистрировано 48 обществ. Одно из обществ («рабочих сахарных заводов царства Польского») имеет 5 отделений. За вредное направление представлены к закрытию: «беспартийное общество портных и портних», «общество рабочих печатного и переплетного дела», «общество еврейских приказчиков», и приостановлено «Польское профессиональное общество шляпочников»; район действий последнего общества распространен на всю Империю.—Нелегальных обществ девять.

Сильное стремление к легализации объясняется, по словам губернатора, теми выгодами, каковые последняя представляет для смелой и открытой партийной работы. Почти все общества

восприняли партийную программу. Взносы некоторых обществ погашаются особыми партийными марками; на марках, членских книжках и сборных листах попадаются с.-д. эмблемы (две поданные друг другу руки). Помещение «общества еврейских приказчиков» служило центральной квартирой представителей партий; здесь устраивались спектакли и читались лекции, сбор с которых поступал в партийный фонд. Обыкновенно к легализации приступалось лишь после выбора и назначения в общество активных работников партии.—По гор. Варшаве общества регистрируются губернским присутствием, подведомственным губернатору, помимо воли обер-полицеймейстера.

В целях просвещения рабочих масс издаются следующие органы нелегальных социал-демократических профессиональных союзов: «Млот» (молот), «Звёзковец» (союзник), «Колсярж» (железнодорожников), «Едность» (единение), «Будовничий» (строитель), «Звёзек заводовый» (профессиональный союз), «Червоный штандарт» (красное знамя) и «До вальки» (к борьбе).—Уставы усиленно-боевого типа: общества распространяют свою деятельность на весь Привислинский край; допускаются «почетные члены», «делегаты», «делегатские собрания», «секции», «специальные комиссии», «суды чести» и «товарищеские суды». Эти суды решают дела по совести, «на принципах», и безапелляционно, при чем между прочим исключают членов, нерадеющих в делах общества. Члены обязываются пользоваться этим «собственным своим судом». Изменение устава (в обществе рабочих сахарных заводов царства Польского) становится обязательным с момента регистрации установленным порядком. Особенно обращает на себя внимание финансовая сторона обществ; часть доходов обращается «на образование вечного неприкосновенного фонда». При ликвидации какого-либо общества остающееся после него имущество либо обращается на «культурные цели», либо передается «одному из общественных польских учреждений» в качестве «железного фонда», либо хранится, в качестве «депозита», в течение, однако, не свыше 10 лет, в одном из банков, «для могущих возникнуть польских профессиональных организаций». Даже после ликвидации общества общее собрание продолжает сборы «следующих с членов сумм до полной их уплаты».

55. Калишская губерния (по 15 сентября 1907 года).

Зарегистрировано два общества. Имеются 4 отделения обществ, зарегистрированных: 2 в Варшаве и 2 в Петрокове.—Нелегалезованных обществ нет.—Согласно уставу одного из этих обществ («кассы сбережения и вспомоществования для фабричных рабочих и ремесленников Лесьмерского промышленного общества») часть общественного капитала не подлежит аресту за долги.

56. Келецкая губерния (по 23 сентября 1907 года).

Ни зарегистрированных, ни нелегалезованных обществ нет.

57. Ломжинская губерния (по 18 сентября 1907 года).

Зарегистрированных обществ нет.—Имеется лишь одно отделение зарегистрированного в Варшаве общества рабочих сахарных заводов царства Польского.—Нелегалезованный «профессиональный союз» один, состоящий из 5 групп; «строительный», «шила», «портняжный», «кожевенников» и «торгово-промышленников».

58. Люблинская губерния (по 9 сентября 1907 года).

Зарегистрировано четыре общества и имеется 4 отделения зарегистрированных в Варшаве обществ.—Нелегалезованных обществ нет.—Уставы обычного боевого типа.

59. Плоцкая губерния (по 12 сентября 1907 года).

Ни зарегистрированных, ни нелегалезованных обществ нет.

60. Петроковская губерния (по 19 ноября 1907 года).

Зарегистрировано 39 обществ, из коих на гор. Лодзь приходится 32: из них, за вредное направление (за насилия и террористические действия) одно общество («дворников») закрыто, а за семью установлено усиленное наблюдение. Одно общество («Едность»—в Лодзи) состоит из 20.000 членов, при ежегодном доходе в 32.500 рублей и расходе в 18.000 рублей. Сверх того, имеется 6 отделений, зарегистрированных в Варшаве обществ.—Сведений о существовании нелегалезованных обществ у губернатора не имеется.

Уставы резко отличаются от варшавских своим умеренным направлением; лишь в нескольких («волокнистых вешеств», «тружеников печатного дела» и «сапожников») заключаются положения о «товарищеских судах» и передаче имущества закрытого общества другому обществу, или в одно из «местных общественных учреждений».

61. Радомская губерния (по 30 ноября 1907 года).

Зарегистрировано 3 общества, из коих одно («общество рабочих кожевенного производства»), в виду принадлежности членов его правления к социалистической партии, закрыто в порядке правил военного положения. Сверх того имеется одно отделение общества («дворников»), зарегистрированного в Петрокове, и 11 отделений обществ, зарегистрированных в Варшаве.— Нелегализованных обществ нет.— Уставы умеренного направления.

63. Седлецкая (по 15 октября 1907 г.)

Ни зарегистрированных, ни нелегализованных обществ нет, а имеется лишь 3 отделения зарегистрированных в Варшаве обществ.

ГРАДОНАЧАЛЬСТВА:

64. Керчь-Еникальское градоначальство (по 22 сентября 1907 года).

Зарегистрировано 13 обществ, и, сверх того, 2 общества возникли явочным порядком, а именно: «прачечников» и «служащих в торгово-промышленных заведениях».— Уставы градоначальником не присланы.

65. Кронштадтское градоначальство (по 15 октября 1907 года).

Никаких обществ не существует.

66. Николаевское градоначальство (по 20 сентября 1907 года).

Никаких обществ не существует.

67. Севастопольское градоначальство (по 4 февраля 1908 года).

Зарегистрированных обществ нет.— Существует нелегализованный «профессионально-политический союз работников по дереву»; в силу печатного устава этого «союза» он ставит своею целью политическую борьбу с правительством, рекомендуя своим членам примкнуть к общему движению в случае массового выступления всех трудящихся.

68. Одесское градоначальство (по 31 декабря 1907 года).

Зарегистрировано 89 обществ, из коих 17 сами не функционируют (правления двух из них не обнаружены), 7 закрыто присутствием и 10 генерал-губернатором—за вредное направление (угрозы и насилия, хранение нелегальной литературы, предоставление своих помещений для собраний членов Бунда и Р. С. Д. Р. П. Остальные общества, путем проведения в них на должности членов правления и секретарей агентов преступных сообществ, также находятся под влиянием противоправительственных организаций. Присутствию по делам об обществах было предложено о закрытии еще 4 х обществ, но присутствие, «за отсутствием фактических данных», отложило суждение по вопросу о закрытии этих обществ впредь «до представления дополнительных сведений».

Существовало «центральное бюро» местных профессиональных союзов, состоявшее из партийных деятелей и представителей от обществ. Члены закрытых обществ пытались образовать общества под другими названиями, но, вследствие неудовлетворительного составления уставов, желания многих из них не могли осуществиться.— Общественные капиталы служат главным источником содержания партийных деятелей. Отсутствие установленных 23 статьей 11 отдела закона 4 марта 1906 года правил о представлении отчетности, как не изданных по сие время министерством торговли и промышленности, не дает администрации возможности предупреждать употребления означенных капиталов на политические цели борьбы с правительством. Для поддержания агитаторов и вообще партийных деятелей—они принимаются в общества, за жалование, на службу, в качестве секретарей. Испытывается большое неудобство в виду недостатка уставов; не имея таковых в достаточном количестве в своем распоряжении, власти лишены возможности наблюдать за точным исполнением их подлежащими обществами.

Уставы обычного боевого типа. В общества допускаются посторонние лица в качестве «почетных членов», «членов-соревнователей» и «пожизненных членов». Общества распространяют свою деятельность на весь юг Империи. Кроме установленных законом органов правления, существуют «суды чести», «советы», «местные комитеты», на коих возложено «привлечение новых членов, пропаганда идей и т. п.» («работников конторского труда») и пользующиеся почти неограниченною в обществах властью «делегатские собрания». На большинстве уставов прочтат эпитаф: «В единении сила». В запасный (боевой) фонд отчисляется 50%—75%

всех доходов. При ликвидации общества остающиеся после него капиталы передаются в продолжающую существовать «кассу общества» или другому, однородному незакрытому обществу или отделению.

69. Ростовское на Дону градоначальство (по 12 сентября 1907).

Зарегистрировано 6 обществ, из коих за вредное направление навлекает на себя сильное подозрение и предназначается к закрытию «общество рабочих печатного дела», как составляющее политический союз, действующий в революционных целях, а именно поставляющий рабочих в тайные типографии.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы умеренного направления.

КАВКАЗ:

70. Тифлисская губерния (по 15 декабря 1907 г.).

Зарегистрировано 18 обществ, из коих 3 закрыты за вредное направление (в том числе «общество рабочих печатного дела»), а 11 не открыли (некоторые с февраля и мая месяцев) своих действий.—Нелегализованных обществ 2—«рабочих печатного дела» и «фармацевтов». Кроме того, существует «местное центральное бюро профессиональных союзов», печатающее воззвание с призывом рабочих бороться с правительством «до последней капли крови».—Уставы обычного боевого типа. Общество «рабочих печатного дела», кроме зарегистрированного устава, имело также частный устав с партийной программой.

71. Кутаисская губерния.

Сведений от губернатора не получено.

72. Черноморская губерния (по 24 сентября 1907 г.).

Зарегистрировано лишь общество «приказчиков, бухгалтеров и конторщиков».—Нелегализованных обществ нет.—Устав существующего общества боевого направления; он вводит, между прочим, кроме «третейских судов», «суды чести».

73. Елисаветпольская губерния (по 4 декабря 1907 года).

Никаких обществ не имеется.

74. Эриванская губерния (по 31 августа 1907 г.).

Никаких обществ не имеется.

75. Бакинская губерния и гор. Баку (по 14 октября 1907 года).

В губернии никаких обществ не имеется, по городу же Баку зарегистрировано 12 обществ, охвативших весь рабочий класс, даже самых отсталых. Самое многочисленное «общество рабочих механического производства» состоит из 4000 членов.—Уставы градоначальником не представлены.

76. Дагестанская область (по 18 сентября 1907 г.).

Никаких обществ не существует.

77. Кубанская область.

Никаких сведений не получено.

78. Терская область.

Никаких сведений не получено.

79. Карсская область (по 29 ноября 1907 г.).

Никаких обществ не существует.

80. Батумская область (по 22 января 1908 г.).

Зарегистрированных обществ нет.—Существуют лишь нелегализованные общества: «профессиональный союз приказчиков» (имеет свой партийный устав), «общество рабочих печатного дела», «фармацевтов» и «безработных», преследующие, кроме профессиональных, также чисто революционные цели; особой деятельности эти общества впрочем не проявляют.

81. Сухумский округ (по 15 сентября 1907 г.).

Никаких обществ не существует.

С И Б И Р Ь:

82. **Тобольская губерния** (по 4 октября 1907 г.).

Зарегистрировано три общества: «служащих в торгово-промышленных предприятиях», «портных» и «сундучного производства». — Нелегалizованных обществ нет. — Уставы обычного боевого типа.

83. **Томская губерния** (по 11 октября 1907 года).

Зарегистрировано лишь Бийское общество служащих торгово-промышленных предприятий. — О существовании нелегалizованных обществ сведений у губернатора не имеется. — По уставу существующего общества в среду его членов допускаются посторонние лица в качестве почетных членов и «членов-соревнователей».

84. **Енисейская губерния** (по 9 января 1908 года).

Зарегистрировано семь обществ, а именно: 4 в г. Красноярске и по одному в г.г. Канске, Ачинске и Минусинске. — Нелегалizованных обществ нет. — Уставы умеренного направления.

85. **Иркутская губерния** (по 24 августа 1907 года).

Никаких обществ не существует. В регистрации обществ «портных» и «рабочих печатного дела», в виду неудовлетворительности их уставов, было отказано.

86. **Якутская область** (по 19 сентября 1907 года).

Зарегистрировано лишь «общество взаимопомощи приказчиков», с уставом умеренного направления.

87. **Забайкальская область** (по 19 декабря 1907 года).

Зарегистрировано лишь «общество служащих в торговых и промышленных предприятиях в г. Чите, с уставом обычного боевого типа, по коему обществу предоставлено право устройства школ, курсов, чтений, библиотек, читален, клубов, концертов, спектаклей, гуляний, лекций, рефератов и юридической и медицинской помощи. Изменение устава и исключение членов предоставлено общему собранию.

88. **Амурская область** (по 27 ноября 1907 года).

Зарегистрировано лишь «Амурское речное общество» с уставом умеренного направления, хотя и допускающим «почетных членов» и «членов-соревнователей». — Нелегалizованное общество одно — «общество рабочего союза», не проявившее особенно вредного направления.

89. **Приморская область** (по 1 декабря 1907 года).

Зарегистрировано два общества с уставами умеренного направления. — Нелегалizованных обществ два — «приказчиков» и «печатного дела».

90. **Акмолинская область** (по 3 октября 1907 года).

Зарегистрировано восемь обществ, из коих одно находится в г. Петропавловске, а остальные в г. Омске. Одно из этих обществ (столяров) закрыто; о закрытии четырех обществ, уставы коих были утверждены единоличною властью губернатора и оказались не вполне соответствующими правилам 4 марта 1906 г., — сделано предложение степному генерал-губернатору, с предоставлением закрываемым обществам права представить для регистрации вновь выработанные уставы. — Нелегалizованных обществ нет. — Уставы обычного боевого типа.

91. **Семиреченская область** (по 20 октября 1907 года).

Никаких обществ нет.

92. **Семипалатинская область** (по 21 сентября 1907 года).

Зарегистрировано два общества («служащих торгово-промышленных предприятий» и «общество взаимопомощи работающих в ремесленных и заводских заведениях»), из коих одно (последнее), за вредное направление, закрыто. — Уставы боевого типа. — Нелегалizованных обществ нет.

93. **Сыр-Дарьинская область** (по 28 августа 1907 года).

Зарегистрировано 6 обществ, из коих одно («общество работников печатного дела») закрыто. Все общества находятся в гор. Ташкенте. — Нелегалizованных обществ нет. — Уставы боевого направления.

94. Ферганская область (по 31 августа 1907 года).

Никаких обществ нет.

95. Самаркандская область (по 14 августа 1907 года).

Зарегистрировано лишь общество «служащих торгово-промышленных предприятий», с уставом боевого типа.—Нелегализованных обществ нет.

96. Занаспийская область (по 18 августа 1907 года).

Зарегистрированных обществ нет.—Нелегализованное общество одно—«союз железнодорожных служащих», имеющий революционную организацию.

97. Занатальский округ (по 31 августа 1907 года).

Никаких обществ нет.

Из официальной записки о крестьянских беспорядках в 80-х годах 19-го века.

В архиве департамента полиции¹⁾ находится «Записка о крестьянских беспорядках, бывших в различных местностях Империи в течение 1881—1888 г.г.», заключающая в себе статистический материал о числе крестьянских беспорядков за отмеченный период времени, соображения о ближайших поводах, послуживших основанием к возникновению беспорядков и рассуждения о причинах волнений и о мерах, которые могли бы уничтожить таковые.

За время с 1 января 1881 г. по май месяц 1888 г. произошло 332 случая крестьянских беспорядков. Из 92 губерний и областей Империи (за исключением Финляндии) беспорядки происходили в 61 губернии, распределяясь между ними весьма неравномерно. На долю отдаленных окраин России выпадает сравнительно ничтожное число беспорядков. При обширности занимаемой территории и разноплеменности населения эти окраины (Северный Кавказ и Закавказье, Сибирь и области Центральной Азии, Архангельская и Олонецкая губернии) представляли, по-видимому, условия, мало благоприятные для возникновения беспорядков; резкое исключение составляет лишь Вологодская губерния. Волнений по окраинам было 17 (5,1% общего числа беспорядков). В другом виде являются западные окраины: здесь уже не встречается ни одной губернии, в какой не было бы беспорядков, и число их, по местам, значительно. На долю западной окраины приходится 117 случаев (35,2%). В пяти южных губерниях (Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Донской области и Астраханской губ.) было 19 случаев (5,7%). В четырех восточных губерниях (Оренбургской, Уфимской, Пермской, Вятской) 23 случая (6,9%). В Петербургской, Новгородской и Псковской губерниях 14 (4,9%). В губерниях Витебской, Смоленской, Минской и Могилевской 36 случаев (10,8%). В губерниях Киевской, Черниговской, Полтавской, Курской, Харьковской 43 случая волнений (12,9%). В губерниях приволжских (Саратовской, Самарской, Симбирской, Казанской, Нижегородской) произошло 20 беспорядков (6,0%). Остаются двенадцать центральных губерний: Тверская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Московская, Рязанская, Калужская, Тульская, Орловская, Воронежская, Тамбовская и Пензенская. В трех из них (Ярославская, Костромская и Тамбовская) беспорядков совсем не было; в остальных же произошло 43 беспорядка (12,9%).

Наибольшее число беспорядков, т.е. 18 случаев, приходится на долю Люблинской губернии. По 13 беспорядков произошло в губерниях: Виленской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской и Сувальской; 12 беспорядков было в Черниговской губернии. По 10 случаев в губерниях: Гродненской, Орловской и Уфимской. По 9 в Витебской, Вологодской и Вятской. По 8 в Ковенской и Келецкой. По 7 в губерниях: Воронежской, Курской, Псковской, Рязанской, Таврической, Тверской и Седлецкой. По 6 беспорядков в губерниях: Варшавской, Харьковской, Херсонской, Нижегородской и Казанской.

¹⁾ Дело № 34, ч. 44—1889 г. по 2-му делопроизводству.

Переходя к распределению 332 случаев крестьянских беспорядков по годам, получим нижеследующее:

В 1881 г. в 12 губ. произошло	17 беспоряд.	В 1885 г. в 25 губ. произошло	40 беспоряд.
> 1882 > > 12 > >	21 >	> 1886 > > 29 > >	54 >
> 1883 > > 26 > >	61 >	> 1887 > > 31 > >	40 >
> 1884 > > 35 > >	68 >	> 1888 > > 26 > >	31 >

Из приведенной таблицы видно, что, в среднем, беспорядки происходили ежегодно в 25 губерниях, и на год падает по 52 беспорядка.

«Из сопоставления такого среднего вывода,—говорится в «Записке»,—с действительными цифрами за пятилетие с 1883 по 1887 год, нельзя вывести определенного заключения относительно увеличения или уменьшения, с течением времени, объема рассматриваемого явления. Хотя действительные цифры выше средней за 1883 и 1884 годы и ниже ее за следующие три года (за исключением 1886), что как бы указывает на колебания в сторону уменьшения числа беспорядков, но тем не менее прийти к такому именно выводу едва ли возможно, отчасти в виду краткости взятого периода времени, отчасти в виду тех жизненных условий, под влиянием коих возникают и развиваются крестьянские беспорядки. Имея в виду преимущественно эти условия, казалось бы можно остановиться на той мысли, что крестьянские беспорядки в России в настоящее время достигли в территориальном и в количественном отношениях известной более или менее устойчивой нормы; что нет оснований опасаться сильного развития этого стихийного проявления народной жизни в ближайшем, по крайней мере, будущем, равно как, с другой стороны, нет оснований надеяться, что число беспорядков будет уменьшаться само собою без всяких существенных изменений в настоящем строе крестьянской жизни. В теперешних своих размерах крестьянские беспорядки еще не угрожают особенною опасностью государству, но им присущи некоторые свойства, в силу коих на них следует обратить внимание теперь же, заблаговременно, а именно: заразительность и упорство, как то свидетельствуют непосредственные наблюдения на местах и, отчасти, цифры».

Далее, в «Записке» приводятся соображения, иллюстрирующие высказанное положение, а именно: крестьянские беспорядки захватывают из года в год новые местности и более или менее упрочиваются в них. Так, если принять за основание список губерний, в которых происходили беспорядки в 1883 году, и сравнить его с такими же списками последующих лет, то окажется, что каждый год, за исключением 1887 г., беспорядки возникали в таких местностях, в которых их раньше не было. Цифровые данные по уездам свидетельствуют, что крестьянские беспорядки, возникнув первоначально в одном уезде, легко переходят в соседние и последовательно обходят почти всю губернию, заражая и соседнюю.

Обстоятельства, по поводу которых возникали крестьянские беспорядки, как отмечает «Записка», чрезвычайно разнообразны, но в большинстве случаев их следует искать в аграрных отношениях и, главным образом, «в неопределенности их в действительности или только в глазах крестьян». Так, из 332 случаев крестьянских беспорядков 91 случай (27,4%) произошли благодаря спорам, тяжбам и ссорам крестьян с окрестными владельцами, в особенности с помещиками, за земельные угодья. Не прибегая к содействию суда и администрации, крестьяне обращали свои требования непосредственно к землевладельцам и, в случае неудовлетворения их, сами осуществляли свои претензии. Из 91 случая этого рода, 24 беспорядка вызваны были спорами между сельскими обществами, 2 случая—спорами с казною и земством, 65 спорами с помещиками.

Кроме неопределенности поземельных отношений, беспорядки вызывает, как указывается в «Записке», «также и упорядочение владений, раз оно не согласуется с желаниями крестьян, которые всегда выдвигают на первый план свои личные, действительно или мнимые, интересы, не обращая внимания ни на требования закона, ни на бесспорное право лиц, не принадлежащих к их среде».

В доказательство изложенного приводятся в «Записке» следующие цифровые данные:

- а) при производстве межевых операций произошло 55 беспорядков (16,5% общего числа их);
- б) приведение в исполнение судебных решений и административных распоряжений по восстановлению нарушенного владения было поводом к беспорядкам в 44 случаях (13,2%);
- в) при взыскании с крестьян штрафов и убытков, в особенности в пользу помещиков, за поправки, порубки и т. п. произошло 26 случаев беспорядков (7,8%).

Таким образом, на почве чисто-аграрных отношений произошло 216 беспорядков из 332 (65%). Затем наиболее частыми поводами к беспорядкам явились: взыскание податей, недоимок, оброчных и выкупных платежей (27 случаев или 8,1%); опись и продажа имущества в исполнение различных взысканий (13 или 3,9%); меры против эпизоотий, как-то: страхование скота и в особенности убийство зачумленного скота (14 случаев или 4,2%); споры и недовольства выборами мирских властей и вообще по делам, касающимся общинного управления (13 или 3,9%); под влиянием религиозного фанатизма (уннаги, католики и магометане) произошло 7 беспорядков или 2,1%; в 7 случаях крестьяне выступили в защиту односельчан против правительства, не допуская ареста их, требуя освобождения из тюрьмы и т. п. Остальные 35 случаев беспорядков возникли по разным поводам, не поддающимся классификации: беспорядки на ярмарках, анти-еврейские погромы, беспорядки в связи с различными административными мероприятиями (страхование от огня, речная полиция, акцизные обыски, истребление саранчи, исполнение натуральных повинностей) и вызванные ложными слухами.

Относительно последних в «Записке» говорится следующие: «Хотя ложные слухи возникают довольно часто и в многих местностях, но сами собой, помимо других поводов, порождают беспорядки весьма редко. Известно лишь 4 случая, когда крестьянские беспорядки возникли непосредственно под влиянием слухов о переделе земель, восстановлении крепостного права и переселении в отдаленные окраины. Тем не менее, ложные слухи, неопровергаемые своевременно авторитетными в глазах крестьянства властями, порождают в этой среде известное брожение, даже волнения, обостряют аграрные отношения и тем, несомненно, содействуют возникновению беспорядков».

Что касается форм проявления крестьянских беспорядков, то они заключались или в предъявлении толпою (иной раз целым селением или несколькими селениями) требований к властям или частным лицам, или в сопротивлении властям, выражавшемся в упорном непризнании известных юридических фактов или прав отдельных лиц, или же в нежелании совершить известные действия, требуемые законом или судебным постановлением. Не ограничиваясь предъявлением скопом требований, толпа иной раз сама фактически осуществляла их, при чем происходил захват или уничтожение не принадлежащего крестьянам имущества, в особенности помещичьего. Так, многие домохозяева одновременно или даже целым селением выгоняли скот на непринадлежащие им луга, вырубали лес, запахивали участки земли и т. п.; порою толпа производила насилие над отдельными лицами (оскорбление действием и побой, иной раз смертельные, толпа наносила преимущественно должностным лицам); случались драки, большей частью, между жителями соседних селений из-за земельных споров; наконец, оказывалось вооруженное сопротивление в собственном смысле, — пускались в ход камни, палки, мотыги и т. п., а иногда и огнестрельное оружие.

Боснувшись вопроса о причинах беспорядков, а затем о мерах к искоренению их, автор «Записки», на основании донесений местных властей, приводит такие рассуждения:

1) «жизнь крестьянства идет вообще путем неверным и опасным, так как еще недавно жившие в нем традиции утратились, и оно в настоящее время верит только тому, что представляется для него непосредственно выгодным, не придавая никакого значения указаниям и требованиям начальств, которые в сущности стоят слишком далеко от него; что необходима поэтому близкая к крестьянам власть, разумный руководитель, который сумел бы подчинить своему влиянию нашего селянина и вместе с тем служил бы противовесом людям зла»;

2) «в случаях крестьянских беспорядков чины местной полиции действуют нерешительно, вяло, что объясняется преимущественно недостаточностью их полномочий и ненормальностью отношений к ним судебных властей; необходимо расширение уполномочий администрации, когда ей приходится иметь дело с одной лишь грубой силой, не желающей или не могущей по своей неразвитости «принимать ни разъяснений, ни увещаний»;

3) «в деле усмирения и предупреждения крестьянских беспорядков весьма важно быстрое производство следствия и суда, дабы крестьяне видели и сознавали, что поступки их влекут за собою немедленное наказание; не менее вредными последствиями сопровождается медленность суда в преследовании единичных случаев аграрных правонарушений, порождая убеждение в безнаказанности и тем поощряя коллективные правонарушения. В настоящее время, когда полицейская и вообще исполнительная власть лишена возможности в подобных случаях принимать исправительные меры, когда признание виновности и определение размера наказания зависит единственно от судебной власти, необходимо, чтобы эта последняя в делах об ослушании и со-

противлении, кроме быстроты в окончании дел, применяла к виновным существующие узаконения во всей их строгости, дабы один, другой случай был в глазах крестьян действительно наказанием, между тем суд нередко оправдывает виновных или определяет слабое наказание».

Таково в существенных чертах содержание «Записки».

Высказанные в ней пожелания о необходимости близкой к крестьянам власти—«разумного руководителя, который сумел-бы подчинить своему влиянию нашего селянина», а также о расширении полномочий администрации и предоставлении ей возможности принимать в некоторых случаях исправительные меры по отношению к крестьянам, вскоре нашли свое выражение в высочайшем указе от 12 июля 1889 года, создавшем, в лице земских начальников, правительственную опеку над крестьянином.

В «Записке» не затронуты истинные причины крестьянских беспорядков; автор ее коснулся лишь внешних проявлений или поводов к крестьянским волнениям. Спасение от таковых проявлений сферы видели в твердой правительственной власти, могущей, по мысли указа 12 июля 1889 года, «охранить благочиние, общественный порядок, безопасность и права частных лиц в сельских местностях». Между тем ни этот закон об опеке над крестьянами, ни разного рода паллиативные меры в этом-же роде не могли вылечить тяжелую форму болезни крестьянского труда, заключающуюся в ненормальных отношениях между крестьянами и помещиками, в неправильной постановке вопроса о землепользовании и в стеснении свободы крестьянского труда. Полтавское сельско-хозяйственное общество гораздо позднее, а именно 16 марта 1905 года, заслушав доклад об отношении сельских хозяев к аграрным волнениям последнего времени, разгадало истинные причины таковых волнений и отметило их в единогласно принятой резолюции такого содержания¹⁾:

1) «Беспорядки являются следствием постоянно накапливавшегося раздражения против так называемых правящих классов и привилегированных сословий. Раздражение и недовольство вызвано, с одной стороны, экономической зависимостью, с другой—убеждением крестьян в несправедливости и пристрастных действиях этих правящих классов.»

2) «В самой основе беспорядков и волнений лежит глубоко коренящаяся в сознании народа мысль, что вся земля должна принадлежать только непосредственно трудящимся над нею массам.»

3) «Некультурные формы аграрного движения исчезнут сами собой, если крестьянам будет предоставлено право мирным путем проводить свои требования и заявлять свои протесты, — конечно, при условии свободы печати, а главное—народного представительства.»

4) «Национализация земли, как способ решения в будущем земельного вопроса, должна быть поставлена в первую очередь.»

Сообщил В. Колпенский.

¹⁾ П. Маслов, «Аграрный вопрос в России», т. I, стр. 447.

Пилипоны или крестьяне-старообрядцы.

К вопросу о закреплении их.

В 1800 г. генерал Сергей Вязмитинов продал маршалу Белорусской губернии Ланевскому-Волку пожалованное ему в 1797 г. имение, «войтовство Качерицкое» в Бобруйском повете, Минской губернии. Покупка эта доставила не мало хлопот Волку и принудила его обратиться к властям с жалобой ¹⁾.

Вновь купленные крестьяне, говорил Волк в прошении на имя минского губернатора, «старообрядцами именующиеся, неизвестно из каких побуждений, решась к отыскыванию мной ими вольности и воображая, якобы они не суть крепостные, собрались всеми слободами в Капустинной слободе и там сделали заговор, под клятвою в своей часовне», не повиноваться своему помещику, о чем подали заявление управляющему имением. Волк обвинял кого-то во внушении крестьянам «воображения, якобы они должны непременно освободиться от крестьянства», и добавлял, что «упрямство старообрядцев произвело даже то, что уж и старожилы сомневаются о своем крестьянстве». Требуя «приличного» наказания некоторым из крестьян, Волк заключил свое прошение следующими словами: «поселику крестьяне мои старообрядцы несправедливою жалобою о тягостении якобы их несоразмерными оброками чувствительнейше меня обидели и навлекли начальническое ко мне замечание, то, дабы впредь сие со мной не встретилось и не имели б они повода подобными жалобами утруждать начальство, а сим образом подвергать честь мою безвинному предосуждению, решился я не налагать на старообрядцев малейшего денежного платежа, а оставить их желаю, чтоб, вместо оброка, служили панцизну к запашке господской земли, со всякой рабочей мужеска и женска пола души по три дня в неделю».

Произведя расследование по прошению Волка, минский губернатор Захар Яковлевич Карнеев ²⁾ послал 7 сентября 1800 г. генерал-прокурору Оболянинову письмо, содержание которого приводим без всякого изменения:

«На основании прежних здешнего края прав, немалое число народа, в давности зашедшего из соседственных держав под именем менонитов и пилипонов (или старообрядцев), также и из вольных здешнего края людей, под названием землян, поселились на казенных и владельческих землях по добровольному с владельцами условию, как о времени пребывания, так и о следующей от них владельцу повинности, и на то между ими сделаны контракты, надлежащим образом в судах утвержденные. В соблюдение чего, по присоединении здешнего края ко Всероссийской империи, при сочинении всему народу переписи или ревизии, по руководству бывшего здесь господина генерал-губернатора и кавалера Тутолмина, между прочим, предписано было.

«7-е. Землян, буде присвоена им по узаконением свобода, и других вольных людей черного народа, кои владельцам в собственность не принадлежат, оседлых и неоседлых, хотя и писать в тех же по городам, местечкам и селениям ревизских сказках, но особою статьею от креп-

¹⁾ Архив сената. Дело I отделения 3 департамента 1801 г. № 447. В деле недостает нескольких страниц.

²⁾ Образованный человек, член масонской ложи.

ных подданных и с точным означением, что они суть люди вольные и пребывающие на землях казенных или владельческих по условиям, за заплату оброка, или за что другое; когда ж бы в присвоении им вольности объявлено где было от владельца противоречие, то о сем к поданной сказке приобщать особенное владельца и особенное сего рода жителей объявление, для рассмотрения и утверждения права той и другой стороны спорящихся по точной силе законов».

«18-е. Менонисты, в некоторых местах здесь поселившиеся, и пришельцы из россии известные под именем пилипонов или старообрядцев, яко живущие на казенных и владельческих землях также по добровольному с владельцами условию, должны подать о себе ревизские сказки особо от прочих поселян, порознь по каждому и самонаименованному селению, где они токмо обитают».

Почему от всех таковых менонистов и старообрядцев (о праве коих споров не было) ревизские сказки поданы и приняты особо от владельческих коренных поселян.

Между ж произведением оной ревизии высочайшим рескриптом, данным 3 мая 1795 года бывшему здесь г-ну генерал-губернатору Тутолмину, повелено: «при настоящей переписи поселян разного звания держаться со всевозможною точностию как общих государственных узаконений, так и особенно указа нашего от 3 мая 1783 года о разных губерниях данного, по силе коих каждый должен написан быть в звании, ему свойственном, и остаться там, где он по ревизии внесен на основании помянутых установлений; тем людям, которые, не быв поселены, докажут законным образом свою свободу, предоставить на волю избрать род жизни, какой они заблагоразсудят, записав их потому в надлежащие звания».

Во исполнение чего господин генерал губернатор и кавалер Тутолмин, относя то до вольных людей из черного народа, владельцам в собственности принадлежащих, упомянутых в 7 пункте его руководства, предписал: «отряженным для производства ревизии чиновникам при принятии ревизских сказок, отбирать от вольных людей, но единственно от таких, кои оседлости не имеют, объявления, в какой род жизни они поступить пожелают; что и исполнено».

Оседлые ж земляне, менонисты и старообрядцы остались на местах их жительства в звании крестьянском, так как поданы ревизские сказки о первых самими владельцами, а о последних их выборными, без всякого однакож от владельцев, на землях которых поселились, противоречия, а от правительства определения о уничтожении их по контрактам права, но с запрещением токмо самовольного перехода.

А потому везде такового рода поселяне донныне и пользуются правом, им по договору с владельцами предоставленным, что даже и при настоящей в казенных имениях лustrации не переменяется; иные ж из старообрядцев, по силе временного их с владельцами договора, перешли уже в купечество и мещанство, и владельцы, у которых на землях они жили, соблюдая договор, не могли им в том препятствовать, да и не препятствовали; поелику переход таковой быть может и впредь, и иногда случится от владельцев противоречие, подкрепляемое тем только, что их, яко оседлых, велено записать на месте жительства, то казенная палата, не осмеливаясь сама собою нарушить права оных людей, добровольно с помещиками утвержденного, и будучи в нерешимости как сего состояния крестьян почитать, свободными ли, за выполнением владельцу договора, к избранному непреременного рода жизни, общими государственными законами дозволенного, или укрепить уже их в вечность помещикам, у которых на землях живут и по ревизии записаны, представила об оном по команде, прося в разрешение повеления.

Но как некоторые из казенных имений по всемилостивейшему пожалованию отданы разным особам, то из числа таковых господин генерал от инфантерии и кавалер Вязмитинов подученную им часть в старосте Бобруйском, с 750 душами крестьян мужеска пола, между которыми числилось, как выше сказано, за польского еще правления поселившихся по договору старообрядцев 346-ть, продал Белорусской губернии, Рогачевского повета маршалу Ланевскому-Волку; сей же, не взирая, в рассуждении повинностей, на право тех старообрядцев, наблюдавшееся во все время бытности их в казенном ведомстве и наблюдающееся донныне по другим казенным и владельческим имениям, и даже того ж самого Бобруйского староства в частях, пожалованных другим лицам, вознамерился оброк с них, в рассуждении прежнего, чрезвычайно умножить, противу какового излишества и видя сотоварищей своих нигде так необремененных, старообрядцы, отговариваясь тягостию и считая в праве при прежнем оброке оставаться, не захотели принять оного на себя.

По такому поводу Ланевский-Волк жаловался земской полиции, а исправник, будучи на месте, найдя, что старообрядцы оные, утверждаясь прежним своим правом, с которым они поселились, от требуемого помещиком повиновения действительно отказались, главнейше виновных тому из них 16-ть человек взял под караул и отослал в суд, прочим подтвердил послушание, а помещик Ланевский-Волк, сверх того, еще 23 человека представил в казенную палату, для принятия в зачет будущих наборов в рекруты и на поселение; люди ж сии, яко особо от прочих казенных подданных поселившиеся и в ревизии записанные, исправляя следующую по договору для владельца за землю повинность, казенные подати и поставку рекрут, сколько по числу их душ причитается, всегда исполняли сами и отдачу в рекруты¹⁾.

Я, поставляя себе долгом предупреждать всякий по высочайше вверенной мне губернии беспорядок и пресекать жестокости, принужденным был войти в подробное о причинах выше сказанному обстоятельству познание и, осведомясь от представленных в рекруты при поверенном от Ланевского-Волка, что главнейшею тому причиною было действительно, при жестокостях эконома, прибавление оброка противу прежнего положения, с которым оные старообрядцы жили и поступили в помещичье владение из казенного ведомства, не осмеливаясь дозволить им совершенно утвердиться на том праве и быть в прочем помещику непослушными, ниже сему утеснять их над меру, старался всячески первых, открыв им их заблуждение, привести к раскаению и обещанию быть впредь помещику своему во всем безмолвно послушными, а сего убедить не делая им безмерного и несообразного соседям налога, в чем и успел было.

Но господин Ланевский-Волк опровергает совершенно право тех старообрядцев, хранимое во все время получения им владения, остается при прежнем намерении, — в доказательство того при сем прилагается копия просьбы его, в которой покрывает он намерение, наравне с казенными крестьянами, положить их, вместо оброка, на пашню, определяя мужскому и женскому полу в неделю по 3 дня работать.

Я, не делая более в предприятиях его остановки, но имея долг однако защищать утесняемых, а не вида, чтоб право, их добровольно с помещиками в рассуждении повинностей утвержденное, уничтожаемо было высочайшими указами, в которых изображено: в 1-м — оседлых оставить там, где они по ревизии внесены в звании, им свойственном; во 2-м — в воздаяние усердной и ревностной службы нашего генерал-лейтенанта Вязмитинова, пожаловали мы ему, в вечное и потомственное владение, из состоящих в казенном ведомстве деревень в Минской губернии, в старостве Бобруйском, 750 душ мужеска полу, со всеми принадлежащими к ним землями и угодьями, — по получению казенною палатою на представление ее разрешения и по случаю последования вышесказанного обстоятельства, осмеливаюсь представить вашему высокопревосходительству и покорнейше просить снабдить меня в разрешение повелением, должно ли подкреплять право таковых людей касательно положенных по договорам их с помещиками и всегда хранимых повинностей, или, яко высочайше пожалованных, оставить, наравне с казенными крестьянами, в полном распоряжении помещика».

Дело поступило на рассмотрение сената, который (10 февраля 1802 г.) постановил: старообрядцев, или пилипонов, по Минской губернии числилось мужеска полу 1359 душ, из коих, по указу 25 октября 1797 г., избрало законный род жизни и выбыло в купечество и мещанство 70 душ; остальные 1289 душ, хотя живут по условиям с помещиками и при ревизии подали сами от себя сказки, но на основании общих постановлений должны остаться на том месте и в том звании, где кто по ревизии записан был, не могли присвоивать себе «каковой либо вольности и удаляться от должного повиновения помещикам», что они, как по званию своему, так и по земледельческим занятиям являются крестьянами известных помещичьих селений, и состоят в крестьянском окладе; «не имея средств и способов к упражнению своему в другом каком звании, не должны избирать и другого рода жизни, как только сего им свойственного»; к тому же от свободного перехода с места на место нарушается правильная уплата казенных податей, «помещики же воечувствуют отягощение оттого, что земли, пилипонам при первоначальном их обселении данные, останутся необработанными и безвино подвержены будут нести за них все общественные по раскладам повинности». Поэтому сенат предложил всех пилипонов, по высочайшему пожалованию поступивших из казенного ведомства в потомственное владение к разным помещикам, а также живших в селениях на собственных

¹⁾ Подчеркнутые слова приписаны Карнеевым.

их землях, оставить наравне с прочими крестьянами «в полном повиновении помещикам»; что же касается менонистов, то им предоставляется свобода в избрании рода жизни.

Таким образом, всем без исключения пилиповам предстояло быть крепостными. Но в своем дальнейшем течении дело, благодаря, как видно просвещенному сенатору Осипу Козодавлеву, получило иное направление: 9-го апреля 1806 г. последовал высочайший указ, которым было постановлено:

1-е, перешедшим из России и других мест в Польские губернии людям, именуемым пилиповами и поселившимся на землях помещичьих и старостинских по письменным условиям, или договорам, и по ныне на тех землях оставшимся, в казенном или помещичьем владении, предоставить полное право пользоваться их свободою и теми выгодами, какие означены в их условиях и договорах, сохраняя оные с обеих сторон во всей их силе; 2-е, тех же из оных, которые поселились на землях владельческих без письменных условий и вступя в состояние крестьян, поныне в оном находятся, оставить на всегда приписанными к земле хлебопашцами, наравне с прочими владельческими крестьянами; 3-е, как из дела о пилиповах видно, что некоторые из них записаны были по присоединении польских губерний к Российской империи в мещанское звание, то буде таковая записка была учинена на законном основании, то и обратить таковых в звание мещанское.

Сообщ. Н. А. Мурзанов.

Волнения среди фабрично-заводских рабочих.

(С 1824 г. по 1860 г.).

По данным архива 3-го отделения собственной его величества канцелярии.

Продолжение 1).

Летом 1831 г. произошли волнения среди приписных крестьян колывано-воскресенских заводов на Алтае. В рапорте томского губернатора сообщается, что крестьяне Ояшинской волости, получив предписание Горного правления алтайских заводов о выполнении заводских работ по Положению 1828 г., отказались от этого под тем предлогом, что они со времени поступления заводов в управление министерства финансов свободны от заводских работ. После ареста главнейших подстрекателей некоторые деревни начали «оставлять свою непокорность», испрашивая прощение. Но деревни, ближе расположенные к г. Томску и раньше замеченные в наклонности к неповиновению, продолжали упорствовать, особенно деревня Варюхина, служившая центром движения. Здесь крестьяне не только «отвергли с ожесточением» все попытки склонить их к выполнению обязанностей, но и отказывались «с явным упорством» доставлять к допросу из своей среды и выбирать новых старшин вместо взятых под стражу. Не останавливаясь на этом, крестьяне Варюхина и селений Зеленецкого и Ярского стали рассылать своих единомышленников в окрестные волости. Прибывшим военным отрядом около 200 крестьян деревни Варюхиной были арестованы и заперты в этапном здании. Тогда крестьяне соседних деревень явились толпою с требованием, чтобы или освободили арестованных, или задержали их вместе с ними. То же повторилось и на следующий день. После окружения толпы вооруженными солдатами, вызванный священник стал увещавать их, но это увещание «было отвергнуто ими с ожесточением». Тогда наиболее упорные были тут же подвергнуты полицейскому наказанию через городских казаков. Таким образом толпа была приведена к покорности и разослана из Варюхиной по деревням, к которым они принадлежали. После этого принялись за тех крестьян, которые находились в каземате этапного здания. Едва только дверь была открыта и 25 человек вызвано для допроса, как все закричали в один голос: «не выдавать никого и стоять грудью» и с этими словами бросились на вошедшего к ним полковника Глазкова, бригадного адъютанта Отопкова, и на вооруженных солдат, хватая даже за штыки и ружья. Но после того, как властям удалось захватить трех главных руководителей, а некоторые из упорствующих были подвергнуты наказанию в пример другим, «неповиновение было в корне уничтожено». Немедленно выбраны были новые старшины, утверждены раскладки и взяты с них подписки в исполнении возложенных законом работ. Вскоре повинились и остальные деревни 2).

Весною 1836 г. на заводе Лазаревых в Пермской губернии 3) возник небольшой кружок из числа служащих и учеников местной горно-заводской школы; выработан был устав организации для приверженцев свободы, т. е. противников крепостного права, и кружок выпустил соответствующее воззвание. «Во всех известных странах света—говорится здесь—не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неотъемлемое владение таковым же, как и они, людям. Но у нас, в России, напротив издревле дворянам и гражданам, имеющим капиталы, предоставлено Российскими государями полное право иметь своих крепостных людей... с неограниченной властью, не только от самих господ, но и от равных крепостных людей». Далее рисуется тяжелое положение низших классов, изнывающих под игом обязательного труда в пользу господ, доказывается неосновательность санкционирования

1) См. «Архив истории труда в России», кн. I.

2) 4 экзед. дело № 122 за 1831 г. О неповиновении крестьян Ояшинской волости, приписанных к кодывановским заводам Томской губ.

3) 4 экзед. дело № 58 за 1837 г. О противозаконном обществе на заводах г.г. Лазаревых в Пермской губ.

этого порядка авторитетом священного писания, ибо Бог, создавая людей, хотел, чтобы между ними было равенство, и наконец делается ссылка на пример „граждан образованных стран, которые единодушно восстали и сбросили с себя ношное иго невольничества, сделавшись свободными гражданами... Иго рабства в России от времени становится несноснее, и должно полагать, что на будущее время оно будет еще несноснейшим. Из опытов видно, что причина величия государств есть свобода граждан, но в России иго рабства в большой силе; следовательно она никогда не взойдет на стень величия. Почему для блага России и потомства ничего больше не остается делать, как собрать благомыслящих граждан в одно общество, которое бы всячески старалось о испровержении власти присвоивших ее несправедливо и о ускорении свободы. Для сего то, благородные сограждане, испровергнем соединенными силами невольничество, восстановим свободу и чрез то заслужим благодарность потомства“. Воззвание это попало в руки начальства. Так началось дело о „противузаконном обществе“, состоящем из шести человек в возрасте от 18 до 25 лет.

По прибытии на место губернатора и жандармерии был допрошен первый подписавший бумагу Петр Поносов, который, по словам акта, сознался, что он был первым зачинщиком к составлению общества к испровержению власти, первоначально—ближайших из среды их начальников, впоследствии же возмел он намерение „отторгнуться от власти помещиков“; наконец, он решился составить общество, которое бы старалось объединить как можно более членов из различных мест, и когда оно разрастется до такой степени, что станет возможным уже начать явно действовать, тогда „распространить о восстановлении всеобщей вольности“. Мысли эти возникли в нем под влиянием „начитанности книг“, а именно книги под названием Куно фон Кибург; при обыске у него были найдены стихи Рылева. О намерении составить общество сообщено было им в конце апреля или в начале мая 1836 г. трем товарищам по учению (Наугольных, Мичурину и Михалеву), которые обещали ему полное содействие. Впоследствии были приглашены еще пять учеников (Десятых, Ромашов, Мих. Поносов и два брата Ширкалины, один из которых занимал должность учителя в заводском училище), и в общем собрании были составлены воззвание и правила общества. Правила эти были подписаны П. Поносовым, Десятовым, Михалевым, Ромашовым, Мичуриным и Наугольных; братья Ширкалины, хотя и обещали содействовать всем замыслам, по правил не подписали. Засим приглашаемы были некоторые из должностных заводских лиц, именно Н. Поносов, Лобов и Мохнатки, но им о существе дела и составленных правилах не было открыто.

По распоряжению из Петербурга было предписано произвести тщательное расследование, нет ли в этом деле других сообщников среди населения окрестных заводов и лиц иных состояний, и в особенности, нет ли руководителей из посторонних, более „дальновидных людей“. Однако, таковых обнаружено не было; округ Лазаревских заводов очень глухой, население отличается спокойствием, и все дело—„лишь плод безрассудной мечтательности Петра Поносова, превратного понятия читанных им книг и своего состояния“. По высочайшему повелению шестеро подписавшие правила общества были сданы в 1837 г. в рядовые в финляндские батальоны, трое участвовавшие в составлении общества, но не подписавшие правил,—рядовыми в отдельный кавказский корпус, а трое, оговоренные в знании о составленном обществе, но не упомянутые в этом—отданы под секретный надзор местной полиции. Деятельность этого кружка и его задачи носили довольно невинный характер, но он напугал правительство тем, что здесь впервые оно столкнулось с протестом, возникшим не на почве эконоимических жалоб заводского населения, а идущим от „превратных мыслей“ среди тех элементов его, которые благодаря получению некоторого образования могли рассчитывать на привилегированное положение.

Поэтому 4 февраля 1837 г., еще до окончания дела, состоялось высочайшее повеление гр. Сперанскому о составлении особого комитета с участием Бенкендорфа и министров Народного Просвещения и Внутренних дел для пересмотра существующих постановлений о приеме в учебные заведения людей не свободного состояния и их программ¹⁾.

В 1835—37 гг. внимание правительства было привлечено к делу мастеровых possessionsной фабрики Осокина в Казани. Как известно, Осокинские рабочие волновались несколько раз, начиная с конца 18-го века²⁾, то из-за недостаточности заработной платы, то добывая признания их свободными людьми. В 1835 г. во время высочайшего смотра войскам в Нижнем-Новгороде рядовой из фабричных Осокина Сапожников лично подал жалобу Николаю I на притеснения мастеровых Осокиным и на неправильную отдачу его самого в рекруты³⁾.

Для разбора дела была назначена комиссия из представителей министерств внутренних дел и финансов, а также корпуса жандармов, которая, приступив к исполнению поручения в октябре 1835 г., собрала всех наличных мастеровых и объявила им, в доказательство законности владения Осокиным фабрикою, все акты, утверждающие его права, а в опровержение ложного мнения о возможности получить свободу, с давних пор ими отыскиваемую, сочла нужным прочесть с надлежащим истолкованием как указ 7 января 1736 г., упоминаемый фабричными во всех их прошении, так и все существующие узаконения, воспрещающие им незаконное отыскивание свободы. Повторенное несколько раз, это вра-

¹⁾ Как известно, указом 19 августа 1827 г. предписывалось принимать в высшие и средние учебные заведения только людей свободных состояний, а помещичьи крепостные крестьяне и дворовые люди допускались лишь в приходские и уездные училища и частные заведения, в коих предмета учения не выше преподаваемых в уездных училищах.

²⁾ См. *Туран-Барановский*, „Русская фабрика“, стр. 125—129.

³⁾ 4 экспедиция, № 125 за 1835 г. Об учреждении комиссии по жалобам фабричных Осокина.

зумление не имело, однако, успеха, почему комиссия объявила, что дальнейшее упорство сочтется нарушением закона, но рабочие решительно заявили членам комиссии, что не перестанут отыскивать избавления от рабства Осокина, пока не получат удовлетворения. При этом они указали на то, что предки их были свободного состояния, добровольно пришедшие на фабрику; читанные же им членами комиссии статьи свода законов (66 и 67), опровергающие их домогательства, они оставляли без внимания под тем предлогом, будто их не понимают. От дачи подписки в дальнейшем повинности Осокину все, за исключением 32 человек, отказались, полагая, что иначе они лишатся права на отыскание свободы и что если бы жалобы их были несправедливы, то, конечно давно бы всех их наказали, но не предоставляли после каждого прошения льготы.

Считая, что жалобы рабочих „присходят единственно от заноселой лености и мысли о свободе, которая... располагает их к недоброжелательству владельцу и нерадению к ремеслу своему“, комиссия постановила прибегнуть к мерам строгости. Разделив всех „упорствующих“ рабочих на три группы, она признала необходимым: 51 человека отдать в солдаты, а при неспособности к военной службе—отправить в Сибирь; 177 человек подвергнуто полицейскому наказанию; 144-м сделано внушение о повиновении. Это заключение было 5 января 1837 г. высочайше одобрено. По приведении приговора в исполнение было приступлено к отобранию подписки о дальнейшем послушании Осокину. Однако, некоторые мастеровые заявили, что без согласия всего общества дать подписку не могут, вследствие чего 12 наиболее упорных из них были наказаны розгами от 200 до 900 ударов, после чего согласились дать подписку, чему последовали и другие, за исключением двух из наказанных, отправленных в госпиталь; только там они покорились и дали подписку.

Уроки и оклады, установленные Положением 1834 г., в общем остались без значительных изменений, но комиссия решила предоставить владельцу фабрикой право употреблять на суконные работы жен и дочерей мастеровых, которые раньше были свободны от них, с платою на $\frac{1}{3}$ меньше против мужчин. Затем усилена была дисциплинарная власть фабриканта. Прежде за малозначительные вины, как, напр., пьянство, леность и прогул, фабричные наказывались при фабрике, согласно предоставленной указом 1736 г. фабриканту власти; но „впоследствии, когда самое ничтожное наказание по духу некоррета мастеровых подавало повод к ябедам, власти вынуждены были отсылать их для наказания в городскую полицию“. Этот порядок был санкционирован в Положении, составленном для фабрики Осокина в 1834 г., где говорилось следующее: „за самовольную неявку к работе на фабрику в третий раз или более сверх назначенного денежного штрафа подвергать виновного полицейскому наказанию, а от праздности, буйства, неповиновения, пьянства и других пороков отворачивать мастеровых убеждением, а в случае нужды—полицейскими мерами исправления“. Теперь же комиссия, в целях поднятия престижа фабриканта, предоставила ему право наказывать мастеровых, на основании указа 1736 г., за маловажные проступки в своем присутствии или через управляющего в одной из палат фабрики во время производства работ, с занесением в штрафную книгу, и только в случаях особенной важности—исправлять содействия полиции. Эти новые правила были высочайше утверждены.

1838-ой год начался делом о буйстве крестьян на золотых промыслах помещиков Всеволожских в Пермской губ. Согласно донесению горного инженера Николаева от 5 января из 700 государственных крестьян Усть-Сысольского уезда Вологодской губ., нанятых по вольному найму на Всеволодоблагодатские промыслы Верхотурского уезда, некоторые постоянно оказывали смотрителям и штейгерам неповиновение и, несмотря на удовлетворение их полным содержанием, не выходили на работы; наконец, они разбили двери и окна конторы, в которой хранилось золото, избili писаря, казаков и штейгеров и, запасшись хлебом и мясом, 4 и 5 января в числе 300 человек ушли с промыслов по тракту к Богословским заводам с намерением пройти в Усть-Сысольский уезд¹⁾.

10 января Николаев сообщил, что многие из ушедших, отстав от общей партии, возвратились с покорностью, а остальные 182 человека возвращены обратно вызванной им воинской командой, при чем замеченные „возмутители“ взяты под караул.

Причины волнения указаны не были, и на это было обращено внимание жандармским подполковником Косинским, который, независимо от произошедшего расследования, принял „секретные меры к открытию истинной причины сего беспорядка“, ибо последний не мог, по его мнению, „произойти без особенных каких-либо неаккуратностей со стороны заведывающих заводами, и сколько мне известно,—писал он—именно г.г. Всеволожских сильно расстроено, а контора их, постоянно имея недостаток в деньгах, нередко останавливает своевременную выдачу рабочим людям следующей платы, от каковой неаккуратности в расчетах происходят частные жалобы разных лиц, и заводы В—х не пользуются хорошим мнением в торговых сношениях“. В следующем рапорте (6 марта) Косинский сообщает, что по собранным им частным сведениям „действительно оказывается, что неповиновение и буйство крестьян произошло оттого, что им не было выдаваемо полной пропорции хлеба, отчего они и терпели в продовольствии недостаток“. Из дополнительного сообщения видно, что крестьяне жаловались на то, что двух пудов муки в месяц недостаточно для рабочего человека, что они не могут выполнять уроков, согласно Положению, по непривычке к земляным работам.

¹⁾ 4 экзед. дело № 78 за 1838 г. О буйстве крестьян на золотых промыслах помещиков Всеволожских.

За сороковые годы ни одного дела о рабочих волнениях в архиве 3-го Отделения нами не обнаружено ¹⁾.

Следующие дела относятся уже к царствованию Александра II; но так как они заключают собою рассматриваемый период принудительного труда, то в пределах до 1861 г. будет уместным их подвергнуть рассмотрению.

29 июля 1856 г. с Мариинского прииска (Оренбургской губ.), принадлежащего Устинову, бежали рабочие в числе 180 человек, нанятые по контракту из башкир 8-го кантона; возвращенные обратно 167 человек заявили, что, несмотря на контракт, работать не будут, пока не последует разрешения по поданной ими жалобе. Когда же горный ревизор с помощью казаков задержал старосту их, они толпой бросились на казаков и освободили арестованного; для усмирения их потребовалось еще до 100 нижних чинов. За два дня перед тем, т. е. 27 июня, бежали рабочие, из башкир того же кантона с Александровского прииска Баженовой. Схватенные по дороге, они были 4 июля водворены на прииске, но 8-го снова ушли, в числе 98 человек, вооружившись рычагами, и когда горный исправник оставался с ними, они „с криком и ругательством делали ему угрозы“ и отравились по дороге в деревню Кулутеву. При этом исправник доносит, что побудительными причинами к побегу были грубость рабочих, лень и неповиновение. Однако, в дальнейшем выяснилось ²⁾, что „причиной побегов башкир были злоупотребления промыслового управления, заключающиеся главнейше в том, что их дурно и недостаточно кормили, жестоко обращались с ними, заставляя, в противность условиям, работать в сырых и топких местах, не платили по условиям заработанных денег, а в расчетных листах даже написали, что в задаток дано башкирам более, чем в действительности ими получено. Если бы полицейское начальство на промыслах—говорится в отношении департамента полиции—обратило на эти причины должное внимание и вовремя отклонило их, а башкиры видели-бы себе справедливую защиту в местной полицейской власти, то не было бы надобности требовать воинской команды и наряжать следствие, а башкирам—повода покидать работы, на которые они нанимались добровольно“.

Бежавшие рабочие были успокоены „ротким внушением“ и обратились к работам, а зачинщики арестованы для производства следствия; но так как они подлежали бы прощению в силу манифеста 26 августа, да к тому же между рабочими и владелицей прииска состоялось полюбовное соглашение, то дело было прекращено.

В конце декабря 1857 г. из крестьян, работавших—частью по добровольному соглашению, частью за поручительством помещиков—у подрядчика Гладина по Варшавской железной дороге, между Лугой и Островом, бежало 324 человека в свои деревни (интересу владелицы с дороги). Это было вызвано убеждением, что к 1-му января во всех церквях будет читаться манифест, после чего они станут работать уже не на помещиков, а только на себя ³⁾. Некоторые при этом так снесили, что за 4 дня прошли около 200 верст. Это происшествие обратило на себя высочайшее внимание, и для расследования его и „вразумления крестьян“ был командирован флигель-адъютант Бобринский. Последний, однако, действовал не столько в духе вразумления, сколько устрашения. Хотя крестьяне, вернувшиеся в ожидании воли домой, не обнаружили никакого непокорства и готовы были возвратиться на работы,—Бобринский, переезжая с одного места в другое, всюду подвергал их телесному наказанию, после чего донес, что мера эта „произвела при нынешних обстоятельствах самое благоприятное впечатление на умы помещиков“, показывая им, что правительство неуспешно следит за пресечением всяких превратных толкований.

4 января 1858 г. мастеровые чугуно-плавильного Авгорского завода и вспомогательные заводу крестьяне деревни Русской Маскиной, Краснослободского уезда Пензенской губ., толпой в 200 человек явились к поручику Манухину, которому сивинские заводы принадлежали на посессионном праве, и потребовали от него нового положения по земельной плате, а равно дозволения рубить дрова в заводских дачах без ограничения, сколько хотят. Затем, под предводительством мастерового Ив. Герасимова, толпа направилась в Краснослободск, дав общую клятву не выдавать друг друга; 9 января, являясь к уездному предводителю дворянства, она ему предъявила вышеозначенные требования ⁴⁾.

Чиновник особых поручений Караулов и заводской исправник, прибыв в Русскую Маскину, старались обратить возмущившихся крестьян горно-заводского ведомства к повиновению, но их усилия остались тщетными; крестьяне отказались работать, пока им не будет увеличена земельная плата с 7¹/₄ коп. до одного рубля ассигнациями. Вместе с тем они требовали, чтобы владетель завода отдал им в пользование всю заводскую землю и выдал капитал, составившийся выгодами из земельной платы за прошлое время. На следующий день должностные лица прибыли уже с двумя ротами солдат и застали крестьян, в числе более 200 человек, собравшихся в одной узкой улице деревни, вооруженными дубинами, топорами и ножами. Когда солдаты стали окружать их, толпа, по увещанию одного бывшего

¹⁾ Объясняется-ли этот пробел тем, что вообще за данное время рабочих беспорядков не было, или они почему-либо не попали в сферу внимания агентов корпуса жандармов,—можно будет сказать лишь после ознакомления с архивами других ведомств.

²⁾ 4 экзпед., дело № 199 за 1856 г. О неповиновении рабочих башкирцев на золотых приисках в Оренбургской губ.

³⁾ 4 экзпед., дело № 104 за 1858 г. О самовольном уходе крестьян с работ на Варшавской ж. д. по слухам о свободе.

⁴⁾ 4 экзпедияция, дело № 116 за 1858 г. О неповиновении буйстве крестьян горно-заводского ведомства, находящихся в посессионном владении поручика Манухина.

ратинка, с криками бросалась на них, путив в ход имевшееся у них оружие, но солдаты дали отпор прикладами, и крестьяне умирлились. Шестнадцать человек из них были арестованы и преданы военному суду, который многих из них подверг жестокому наказанию и ссылке в Сибирь. В конце того же года здесь произошли снова волнения. Хотя приехавшим для разбора жалоб берг-инспектором поденная плата была несколько увеличена, но крестьяне Авгорского завода остались недовольными и выразили это новым возмущением и противодействием военной команде. Семнадцать рабочих наиболее виновных были посажены в острог, и дело о них перешло на рассмотрение правительствующего сената.

В следующем, 1859 г., 50 мастеровых того же завода снова подали жалобу на притеснения со стороны Манухина. Ревизовавший Пензенскую губернию сенатор Сафонов, познакомившись с их положением, признал необходимым повысить поденную плату на пять копеек ассигнациями, и с августа установлена была новая табель, согласно которой мастеровые от 15 до 18 лет получали по 21 коп. ассигнациями в день, от 18 до 21 года—25, а от 21 года—40, 45, 52 и 72 коп., смотря по цеху.

В августе 1859 г., по донесению администрации Юрюзанского завода (Оренбургской губ.), 80 крестьян, по окончании сносков, разбежались с работ в рудниках и дровосушницах и отправились в селения соседних уездов ¹⁾. Владелец завода генерал Сухозанет просил о предании их военному суду. Однако, эта просьба не встретила сочувствия, так как произведенное дознание выяснило, что сообщение заводууправления, известного своими притеснениями и жестоким обращением, было неверно. Крестьяне не уклонялись от работ, они уходили в льготное время, с единственной целью заработать на стороне насушенный хлеб и одежду, при чем их отлучка происходила не в раз, а одновременно и под влиянием крайности; к тому же, большинство отлучившихся крестьян, по возвращении, были наказаны распоряжением заводской конторы с превышением власти, т. е. большим против узаконенного числом ударов.

Вместе с тем произведенное расследование обнаружило, что на заводе ген. Сухозанета далеко не все обстоит благополучно. Согласно сообщению земского исправника, уроки на заводе настолько тяжелы, что „ни один почти мастер, работая все семь дней в неделю, не в состоянии выделывать назначенного по положению урока“²⁾. У неисполнившего этого делается вычет из получаемой платы в зависимости от недоделанного урока, так что нередко мастер вместо получения платы за месячную работу остается еще должным. „Сверх того вычеты еще производятся и тогда, когда мастер, хотя и сделал урок, но при делании железа всег более положенного угля или же не выделал из определенного количества чугуна назначенный вес железа. Подобные вычеты делаются вообще по всем цехам. Самая высшая плата мастеровому производится в месяц 20 рублей ассигнациями, но это количество по случаю делаемых вычетов редкие получают. Нередко случается, что мастеровой, имеющий семейство 7 или более человек, получает в месяц 8 рублей ассигн., а иногда менее или даже ничего. . . Престарелые и неспособные к работам заводские люди от заводовладелицы никаким пособием не пользуются; некоторым из них действительно дается вспомоществование, но это не от щедрот владелицы, а от крестьян, которым заводууправление, выдавая в счет задельной платы хлеб по ценам, немного выше справочных, составляет из излишка капитала, раздаваемый между крестьянами и неспособными к работам людьми, которые не имеют в семействах своих работников, долженствующих их пропитывать“.

В отношении рабочего времени мастеровые юрюзанского завода также находились в худших условиях сравнительно с другими заводами. Из переписки Оренбургского епископа с начальником губернии от 29 ноября 1858 г. видно, что работы здесь по приказанию самого владельца производятся ежедневно, не исключая воскресных, праздничных, и высокаторжественных, дней. В октябре и ноябре, напр., 1857 г. генерал Сухозанет лично приказал работать во все праздничные и воскресные дни, чтобы устроить заводскую плотину, и на эту работу должны были являться даже беременные женщины и матери с грудными детьми, несмотря на холодную погоду. В 1858 г. в праздничные дни 26 августа, 27 сентября и 22 октября заводские люди также не были избавлены от работ ³⁾.

Телесные наказания были в большом ходу, хотя за последние годы жестокость их несколько уменьшалась „вследствие исключительности времени“⁴⁾. В последнюю свою непродолжительную бытность на заводе осенью 1858 г. Сухозанетом „наказано было только (!) около 40 человек, и самая высшая мера наказания простиралась не более 100 ударов розог“⁵⁾. Раньше же наказания были жесточе, и несколько лет тому назад сам главный приказчик Абаимов получил 700 ударов. . .

Запрошенный по поводу тяжелого положения рабочих на заводе Сухозанета, главный начальник Уральских горных заводов отзывался в том смысле, что на всех вообще частных заводах Оренбургской губернии „размеры плат нельзя назвать удовлетворительными, но как крестьяне не жалуются на бедность содержания, то горное начальство не имеет ни повода, ни права к какому-либо вмешательству“⁶⁾. Но в дальнейшем разговоры и переписка, возникшие в связи с этим делом, побудили администрацию выйти до известной степени из состояния безучастности. 8 декабря 1860 г. главный начальник Уральских заводов Фелькнер посетил лично Юрюзанский завод, при чем более 100 рабочих жаловались ему на недостаточность платы. Фелькнер нашел, что хотя против прежней платы, составившей в общей сумме 70.000 руб., прибавлено уже 21.345 р. серебром в год, но этого недостаточно, ибо цены на продовольствие повысились более значительно, и так как за хлеб заводууправлением вычитается теперь по 43 коп. сер. за пуд, то у некоторых мастеровых не хватает заработной платы, чтобы купить потреб-

¹⁾ 4 экзпед. дело № 261 за 1858 г. О жестоком обращении с крестьянами Юрюзанского завода.

²⁾ На казенных заводах праздничные и высокаторжественные дни соблюдались строго, и общее количество рабочих дней в году не превышало 250. См. выше мой очерк „Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности“.

ное количество одного даже хлеба... Между тем на казенных заводах провиант выдается мастеровым бесплатно, а на соседних частных Симских заводах за отпускаемый хлеб взимается, при одинаковой заработной плате, только по 24 коп. за пуд.

В ответ на это Сухозанет писал, что нельзя сравнивать положение казенных рабочих с таковым же на частных заводах, и что понижение цены на хлеб до 24 к. будет для него разорительным; но все таки она была сбавлена до 35 коп. за пуд.

На Юрюзанском заводе не было крупных волнений, кажется, со времени Пугачевского бунта; но что настроение умов было далеко не спокойным в рассматриваемый период, об этом может дать представление нижеследующий выписка из письма главного приказчика Абаймова. „В нынешнее время— писал он в мае 1858 г.—очень стало трудно управляться... Мужичье—дураки, ничего не понимают, и как до сих пор живут на пени, то и желают сорваться, как обыкновенно срываются ценные собаки и по воле не могут набегаться. А как уже из зла ко мне были зажиги (т. е. поджоги), то боюсь, как бы вместо подкладки огня под угольные сарай не подложили огня в людей... Зажигатели же все около меня и прошлогодняя искра не погасла. Вот причина, по которой я боюсь этой обязанности, как огня, и почту себе в награду, ежели генерал освободит меня“...

Дело о Юрюзанском заводе является последним в архиве 3-го отделения; следующее относится уже к новому периоду „свободного“ труда.

К. Пажитнов.

Крестьяне-самоучки.

Среди архивных материалов, разрабатываемых Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России, есть материалы, дающие нам сведения об отдельных лицах—крепостных крестьянах, которые, благодаря своим природным дарованиям и приобретенным ими знаниям, выделились из той среды, к которой принадлежали по своему рождению, получали свободу от крепостного состояния и возможность дальше работать в избранном ими направлении. Таковы сведения о крестьянах Власове и Сободеве, сообщаемые ниже; поскольку удалось нам навести справки об указанных двух лицах, материал наш дает некоторые неизвестные до сих пор штрихи и более подробно рисует нам их историю ¹⁾.

I.

Семен Прокофьевич Власов был крепостным помещицы Скульской в имении ее в Любимском уезде Ярославской губернии. Родился Власов в 1789 году. Он выделялся большими способностями и стремлением к знанию. Будучи сначала пастухом в имении Скульской, он стал позднее работником в аптеке и на фабрике Грейсона, где и приобрел некоторые познания в химии. В январе 1811 года Власов подал на высочайшее имя прошение о допущении его к испытаниям в химии и физике и о приеме его в число воспитанников Медико-хирургической Академии. При этом он представил изобретенную им модель гидростатической машины, посредством которой вода поднимается на высоту нескольких саженей: машина эта могла быть пригодна к употреблению в деревнях для поливания полей во время засухи, для поливания растений в огородах, а также вместо пожарных труб. Подвергнутый испытанию в Конференции Академии, Власов обнаружил такие сведения в физике и химии, каких трудно было ожидать от человека, находящегося в его звании и лишенного средств к жизни. Конференция Академии нашла, что Власов, оказал такие сведения, которые доказывают отличные природные его способности, подающие надежду, что при надлежащем руководстве и с помощью учебных пособий приобретет он важные успехи «и чрез то сделается полезным для общества членом». Президент Академии Виллие высказал, однако, особое мнение о познаниях Власова: «хотя и приобрел он по навыку... некоторые познания о химических операциях, но не получив предварительно надлежащего воспитания, не может изъяснить ученым языком явлений вещественного мира ни из опытов, а еще менее умозрительно»—пишет Виллие и, не соглашаясь с положением конференции, предложил поместить Власова в Педагогический Институт.

¹⁾ Считаем необходимым указать, что имеется также материал о механике-самоучке Кулибине, построившем «машинные суда» на Волге (три дела Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел. По части проектов сочинений. 1798—1834 гг., в делах есть планы и чертежи изобретенных Кулибиным судов). Материал этот не используется нами в виду, того, что о Кулибине имеется весьма обширная литература.

Министр народного просвещения гр. Разумовский, желая поместить Власова в учебное заведение, обратился к министру полиции Балашову, прося его неходатайствовать перед государем об увольнении Власова из крестьянского состояния. На всеподданнейший доклад министра полиции Балашова о деле Власова последовало повеление—по делу об увольнении Власова из крепостного состояния отнестись к генерал-губернатору Новгородскому, Тверскому и Ярославскому. Одновременно с этим Балашов обратился к гр. Разумовскому с просьбою приказать Власову доставить изобретенную им модель машины министру полиции.

На запрос генерал-губернатора помещица Скульская отвечала, что она готова отпустить Власова на свободу, но в виду своего «посредственного состояния» хотела бы получить за него и за жену его 5000 рублей, при чем эту сумму, по мнению ее, мог бы «по своему художеству» заплатить и сам Власов. Государь повелел дать Власову свободу, а Скульской выдать зачетную рекрутскую квитанцию с предоставлением ей права продать ее в другие руки—помещичьим или казенным крестьянам,—или же зачесть ее за свое имение.

5 августа 1811 года Скульская отпустила Власова и жену его Афимью Федорову, на свободу, получив сама за них рекрутскую квитанцию. Указ на имя генерал-губернатора об освобождении Власова, от крепостного состояния был дан Александром I 14 сентября 1811 года. 21 сентября министр полиции уведомил об этом гр. Разумовского, переслав ему и самую отпусную для передачи Власову, а 5 октября последовало согласно министра народного просвещения на определение Власова в число воспитанников Медико-Хирургической Академии по фармацевтической части¹⁾.

В академии Власов обнаружил такие способности к изучению химии и к производству химических опытов, что был определен лаборантом к профессору химии, оставаясь в то же время и студентом для приобретения необходимых теоретических познаний. Отлично исполняя свои обязанности, связанные со званием лаборанта, он свободное время употреблял на производство новых опытов. В течение 1814—1815 годов ему удалось сделать некоторые открытия, о которых он доносил своему начальству по академии и министру народного просвещения графу Разумовскому.

В январе 1815 года Власов представил медицинскому совету медико-хирургической академии доклад об изобретенном им новом, более выгодном, способе добывания серной кислоты при помощи деревянных, налитых растопленной серой, камер, вместо употреблявшихся свинцовых домиков. При употреблении деревянных камер вместо свинцовых приготовление серной кислоты должно было обойтись несравненно дешевле, а добытая серная кислота оказывалась лучшего качества, так как не была смешана со свинцом. Медицинский совет поручил корреспонденту академии Рихтеру произвести испытание этого способа и, ввиду удовлетворительного результата опыта, одобрил изобретение Власова. В сентябре 1815 года Власов представил министру народного просвещения записку о том, что он изобрел способ заменить употреблявшиеся в то время паровые машины сложного устройства другими, более простыми. Машина Власова, устроенная из дерева, не заключала в себе ничего металлического, кроме котла. Сделать такую машину, сообщает Власов, может простой плотник, и стоит она дешево—около 1.000 рублей, причем она вполне может заменить прежнюю паровую машину, обходившуюся в 25 тысяч рублей. По замечанию Власова, «каждый зажиточный крестьянин иметь оные может, если потребует того какаго либо надобность»; такие машины могут быть полезны в разных случаях, например, при большом урожае хлеба, когда замечается недостаток в мельницах, на фабриках и заводах. Власов нашел также средство чрезвычайно усиливать действие электрических машин и распространять это действие на большие расстояния. При учиненном опыте выяснилось, что проведенная на расстояние нескольких сот саженей проволока «весьма скоро зажигала электрическим огнем приготовленные горючие вещества». Власов изобрел дешевый состав, посредством которого можно, примешивая его к воде, тушить чрезвычайно скоро сильнейшее пламя.

Сверх того, Власов изобрел химический состав для снятия лака со старых картин для наведения нового лака и открыл способ составления хороших и дешевых чернил. Среди других работ Власова интересно отметить придуманный им дешевый способ делать хорошую красную

¹⁾ Архив министерства внутр. дел, департамент полиции исполнительной, № 67 (16), по книге архивной № 494, 1811 г.—См. также: Архив Медицинской Академии, журнал заседаний конференции за 1811 г.

краску из остающейся на монетном дворе в большом количестве после добывания селитренной кислоты смеси, продававшейся по чрезвычайно низкой цене.

Как видно из прошения Власова от 29 декабря 1815 года на имя министра народного просвещения, он опасался, что бумаги, содержащие сведения о произведенных им открытиях, не имели должного действия и остались без рассмотрения «погребенными втуне между архивными делами бывшего министра просвещения»; поэтому Власов просил об отыскании и рассмотрении его бумаг. Власов писал о различных научных предметах, но труды его напечатаны не были.—Умер Власов в 1821 году ¹⁾.

II.

Кирилл Васильевич Соболев ²⁾ столярный мастер, был, крепостным крестьянином отставного капитана Макарова в сельце Таракунине Чухломского уезда Костромской губернии. В июне 1810 года Соболев, за многие изобретения, за модели машин и за сделание пожарной лестницы по модели, доставленной из Швейцарии, получил высочайше пожалованную серебряную медаль на аннинской ленте с надписью «за полезное», для ношения на шее. Сверх того, за сработанную им пожарную лестницу ему были выданы 2.000 рублей из кабинета его величества. В то же время Александр I повелел Балашову, петербургскому военному губернатору, снести с помещиком Макаровым и узнать, на каких условиях согласен он отпустить на волю Соболева с семьей.

Макаров согласился дать Соболеву отпускную, прося для себя 2 тысяч десятин из земли, принадлежащей г. Любиму, Ярославской губернии. Государь указал, что просимая Макаровым земля есть городской выгон, отдавать который нельзя. Сообщая об этом Макарову (5 ноября 1810 года), Балашов запросил, какую денежную сумму Макаров желал бы получить за свободу Соболева и как велик оброк, получаемый Макаровым от Соболева. Макаров от ответа уклонился, не желая отпускать на волю нужного ему человека. Однако, Балашов в январе 1811 г. обратился к ярославскому гражданскому губернатору с просьбой потребовать от Макарова указанных сведений. В ответ на это Макаров просил о награждении его тремя рекрутскими квитанциями (по числу душ мужского пола в семье Соболева), с правом продать их экономическим или помещичьим крестьянам, и сообщил, что оброк, платимый Соболевым, «был более признаком его подчиненности, нежели соразмерною по его способностям для меня пользою», и что он, Макаров, употреблял знания и способности Соболева, стремясь «обрести полезные выгоды и сим средством умножить мой прибыльток и тем привести в лучшее устройство малоимущественное мое состояние»...

Согласно воле государя, просьба Макарова была удовлетворена: 28 марта 1811 года Макаров отпустил на волю Кирилла Соболева с женой его Матрешей Никитиной и с сыновьями Игнатом и Михайлой, а 13 апреля был подписан Александром I указ костромскому гражданскому губернатору о выдаче помещику Макарову трех рекрутских квитанций. Отпускная была вручена Соболеву под его росписку, из которой видно, что он был плохо грамотен и писал с трудом. Вскоре после этого, в мае 1811 г., обнаружилось, что Макаров не включил в отпускную 13-тилетнюю дочь Соболева и что он требует от Соболева уплаты оброка, угрожая, в противном случае продать его дочь ³⁾. Поступок Макарова стал известен государю, который повелел ярославскому гражданскому губернатору немедленно потребовать от него отпускную дочери Соболева и объявить Макарову, что «если он с подобными правилами будет поступать в управлении прочими своими крестьянами, то Его Величество повелит имене его взять в опеку».

11 июня 1811 года ярославский гражданский губернатор сообщил министру полиции о том, что Макаров дал отпускную дочери Соболева, и что девушка эта живет вместе с матерью в Костромской губернии.

Наталья Платонова.

¹⁾ См. четыре дела архива департамента народного просвещения по описи общих дел за 1814—15 г.г. об изобретениях Власова.

²⁾ О Соболеве см. Архив мин. внутр. дел, департ. полиц. исполнительная, № 302 (137), по книге архивной № 1087. 1810 год. 36 листов.

³⁾ Интересна записка Макарова к Соболеву, содержащая требования и угрозы: «Кирило Васильевич, ты шельмовским своим упорством опять забыл, что тебе надобно прислать за прошлый год оброк—если ж ты не пришьешь на первой же почте, то дочка твоя будет запродала и выдана. Макаров».

ФАКТЫ И ЦИФРЫ.

ЗАМЕТКИ АРХИВИСТОВ.

Движение среди петербургских рабочих в 1901 г.—Об оставлении рабочими работ на фабрике в Вышнем Волочке.—К вопросу об освобождении беглых бродяг от крепостной работы.—К статистике горнозаводских рабочих (1828 г.).—Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек (1844 г.).—Стоимость наемного труда на полевых работах по данным 1871 г.

Движение среди петербургских рабочих в 1901 г.

Извлечение из печатного доклада петерб. градоначальника генер. Клейгельса от 10 июня 1901 г. министру внутренних дел.

«Не менее серьезным является и усиливающееся движение среди рабочих; движение это, хотя все еще не вполне смелое и необъединенное, благодаря своевременно принимаемым опять таки чисто административно-полицейским мерам, растет с каждым годом и из обычной мирной стачки превращается зачастую в буйный беспорядок, сопровождаемый насилиями со стороны рабочих и вооруженными столкновениями их с полицией. Вот последовательная картина проявления рабочего движения:

Революционная пропаганда организует правильные рабочие комитеты с руководителями-интеллигентами, преимущественно из учащейся молодежи, во главе. Последние снабжают рабочих громадной массой подпольной литературы; живо откликаются на каждый частный фабричный беспорядок, клонящийся ко вреду рабочих, и издают по этому поводу соответствующие листки, тогда как фабричная инспекция узнает об этом только из тех же листовок. Издают для рабочих специальные подпольные газеты, в которых знакомят их, конечно в извращенном виде, с результатом экономической борьбы их сотоварищей на фабриках всей Империи. Устраивают кассы взаимопомощи и «боевые фонды»; утилизируют собираемые деньги на развитие той же пропаганды. Из года в год, систематически, все с большею и большею энергиею, не смотря на неудачи, агитируют демонстративное празднование 1 Мая, чтобы силотить рабочую массу и потом направить ее к достижению своих конечных, чисто революционных целей. Пропаганда крайних групп где можно (в меньшинстве случаев) не скрывает этих своих конечных целей и открыто проповедует необходимость для рабочих силотиться и выступить с требованиями права сходок, стачек, свободы печати и участия в законодательстве. Умеренные (в большинстве) тщательно скрывают свои политические цели и ведут пропаганду на почве экономической, подчеркивая однако, что врагом своим рабочий должен считать не только капитал и фабриканта, но и правительство, которому будто бы выгодно «угнетенное и темное» положение рабочего люда. И та и другая пропаганда имеет успех вследствие многих причин, которые требуют тщательного и немедленного обследования для предотвращения серьезных осложнений, перед которыми одни административно-полицейские меры окажутся недействительными. Причины эти: кроме интенсивности пропаганды, искусственное и неестественное

умножение фабрик и заводов; плохое их оборудование, как в смысле техническом, так и в обстановке для рабочих; оторванность последних от земли, которая для русского крестьянина всегда будет главным жизненным фактором; неудовлетворительная организация фабричной инспекции, деятельность которой не связана с видами Министерства Внутренних Дел—регуляции и поддержания порядка, равномерно справедливого и возможного для рабочего и для лица, эксплуатирующего его труд, а подчинена расчетам финансового ведомства, не совпадающим часто с интересами министерства внутренних дел. О деятельности фабричной инспекции я имел честь подробно докладывать вашему высокопревосходительству в представлении моем от 5 июня 1900 года, а потому не буду распространяться здесь по этому, одному из самых важных и ближайшему вопросу в деле умиротворения рабочего движения. Перехожу к фактам, как проявилось в настоящем году это рабочее движение. 27 марта неожиданно рабочие металлургического завода предъявили желание окончить работу в четверг на страстной неделе двумя часами раньше обычного времени. Последовал отказ со стороны заводской администрации и фабричная инспекция была бессильна умиротворить возникшие неудовольствия. Рабочие разбили контору, подожгли ее и разбежались. Намерены были возбудить беспорядок и на соседней фабрике, но там отклонили их от этого товарищи, сказав, что у них вопрос о более раннем прекращении работ уже мирно разрешен соглашением с администрацией.

29 марта на судостроительной верфи Крейтон и Ко, на Охте, половина рабочих заявила просьбу об окончании в великий четверг работ в 2 часа дня. Рабочие настояли на исполнении своего желания, уйдя в 2 часа с работы и не пустив на нес тех, которые желали работать весь день.

4 апреля произошла забастовка подручных и мальчиков на бумагопрядильне «Джеме-Бек» и предъявлено требование о повышении гарантии и расценок для мюльщиков подручных и мальчиков.

1 мая забастовали все рабочие Нивольской мануфактуры акционерного общества Воронин, Лютш и Чешер. Предъявлены требования: установить 8-часовой рабочий день; прибавить 30% к расценкам; оканчивать работы по субботам в 2 часа; исправить и проверить расценки заработной платы, так как в настоящее время одна и та-же, или очень похожая между собою ткань ткется по разным ценам, и жаловались на плохое качество кипятка.

2 мая забастовала Выборгская прядильня акционерн. общ. Воронин, Лютш и Чешер, причем предъявлено требование о сокращении рабочего дня до 8 часов и соответственного повышения расценок на 30%.

3 мая забастовала Северная ткацкая мануфактура с требованием сокращения рабочего времени до 8 часов, но без повышения расценок.

4 мая повторилась забастовка на бумагопрядильной мануфактуре «Джеме Бек». Требования были предъявлены общия, т. е. о сокращении рабочего времени до 8 час. и соответственного повышения расценок.

Во всех упомянутых случаях фабричная инспекция оказалась бесполезной и после тщетных и безплодных переговоров, когда страсти рабочих достигали крайних пределов, она передавала дело усюкоения, или скорее усмирения непокорных, в руки полиции. Рабочие, желая возбудить забастовки и в соседних фабриках путем насильственного прекращения там работ, встретили препятствие к этому в лице полицейских нарядов, которым при восстановлении порядка и оказали вооруженное (камями) сопротивление.

7 мая происходит забастовка рабочих казенного Обуховского сталелитейного завода, сопровождаемая уже такими беспорядками, которые вызвали необходимость действия против бунтующейся толпы рабочих огнестрельным оружием, что только и прекратило дальнейшее развитие уличных беспорядков и насилий. В числе многих требований, предъявленных обуховскими рабочими чисто местного характера, были и явно незаконные, навеянные революционной пропагандой: 8-ми часовой рабочий день, внесение 1 Мая в число табельных дней, а также общее увеличение заработной платы. Администрация завода, состоящего в ведении морского министерства, удовлетворив некоторые требования рабочих, вывешивает объявление, что три последних желания рабочих переданы на разрешение министерства внутренних дел, которое таким образом в глазах рабочих и явится виновным в случае отказа в удовлетворении.

8 мая бастуют рабочие соседняго Александровского сталелитейного завода, но без заявлений каких либо требований. 14—16 мая забастовка на Невском судостроительном и механическом заводе. Требования: сокращение рабочего времени сперва на $\frac{1}{2}$ часа, что удовлетво-

дается заводом немедленно, а затем и еще на $\frac{1}{2}$ часа, на что последовал отказ; уничтожение штрафа в 20 коп. за приход без номерной жестянки; продолжение льготного времени для входа в завод после последнего свистка; допущение запоздавших более четверти часа на работу ранее наступления ближайшего перерыва в работах; уничтожение штрафов за опоздание по понедельникам; учреждение общества потребителей и сберегательной или сберегательно-вспомогательной кассы для рабочих; назначение выборных старост для каждой отдельной мастерской.

17-го мая забастовка на Александровском вагоностроительном и 19-го—на Александровском механическом заводах Николаевской железной дороги. Требования: сократить время сверхурочных работ; повысить для этой работы расценки; оканчивать работу по субботам в 2 часа, а не в 3 часа дня и распространить подобное сокращение окончания работ на каноны всех празднуемых заводами дней.

Наконец, грандиозная забастовка (завод не действует и до сего времени) на казенном судостроительном Балтийском заводе, сопровождаемая насилиями и побоями против двух заводских мастеров, разбитие окон и насильственным прекращением работ на соседнем частном гвоздильном заводе и других местных мелких фабриках. Здесь опять встречаемся с фактом, что администрация завода, склонная уступить незаконному требованию рабочих освобождения арестованных за беспорядки товарищей, готовится вывесить объявление, что освобожденным препятствуют власти министерства внутренних дел—товарищ министра и градоначальник.

По имеющимся сведениям, рабочее движение не успокоилось и можно ожидать новых и новых осложнений.

Из представленного перечня фактов видно во первых, что большинство требований рабочих носят местный характер и могли бы быть улажены своевременно, если бы органы фабричной инспекции правильно функционировали; во вторых, необходимо строго различать стачку или забастовку чисто экономическую от политической и бунтовской. Первая, ранее применения карательных административно-полицейских мер, должна быть немедленно подробно рассмотрена какою либо коллегияльною, заранее определенной по своему составу особою комиссиею, постановление которой было бы обязательным как для рабочих, так и для фабриканта, тотчас после утверждения его министерством внутренних дел. Всякие же насильственные действия рабочих и уличные беспорядки должны быть подавлены и прекращены немедленно, быстро и хотя бы самыми крайними мерами—силою оружия». Г.

Об оставлении рабочими работ на фабрике в Вышнем Волочке ¹⁾.

Секретное письмо тверского губернатора от 16 июня 1876 г. министру внутренних дел.

«Имею честь довести до сведения Вашего Сиятельства, что 14 сего июня в г. Вышнем Волочке на фабрике кузцов Ермаковых рабочие половинщики и стальщики, в числе 114 человек, оставили работы, прося прибавки задельной платы и выставляя причиною оставления работ то, что на них будто бы налагают слишком частые и большие штрафы, но контора фабрики на прибавку платы не согласилась, почему остальные рабочие должны были оставить свои занятия, 114 рабочим оказалось невозможно продолжать работы и фабрика в настоящее время остановилась.—При этом долгом считаю доложить Вашему Сиятельству, что так как ни со стороны рабочих, ни со стороны фабричного управления не поступало ни каких заявлений по этому делу ²⁾, то местные власти и не встретили надобности принимать какое либо участие в настоящем деле».

¹⁾ Архив министра внутренних дел, департ. полиции исполнительной в 1876 г., дело № 103.

²⁾ Курсив наш.

Ответное письмо министра Тимашева от 2 июля 1876 г.

«Отношением от 16 июня с. г. за № 138 Ваше Превосходительство довели до сведения вверенного мне Министерства, что... (следует изложение).—По поводу сего считаю долгом сообщить Вам, Милостивый Государь, что означенный беспорядок со стороны фабричного населения, выразившийся в прекращении занятий с целью добиться повышения заработной платы, составляет один из самых опасных и вредных видов стачки¹⁾; предупреждение вредных последствий подобных стачек составляет постоянную заботу Правительства и послужило в 1870 году поводом к изданию особого Высочайшего повеления, изложенного в циркуляре Министерства от 6 июля того года за № 1906, а потому, хотя ни со стороны владельцев фабрики, ни со стороны рабочих, не последовало никакого заявления, тем не менее я покорнейше прошу Вас, М. Г., приказать обнаружить: кто были в данном случае подстрекатели или зачинщики волнений между фабричными, и по обнаружении таковых принять против них меры, указанные упомянутым циркуляром. О последующем не оставьте уведомить Министерство».

Письмо губернатора управляющему министерством внутренних дел от 31 июля 1876 г.

«Согласно предложения Г. Министра внутренних Дел от 2 сего июля за № 2136, мною было поручено Старшему чиновнику особых при мне поручений расследовать, кто были подстрекатели или зачинщики в деле оставления в минувшем июне месяце рабочими в числе 114 человек работ на фабрике купцов Ермаковых в г. Вышнем Волочке по случаю отказа им в прибавке задельной платы, последствием чего была остановка всей фабрики, и по расследованию этому оказалось, что в данном случае собственно стачки рабочих не было и ни фабричное управление, ни полиция не могли указать ни одного из рабочих, которого можно было бы назвать подстрекателем или зачинщиком в произшедшем беспорядке. Выше упомянутые 114 человек рабочих, производивших работу в отдельном корпусе, заявили конторе фабрики свою претензию на значительность налагаемых на них штрафов, избежать которых они положительно не могут по крайней неопределенности и неясности правил, определяющих их отношение к фабрике, и затем обратились с просьбою об увеличении их задельной платы, которую, как выяснилось также расследованием, контора фабрики нередко уменьшала, или вовсе без всякого предуведомления рабочих, или хотя и с исполнением этой формальности, но в такое время, когда на верное знала, что рабочие не уйдут, как бы ни была мала предложенная им плата; контора же, отказа в этой просьбе, сама закрывала работы в этом корпусе, а так как с приостановкой работ этими рабочими не могли продолжаться работы и остальными рабочими, то и была остановлена вся фабрика».

Письмо губернатора от 14 июля 1877 г. министру внутренних дел.

«Имею честь довести до сведения Вашего Высочайшего Превосходительства, что работы на фабрике Ермаковых в г. Вышнем Волочке вновь остановились с 6 сего июля и рабочие все расчитаны.

¹⁾ Курсив намы.

Остановка фабрики на этот раз последовала по инициативе самого фабриканта, который признал необходимым произвести ремонт одного из корпусов фабрики, объявив 5 июля рабочим этого корпуса в числе 400 человек, что со следующего дня работы прекращаются; когда же некоторые из рабочих другого корпуса заявили просьбу купцу Ермакову о прибавке им задельной платы, то он объявил им, что они могут рассчитывать на продолжение работ в корпусе только при том условии, если они останутся при прежней плате, в противном же случае он остановит работы и в этом корпусе. А так как рабочие на это не согласились, то Ермаков и остановил всю фабрику.

При этом считаю своим долгом доложить Вашему Высокопревосходительству, что хотя Ермаков распустил рабочих без предварения их о том заблаговременно, тем не менее последние не заявляли по этому поводу никаких претензий и жалоб и в среде распущенных людей не было никаких волнений и беспорядков.

А. Б.

К вопросу об освобождении беглых бродяг от крепостной работы.

В крепостной России 18—19 ст. «вольные, гулящие» люди, без «письменного вида» или «печатного паспорта», как известно, были явлением совершенно нетерпимым¹⁾. Полицейское государство, скреплявшее всю народную массу запискою в ревизские сказки для платежа подушной подати и отбывания рекрутской повинности, неизбежно видело во всяком «гулящем» человеке беглого или «дезертира труда» и стремилось вернуть его в первобытное состояние. Такое возвращение не всегда, однако, было осуществимо и часто сопряжено было с более или менее длительною затянкою, если беспаспортный не открывал своего звания или же помещик или тяглая община тут же не заявляли своих прав на задержанного в «праздношатайстве» бродягу. В Московскую эпоху государство в последнем случае готово было «учинить» такому человеку «свободу», а к концу 17 в. делало неоднократные попытки ввести лишь регистрацию «пришлых, гулящих» людей, во множестве проживавших, «без поручных записей» и «без записки», в слободах самой Москвы²⁾. В царствование Петра В. вопрос о пришлом бродячем люде стал на иную почву: привлекая всех себе на службу, государство должно было и этому люду дать принудительное трудовое употребление. Законодательство 18 ст. исходило из такой именно точки зрения, рассматривая бродяжество, как «праздношатайство» и даже претупление: бродяга, при поимке не открывший или не сумевший доказать свое звание, лишался свободы и затем или шел в солдаты или отдавался на фабрику, постройку канала, крепости и т. п. или, реже, ссылался в Сибирь³⁾.

Государственное распределение бродячей рабочей силы в России 18-го столетия на практике осложнялось тем, что действовало в условиях крепостного строя. В самом деле, беспас-

¹⁾ Полн. Собр. Законов, т. V, указ 30 окт. 1719 г.; т. XI, № 8738, ук. 21 мая 1743 г.

²⁾ Полн. Собр. Зак., т. III, № 1495, ук. 19 июля 1694 г.: здесь имеется в виду тот случай, когда помещики и вотчинники, приведшие в Московский Судный Приказ своих беглых людей и крестьян, «учнут крестьян своих приводных отступать... и на росписку себе не возьмут: и таким приводным людям и крестьянам после недели из Приказа учините свободу, выпускать и без росписок». Это «для того, что в Судном Приказе те люди и крестьяне сидя многое время за неходобю тех людей, которые их привели и чьи они люди и крестьяне, терпят голод и всякую нужду, а иные многие от тесноты и заболели и с голоду помирают». — См. также П. С. З., т. III, № 1403, 23 апр. 1691 г., № 1454, 16 ноября 1693 г., № 1509, 2 окт. 1695 г.

³⁾ Ср. А. С. Лаптево-Данилевский «Очерк истории образования главн. разрядов крестьянского населения в России» (Сборн. «Крестьянский строй», СПб, 1905 г., т. I, стр. 82—83). — П. С. За., т. V, № 3369, ук. 11 мая 1719 г.: «вел. государь указал сысканных и пойманных в С.-Петербурге беглых и гулящих и слоняющихся по улицам людей... которые сущего подлинного свидетельства о себе не показали и отосланы на каторгу до указа, 18 человек, взят с каторжного двора, написать в солдаты или матросы или к каким другим указным работам, по рассмотрению достоинства, кто куда надлежит... Также и впрямь... определять против вышесказанного ж Его Величества указу». — П. С. Зак., т. VI, № 4023, ук. 1 июня 1722 г., предписавший, чтобы «никто в гулящих не был», «а без службы не шатался бы», и угрожавший за противное «галерною работою». — П. С. За., т. VI, №№ 4047, 3939, 4055; VII, № 4199; т. VIII, № 5441; т. IX, №№ 6858, 7017, 7016; т. X, № 7827; т. XII, № 8886.

портный бродяга, «непомнящий родства», в редких случаях не был беглым крестьянином или дворовым человеком, владеец которого в любой момент мог предъявить на него свое право. При отдаче бродяги в солдаты оно охранялось тем, что владеец получал на своего беглого рекрутскую квитанцию и в следующий рекрутский набор такой беглый «зачитывался за рекрута». При всякой иной комбинации беглый подлежал возврату в натуре и вне зависимости от давности побега. За редкими исключениями¹⁾, правительство не оспаривало частно-владельческого права и проявляло, поэтому, возможную осторожность при поимке бродяг, подвергая их энергичному допросу, «чьи они и где жили» и, в случае удовлетворительного показания, препровождая допрошенных на места их жительства. Но повседневный опыт настойчиво указывал на тщетность такой «пересылки» беглых «из места в место». Ложные показания пойманных, затруднительность хорошо и быстро оповестить обширную владельческую округу и добиться обратного приема беглых их владельцами делали из беглых досадную для воеводской канцелярии тему, а пересылку их обращали в безцельную трату «казенной суммы». К началу 60-х г.г. 18 ст. бегство крепостных приняло такие размеры, что оказалось необходимым пересмотреть вопрос о беглых с указанной точки зрения. Указом 9 ноября 1765 г. пересылка беглых по их показаниям отменялась вовсе и вводился новый порядок обращения их в первобытное состояние, в силу которого «беглые беспаспортные и с проероченными видами владельческие люди» после допроса отсылались в казенные работы поблизости от места поимки, а тем временем принимались все меры к оповещению их владельцев. Действие этих мер (как-то: публикация «от полиции», сообщение в академию «о прочтении в газетах», посылка «таковых известий» в воеводские канцелярии, «которых в ведомстве жилища тех беглых состоят, а сим канцеляриям помещикам о том давать знать и брать с них подписки») рассчитано было на годовой срок, по истечении коего беглые, не взятые владельцами, отдавались в солдаты с зачетом за рекрут, а негодные в службу — оставались в казенных работах и не подлежали более возврату²⁾. Вместе с тем указ 9 ноября решительным образом подтвердил бесспорность права иска о возврате беглого из казенных работ во всех тех случаях, когда тот «утаит настоящего владельца своего и свое имя, почему в срочное время ни от кого взят не будет».

При такой четкости в постановке владельческого права на беглого, указ 9 ноября с карательной точки зрения не проводит никакого различия между беглым, который, дав правильное показание, обнаружил готовность вернуться в крепостную зависимость и лишь не взят самим же его владельцем, и бродягою, «умышленником и отбывателем от холопства»: того и другого, после годичных казенных работ «на денежном дворе, у городского строения», постигала рекрутчина или, за негодностью, суровая трудовая каторга³⁾. В последнем случае беглый, который «в преступлении, кроме побега, не оказался», подвергался действию режима, рассчитанного на «арестантов»; «прямых преступников» и бродяг, «непомнящих родства», в которых власть обычно подозревала тех же преступников. Любой бродяга, утаивший свое звание и впоследствии «сысканный и от владельца доказанный», сохранял легальную возможность вырваться из каторжного состояния. Беглый же, минувший указанную годичную давность, обречен был навсегда и безусловно.

Интересующее нас различие, как и вытекающее из него определение срока пребывания беглого в крепостных работах, проведено было лишь сорок лет спустя, при имп. Александре I, в указе 9 сентября 1805 г., пограничным военным губернаторам данном⁴⁾. Ст. 3-ья его гласила: «беспаспортных помещичьих людей, кои в положенный годичный срок помещиками их требованы не будут, по истечении сего срока, если окажутся они доброго поведения, начальники губерний имеют представлять об освобождении их от крепостной работы; по освобождении же имеют

1) Напр. П. С. З. т. VI, № 4055, 18 июля 1722, о невыдаче с фабрик и заводов беглых, научившихся там соответствующему производству.

2) П. С. Зак. т. XVII; № 12506. Годичная давность для иска о возврате беглого, здесь установленная, в дальнейшем прочно вошла в оборот и удержалась до известного указа 23 февраля 1823 г. (П. С. З. т. XXXVIII № 29328), заменившего прием беглых и бродяг в полки и крепостные работы ссылкой их в Сибирь на поселение, не ожидая окончания изысканий о первобытном их жительстве. Ср. П. С. З., т. XXXV, № 27492 и т. XXXVII, № 28263.

3) Обычно то были крепостные работы в ведении Всенной Коллегии или военного министерства.

4) П. С. Зак., т. XXVIII, № 21910.

они быть поселяемы при казенных селениях, по усмотрению местного начальства, где удобно признано будет, исключая тех губерний, в коих они прежде жили». При всей условности понятия «доброе поведение», ясна освободительная тенденция этого указа, два года перед тем провисевшая, в столь же условной оболочке, в указ о свободных хлебопашцах (9 февр. 1803 г.). Известна тусклость судьба этого последнего. Первому посчастливилось еще менее.

В свое время, за вычетом самих героев нашего указа, он представлял лишь ведомственный интерес и, надо думать, публике остался вовсе неизвестен. Ближайшим образом касался он двух ведомств: министерства полиции, ведению которого через губернаторов принадлежали беглые, и инженерного департамента военного министерства, который вел крепостные работы и распоряжался трудом сосланных туда преступников и беглых бродяг. В 1818 г. инженерный департамент вступил в переписку с министром полиции по вопросу о том, как поступать с бродягами уже неспособными ни к какой крепостной работе¹⁾. Министр полиции вошел в комитет министров по этому вопросу с запискою, в заключение которой полагал предложить окружным инженерным начальникам, по освидетельствованию неспособных, на преступников пересылать подробные списки в министерство полиции, беглых же бродяг препровождать непосредственно к местным гражданским властям для распределения в учреждениях приказа общественного призрения с тем, чтобы оттуда, по возможности, отсылать их к владельцам. Исчерпав, таким образом, тему, докладчик, этим, однако, не ограничился и прибавил заключение еще и о здоровых бродягах, а именно, что списки на тех из них, которые сосланы в работы не за преступление, а лишь за побег, «по точной силе указа 9 сентября 1805 г.²⁾, по прошествии годового срока, надлежит сообщать от инженерного ведомства начальнику губернии, а сей обязан представлять оные вышнему начальству» (т. е. министру полиции). 20 августа 1818 г. комитет министров утвердил названный доклад министра полиции, а тот препроводил его в инженерный департамент к исполнению.—Спрашивается, зачем понадобилось столь решительное напоминание об указе, на основе которого инженерный департамент должен был действовать без малого 13 лет? Ответ находим в одном донесении инженерного департамента военному министру, из коего явствует, что о существовании нашего указа департамент впервые «осведомился» из вышеупомянутой переписки о неспособных к работам бродягах, а копии текста указа получил от министерства полиции лишь 21 июня 1818 г., после чего и разослал их подчиненным органам к исполнению³⁾. При таких условиях подтверждение силы указа 1805 г. со стороны комитета министров, может быть, и имело бы известный смысл, если бы в день 20 августа, когда оно состоялось, часы повооткрытого указа не были бы уже сочтены; на другой день 21 августа высочайше утверждено было положение о военно-рабочих ротах, на комплектование которых назначались, между прочим, как раз «те из крепостных арестантов, не по суду в сие звание отданных, кои окажутся благонадежны в поведении». Совершенно убийственной для нашего указа была здесь оговорка, что комплектование учреждаемых рот рекрутами допускается только за недостатком «благонадежных в поведении» арестантов⁴⁾. Не отменяя его формально, «положение о военно-рабочих ротах» на деле крайне уменьшало возможность его применения и противопоставляло освободительной его тенденции прежний принцип специфического трудового призыва, не ограниченного никаким сроком.

Систематического и широкого применения указ 9 сентября 1805 г., вероятно, не находил себе и прежде: так, по крайней мере, можно себе объяснять обнаруженную инженерным департаментом неосведомленность о самом существовании указа, ближайшим образом касавшегося сферы ведения департамента. Есть, все же, указание, что губернские власти его знали и время от времени обращалась с представлениями об освобождении бродяг из крепостной работы к министру полиции. В делопроизводстве департамента полиции исполнительной сохранилось одно дело об освобождении бродяг, возникшее по представлению рижского военного губернатора⁵⁾.

¹⁾ П. С. Зак., т. XXXV, № 27487, полож. Комитета министров 20 авг. 1818 г.

²⁾ Три статьи указа 9 сентября приведены в записке полностью.

³⁾ Архив департамента полиции исполнительной м. вн. дел, дело № 265, 1818 г., по книге архивной № 845, лл. 2 и об.

⁴⁾ П. С. Зак., т. XXXV, № 27487.—Известен, впрочем, один случай освобождения пяти бродяг по инициативе инженерного департамента, имевший место в ноябре 1818 г. См. указанное выше дело № 265.

⁵⁾ Архив д-та полиции исполнительной м. вн. дел, № 240, 1817 г., по книге архивной № 953: «по отношению рижского военного губернатора об освобождении некоторых бродяг от крепостной работы», на 55 лл.

Из него узнаем о четырех случаях освобождения от крепостной работы в Лифляндской губ. разного звания бродяг, каждый раз по именным высочайшим указам: трех случаях—в 1811 г. и об одном—в 1819 г. В первых трех случаях освобождено было 74 человека, из них 59 уже совсем неспособных к работам. В последнем случае—53 человека, дело о которых затнулось на два года и вызвало большую переписку, при чем все они провели в работах от трех до пяти лет и около половины из них принадлежало к числу бродяг, не помнящих родства, т. е. не подлежащих, в сущности, действию нашего указа. Как видно, правильной и срочной периодичности в освобождении очередных партий бродяг в Лифляндской губ. не соблюдалось. Зато указу придано было довольно широкое и явно непредусмотренное точным его смыслом толкование.

Б. Романов.

К статистике горнозаводских рабочих.

Рабочие на частных горных заводах по сведениям 1828 г.

С целью дать возможность департаменту разных податей и сборов министерства финансов проверить правильность сведений, представляемых казенными палатами, департамент горных и соляных дел предписал в 1828 году московскому и пермскому горным правлениям сообщить, какое число крестьян состоит по каждому заводу, сколько числится в окладе крестьян, за которых заводы уплачивают подать, и каково число не состоящих в окладе, но соответствующие подати «полагаются в продажную цену материалов».

Оба горных правления прислали нижеследующие сведения, причем сообщили, что состоящие на заводах «заводские люди и крестьяне» находятся в податном состоянии и что государственные подати за них уплачиваются заводами ¹⁾.

1 Сведения, сообщенные московским горным правлением.

Калужская губерния.

Верхний и Нижний Песочинские заводы (Голыньских) в Жиздринском уезде—по 7-ой ревизии 775 крепостных и 25 казенных приписных.

Песочинский зав. (купцов Масловых)—заводских мастеровых 50, Серинский—заводских мастеровых 154.

Дучненский (Лаврова)—по последней ревизии числится «мастеровых и рабочих людей 192 души; еще принадлежащих к заводу и находящихся временно в работе при селах Николаевском, Никитском и деревнях Истоминой, Рвас и Струковой дворовых людей и крестьян 283 души—всего 475 душ».

Ишневский (гн. Вибарсова)—мастеровых 94.

Ханинский (Купца Ивана Засыпкина)—«имеется приписных на праве заводском крестьян по последней ревизии 778 душ, из сего числа разных мастеровых 138 душ».

Богдано-Петровский (купца Петра Засыпкина)—по 7 ревизии крестьян 770.

Людиновский и Сукрешенский (г. Мальцова)—мастеровых и рабочих людей по 7 ревизии всего 1300.

Завод Билибных—«собственных приписных крестьян не имеется, а употребляются для работ заводских по найму из разных соседних деревень с узаконенными видами».

Сепетско-Ивановский—по 7-ой ревизии мастеровых и крестьян всего 283.

Орловская губерния.

Заводы Любохонский—361 и Радицкий—955 крепостных.

Бытошевский и Петровский (купцов Мельниковых)—238 душ.

¹⁾ Архив горного департамента, 1 стол 3-го отделения, 1828 г., дело № 13 «Бумаги, вышитые из дел 1828 г. о числе людей при частных горных заводах».

Рязанская губерния.

Нешлюжский (Масалова)—по 7 ревизии мастеровых 244.

Кирицкий (Генике)—«по сказкам ревизии 274 крестьян, принадлежащих заводу в семье Засече на праве заводском 37, там же на праве помещиц 5 душ крестьян, в селе Добром—на заводском праве 202 мастеровых, при зеркальной фабрике 197, всего 715 душ».

Истинско-Заливский (Подгорацкой)—мастеровых людей 263, заводских крестьян в Пронской округе 23, в Ряжской 293.

Сынткульский—мастеровых 96, крестьян 167.

Ереминский—мастеровых 601, крестьян 446.

Мердушенский—мастеровых 152, крестьян 301.

Вознесенская фабрика—мастеровых 117, крестьян 45. «При оной же фабрике живущих и по ревизии числящихся при селе Вознесенском крестьян 295 душ».

Белоключевская стеклянная фабрика—мастеровых 28.

Завод прапорщика Яблочкова—«приписных крестьян, не имеется, а употребляются для работ заводских по найму из разных соседних деревень с узаконенными видами».

Пензенская губерния.

Рябинский (купца Шапкина)—мастеровых 371.

Савинско-Авгарский (купца Манухина) и особо в деревне Маскиной 794 (штатных мастеровых 760, не поступивших в штат 34).

Тамбовская губерния.

Виндревский (Очкиной)—525 душ.

Уженский (Шепелевич)—323 мастеровых.

Тульская губерния.

Дубенский (Масаловых)—29 душ (крестьян).

Владимирская губерния.

Гусевский—«на праве заводском мастеровых 967 душ, на праве помещичьих крестьян 642 души, в оном же заводе живущих, а по ревизии числящихся при деревне Малышовой крестьян 144 души».

Верхне-Унженский—мастеровых 67, крестьян 110.

Железницкий—938 мастеровых.

Нижегородская губерния.

Плевский—мастеровых 345, крестьян 391. «Сверх сего таких, кои числятся при поселениях или состоят при заводах Меленковского уезда при деревне Самойловке 6», а в Темниковском уезде 18.

Выксунский,—1648 мастеровых.

Велетменский—471 мастеровых.

Снаведский—979 мастеровых, «да причисленных к сему же заводу после ревизии из мастеровых стеклянной фабрики, состоявшей в Тамбовской губ. 48 мастеровых».

Верхнежелезницкий—938 мастеровых.

II. Сведения, доставленные Пермским горным правлением.

Таблица крепостных крестьян по последней 7-ой ревизии (число казенных мастеровых и непременных работников, состоявших при заводах, указано в подстрочных примечаниях).

Пермская губерния.

	Крепостных крестьян.	Крепостных крестьян.
Верхисетские (Яковлева)	4.706 ¹⁾	Иргинский (купца Кнауфа)
Юговский (купца Кнауфа)	1.467	Саранинский " "
Курашимский " "	768	Вилимбаевский (гр. Строгановой)
Бизярский " "	439	Добрянский " "

¹⁾ А также казенных: мастеровых 2302 и непременных работников 1520.

	Крепостных крестьян.	Крепостных крестьян.	
Очерский (гр. Строгановой)	3.377	Висимоуткинский (насл. Демидова)	920
Лысенский (графини Полве)	3.534	Висимошайтанский " "	417
Кусве-Александровский " "	1.896	Выйский " "	931
Бисертский " "	2.159	Лайский " "	309
Югокамский " "	1.391	Ревдинский (наслед. Зеленцова)	2.884
При соляных промыслах " "	1.879	Бисертский " "	960
Судоянский (наслед. Демидова)	1.147	Рождественский " "	1.458
Уткинский " "	1.467	Нижне-Сергинский (купцов Губиных)	1.672 ¹⁾
Молебский " "	875	Атичский (купцов Губиных)	114
Тисовский " "	444	Верхне-Сергинский и Козинский (купцов Губиных)	1.185
Бымовский " "	1.168	Михайловский (купцов Губиных)	87
Ашабский " "	784	Уфимский и Суховятский (купцов Губиных)	1.580
Камбарский " "	964	Уфимская пристань (купцов Губиных)	327
Шаквинский " "	70	Деревня Атичская " "	79
Деревня Поздняка (наслед. Демидова)	87	Деревня Половинная " "	23
Невьянский (наслед. Яковлева)	3.960	Сысертский (наслед. Турчанинова)	— ²⁾
Быньговский " "	1.201	Полевский " "	— ³⁾
Петрокаменский " "	498	Северский " "	— ⁴⁾
Деревни Тавали верхние	156	Алапаевский (наслед. Яковлева)	634 ⁵⁾
" " нижние	155	Уинский и Щермянтский (наслед. Яковлева)	585
Кыновский (гр. Строганова)	542	Пожевский (Всеволожского)	3.215
Шайтанский (куппа Ярцова)	825	Марвинский " "	110
Богословский (Тюбук) (куппа Ярцова)	130	Елизаветопожевский (Всеволожского)	580
Нытвенский (князей Голицыных)	1.130	Александровский " "	1.840
Архангелопашийский (князей Голицыных)	783	Всеволодовильский (Всеволожского)	506
Кусве-Александровский (князей Голицыных)	158	Никитопиненский " "	1.294
Село Верхомулинское (князей Голицыных)	471	Бизеловский рудник " "	182
Село Ленвенское (князей Голицыных)	199	Каслинский (наслед. Расторгуева)	1.652
В разных селах и деревнях временно работающих при всех горных заводах (кн. Голицыных)	10.985	Кыштымский " "	1.770
Соляные промыслы (князей Голицыных)	1.852	Назепетровский " "	1.503
Нижнетагильский (наслед. Демидова)	6.166	Шемахинский и Соробинский (наследн. Расторгуева)	315
Нижлесалдинский " "	1.833	Село Воскресенское (наследн. Расторгуева)	603
Верхлесалдинский " "	640	Село Рождественское (наследн. Расторгуева)	1.041
Черноисточинский " "	978		

Вятская губерния.

Бымышевский (Лебедева)	554	Запазинский (насл. Мосолова)	433
Шурманьольский (наслед. Мосолова)	160	Холуницкие " "	1.224
Шурминский " "	265	Вирсинский (Бобарькиных)	54
Буйский " "	318	Песковский " "	12

¹⁾ Казенных непрременных работников—314.

²⁾ Казенных мастеровых—1458.

³⁾ Каз. мастеровых—1063, непр. работников—2369.

⁴⁾ Казенных мастеровых—377.

⁵⁾ Каз. мастеровых—2189, непр. работников—2387.

Оренбургская губерния.

	Крепостных крестьян.		Крепостных крестьян.
Архангельский (гр. Лаваль)	1.453	Катав-Ивановский (кн. Белосельской-Белозерской)	3.041
Иштеряковский (купца Ярцова)	242	Архангельский (Красильникова)	170
Омутинский Вятской губ. (Осокина)	432	Белорецкий (Пашкова)	2.817
Пудожский Вятской губ.	63	Преображенский (Гусятникова)	1.373
Верхнетроицкий, Нижнетроицкий и Усень-Ивановский (Осокина)	1.229	Симский и Минярский (Бекетова)	3.245
Благовещенский (Полторацкой)	1.026	Богоуленский (Бекетова)	1.282
Авзянопетровский (купцов Губиных)	1.019 ¹⁾	Кананикольский (Мосолова)	669
Верхотурский (Пашкова)	1.588	Богословский (Глазова)	263
Воскресенский	2.167	Казинский и Узянский (Демидова)	776 ²⁾
Юризень-Ивановский (кн. Белосельской-Белозерской)	2.540	Шильвинский (купца Подьячева)	262

Казанская губерния.

Ташевский (купца Ярцова)	899	Мешинский (Осокина)	327
------------------------------------	-----	-------------------------------	-----

Вологодская губерния.

Нажимский (Боборыкиных)	26	Нювчимский (Боборыкиных)	51
-----------------------------------	----	------------------------------------	----

Енисейская губерния.

Прбинский (купца Патюкова)

«При сем последнем заводе на основании Высочайше утвержденного 27 марта 1816 г. мнения Государственного Совета положено иметь рабочих людей из ссыльных 300 человек; но оных полного комплекта за делаемыми ссыльными побегам не имеется».

Сообщила Нина Платонова.

Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек ³⁾.

Секретное письмо ижевского губернатора ген.-майора Бартолова от 13 июля 1844 г. министру внутренних дел.

«Некоторые из помещиков вверенной управлению моему Ижевской губернии, а именно: ныне покойный отставной генерал-майор Марков, статский советник Дубецкий, подполковник Крекшин и коллежский ассессор Коведяев приняли за правило брить крестьянам своим полголовы, а г-н Крекшин даже всякую субботу под предлогом удержания их от побегов и самовольных отлучек, в которых они уже оказались виновными, по оставляя их в таком виде весьма продолжительное время и пуская их на работу и по большим работам.

Находя, что подобная мера *во-первых* установлена 70 ст. XV тома свода законов уголовных (изд. 1842 г.) только для одних содержащихся в тюрьмах и острогах, *во-вторых*

¹⁾ Казенных непременных работников—205.

²⁾ Казенных непременных работников—213.

³⁾ Архив министр. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1844 г., дело № 413 (по архивной книге № 3417).

налагают на крестьян, так сказать, видимое клеймо позора, особенно пуская их в таком виде на работу и по дорогам, и тем ожесточают их против владельцев, и, наконец, против народного обычая стричь волосы в кружок, а также что эта мера никак не может подойти под разряд домашних исправительных средств, указанных 971 ст. IX тома и 335 ст. XIV тома Св. Зак. Устава о предупреждении и пресечении преступлений и предоставленных помещикам, я обязал, без огласки, упомянутых владельцев подписками не брить вперед своим крестьянам полголовы, за исключением только такого случая, когда это будет сделано в виде наказания и сопряжено с домашним арестом.

Такое распоряжение, вынужденное необходимостью предупреждения могущих возникнуть дурных последствий и сделанное без малейшей огласки, имею честь представить на усмотрение В. В., долгом считая присовокупить, что к сделанному мною распоряжению я почитаю необходимым присовокупить правило, что бритье голов в виде наказания и сопряженное с домашним арестом не иначе может быть допущено, как по воле самого владельца или управляющего имением его по законной доверенности, а отнюдь не по распоряжению временных и бездоверенных управителей и старост;—о последующем же покорнейше прошу почтить меня разрешением, для руководства на будущее время».

На подлинном надпись: Его Высочайшего Превосходительства изволил обратить особое внимание на сие донесение.

Ответное секретное письмо министра внутр. дел графа Л. А. Перовского ¹⁾, от 22 июля 1844 г.

«На представление Вашего Превосходительства от 13 сего июля за № 419 о принятии некоторыми помещиками вверенной Вам губернии правила брить полголовы тем из крестьян своих, кои делают побег и самовольные отлучки из мест их жительства, считаю долгом уведомить, что хотя с одной стороны и желательно бы не видеть употребления этой меры в помещичьих имениях, но с другой и возбранять помещикам прибегать к оной для удержания от бродяжничества крестьян их дурного поведения я не предвижу необходимости, ибо эта полицейская мера, не заключающая в себе никакого истязания, может быть действительною для удержания помещичьих людей от бродяжничества».

А. Б.

Стоимость наемного труда на полевых работах по данным 1871 года.

Министерство внутренних дел затребовало 15 октября 1871 года от губернаторов цифровые данные о стоимости наемного труда при посеве, сенокосе и уборке хлеба ²⁾. Сведения были получены не от всех губернаторов, а только от 39, при чем по некоторым губерниям сведения имеются не по всем уездам. Из доставленного материала видно, что цены на рабочую силу были весьма разнообразны не только по губерниям, но даже в уездах одной губернии.

Повышение платы за труд происходило от различных причин, но главным образом зависело от урожая: если урожай был хорош, то и требования на рабочие руки возросли, что влекло за собою повышение платы. Заработная плата подыалась в местностях, подвергшихся эпидемическому заболеванию холерою, так как от уменьшения здорового трудового населения увеличилось требование на наемный труд.

¹⁾ Гр. Л. А. Перовский (1792—1856). Окончил курс в Московском университете... В 1841 г. назначен министром внутренних дел, с сохранением должности товарища министра уделов... Довольно значительною была его деятельность в комиссиях по крестьянскому вопросу... Признавал уничтожение крепостного права весьма желательным, он советовал освободить крестьян с землею (но так, чтобы не «обеднить» помещиков), в правах сравнять их с государственными крестьянами и действовать путем постепенного изменения, предварительно приняв меры к улучшению местного управления и особенно земской полиции, к устройству и уравниванию повинностей денежных и натуральных и к обеспечению народного продовольствия.—Ср. Энциклопедич. словарь Брокгауза—Ефрона.

²⁾ Дело 1 ст. 1 Отд. Хоз. Д-та М. В. Д. 1871 г. № 109.

Ниже приводятся сведения о ценах на рабочую силу в 1871 г. по губерниям: Петроградской, Олонецкой, частью Псковской, Новгородской и Архангельской.

В Петроградской губ. цены на рабочие руки, чем ближе к столице, тем дороже, при чем в Ямбургском уезде цены начали повышаться со времени открытия работ по устройству Балтийской железной дороги, а в Гдовском—в виду требования значительного числа рабочих в Петроград.

В Олонецкой губ. плата рабочему увеличивается или уменьшается в зависимости от погоды, благоприятствующей или препятствующей полевым работам. Летние и годовые рабочие всегда имели продовольствие от нанимателей и даже выговаривали часть одежды сверх условленной платы.

В Холмском уезде Псковской губ. рабочие ежемесячно не нанимались, а летние и годовые рабочие пользовались продовольствием от нанимателя.

В Череповецком уезде Новгородской губ. продовольствие было от нанимателя.

В Архангельском уезде Архангельской губ. ¹⁾ обработка полей производилась самими хозяевами, что не представлялось особенно затруднительным, так как на семью в Архангельском уезде приходилось не более двух десятин земли. В тех же редких случаях, когда хлебопашцы прибегали к найму посторонних людей, плата за день не превышала 40 коп., при продовольствии за счет рабочего, а с лошадыю доходила до 1 руб. Несмотря на столь незначительное вознаграждение, оно падает еще ниже в других уездах, где свободных рабочих рук было больше, а, следовательно, сильнее конкуренция между ними.

Условия обработки полей наемным трудом в Холмогорском уезде одинаковы с Архангельским уездом; дневная плата рабочему на его продовольствии не превышала 40 коп., с лошадыю доходила до 1 руб.

Плата в Шенкурском уезде не подымалась выше 30 коп. на продовольствии рабочего, что зависело отчасти от значительного числа женщин, нанимающихся там для полевых работ за весьма низкие цены.

В Пинежском уезде цены за обработку полей посредством наемного труда были весьма невысоки.

Жители Кемского уезда нанимались для земледельческих работ обыкновенно на продовольствии нанимателя. Такой же порядок существовал и во 2-м стане Онежского у., почему показанные в ведомости на продовольствии нанимающегося цифры относятся собственно только к 1-му стану уезда.

В Кемском уезде плата за лето превышает плату в год, потому что жители этого уезда заняты преимущественно морскими промыслами, и на год для земледельческих работ нанимаются лишь неспособные к морским промыслам.

В 4 и 5 станах хлебопашества не существовало, и лошадей не было. Поеденная плата во время сенокоса рабочему—60 коп. и работнице 40 коп.

По Онежскому уезду средняя плата при продовольствии от нанимателя оказалась в некоторых случаях вышею, чем плата на продовольствии самого рабочего; объясняется это тем, что жители 2-го стана этого уезда заняты большею частью работами на заводах. Отдельно же взятая по 1-му стану уезда плата при продовольствии от нанимателя во всех случаях оказывается много ниже, чем при продовольствии самого рабочего.

Г. Лапо.

Таблица цен на рабочую силу—см. след. страницы.

¹⁾ Дело 1 ст. 1 Отд. Хоз. Д-та М. В. Д. 1871 г. № 140, ч. 1.

Цены на рабочую силу в 1871 году по Петроградской и Олонецкой губерниям, Череповцу и Кемскому уездам

		ПОДЕННАЯ					
		Посев.			Сенокос.		
		Работник с лошадыю.	Пеший.	Работница.	Работник с лошадыю.	Пеший.	Работница.
Петроградская губ.							
Петроградский у.	продовольствие нанимателя	1.50	—40	—25	2.—	—60	—40
	продовольствие рабочего	1.25	—50	—45	2.25	—75	—55
Царскосельский у.	продовольствие нанимателя	1.75	—45	—30	1.—	—75	—35
	продовольствие рабочего	1.75	—60	—40	1.50	—90	—50
Петергофский у.	продовольствие нанимателя	1.50	—50	—25	—8	—60	—40
	продовольствие рабочего	2.—	—70	—40	1.50	—80	—50
Новоладожский у.	продовольствие нанимателя	от 75 до 1.40	от 40 до 50	от 20 до 30	от 1.75 до 1.—	от 60 до 75	от 35 до 45
	продовольствие рабочего	от 1 до 1.50	от 50 до 60	от 30 до 40	от 1 до 1.50	от 75 до 1 р.	от 30 до 40
	продовольствие нанимателя	—	—	—	—	—	—
	продовольствие рабочего	—	—	—	—	—	—
Шлиссельбургск. у.	продовольствие нанимателя	от 1.— до 50	от 70	от 35 до 50	от 1.— до 1.—	от 40 до 60	от 40 до 60
	продовольствие рабочего	1.80	до 1 р.	50	1.80	1.20	60
Ямбургский у.	продовольствие нанимателя	1.15	—30	—20	1.75	—75	—40
	продовольствие рабочего	1.40	—50	—30	2.—	1.—	—60
Гдовский у.	продовольствие нанимателя	—75	—50	—15	—80	—70	—25
	продовольствие рабочего	1.—	—75	—25	1.10	—80	—30
Лужский у.	продовольствие нанимателя	от 60 до 1 р.	от 30 до 50	от 10 до 20	от 1 до 1.25	от 50 до 75	от 15 до 30
	продовольствие рабочего	от 80 до 1.75	от 50 до 1.20	от 2 до 30	от 1 до 1.50	от 75 до 1 р.	от 25 до 40
Олонецкая губ.							
Петрозаводский у.	продовольствие нанимателя	1.—	—60	—18	1.—	—80	—50
	продовольствие рабочего	1.50	1.—	—40	1.30	1.20	—80
Олонецкий у.	продовольствие нанимателя	—75	—45	—20	—	—55	—20
	продовольствие рабочего	—85	—70	—35	1.5	—75	—35
Повенецкий у.	продовольствие нанимателя и его одежда	1.—	—45	—25	1.—	—	—
	продовольствие рабочего	1.30	—60	—40	1.50	—70	—45
Каргопольский у.	продовольствие нанимателя	от 75 до 1 р.	от 30 до 90 к.	—20	—	—5	—40
	продовольствие рабочего	—	—	—	—	—	—
Вытегорский у.	продовольствие нанимателя	1.—	—50	—20	1.—	—75	—30
	продовольствие рабочего	1.50	—75	—30	1.50	1.—	—40
Пудожский у.	продовольствие нанимателя	—75	—50	—30	—75	—50	—30
	продовольствие рабочего	1.—	—60	—40	1.—	—60	—40
Лодейнопольск. у.	продовольствие нанимателя	1.—	—50	—30	1.—	—50	—35
	продовольствие рабочего	1.30	—80	—45	1.50	—80	—50
Новгородская губ.							
Череповецкий у.	продовольствие нанимателя	—40	—25	—15	—80	—60	—20
	продовольствие рабочего	—	—	—	—	—	—
Псковская губ.							
Холмский у.	продовольствие нанимателя	—40	—25	—15	—45	—30	—15
	продовольствие рабочего	—80	—45	—35	—90	—50	—35
Архангельская губ.							
Онежский у.	продовольствие нанимателя	1.15	—40	—20	1.35	—50	—25
	продовольствие рабочего	1.—	—50	—25	1.50	—70	—35
Кемский у.	продовольствие нанимателя	1.35	—70	—	—	—90	20
	продовольствие рабочего	—	—	—	—	—	—
по 4 и 5-му станам Кемского уезда	продовольствие нанимателя	—	—	—	—	—60	—40
	продовольствие рабочего	—	—	—	—	1.—	—60

Сообщения Ученой комиссии по исследованию истории труда в России.

I.

Положение об Ученой комиссии по исследованию истории труда в России.

(Утверждено Президиумом Петр. Совета Проф. Союзов).

1) Комиссия имеет задачей разработку архивных материалов и использование печатных источников по истории труда в России и тех социальных групп, которые живут личным трудом, а также опубликование научных исследований. В соответствии с этим Комиссия устанавливает план ближайших работ и, сохраняя за собою руководство и наблюдение, поручает выполнение их постоянным сотрудникам и отдельным специалистам.

2) Перемены в личном составе Комиссии производятся по соглашению Комиссии с Петроградским Советом Профессиональных Союзов.

3) Комиссия большинством голосов избирает из своей среды председателя, заместителя председателя (управляющего делами) и членов Редакционной коллегии, а также назначает как постоянных (получающих определенный оклад), так и временных (оплачиваемых сдельно) сотрудников.

Примечание. При включении новых лиц в установленное число постоянных сотрудников Комиссия испрашивает разрешения Петроградского Совета профессиональных союзов на производство дополнительного расхода.

4) Заседания Комиссии происходят не реже одного раза в неделю. Ее постановления заносятся в протоколы, подписываемые присутствующими членами ее.

Заместитель председателя дает отчет о ходе работ и представляет предположения о дальнейших заданиях.

5) Редакционная коллегия собирается по мере надобности. Она докладывает Комиссии о ходе своих занятий.

6) Комиссия и Редакционная коллегия могут приглашать на свои заседания как сотрудников, так и посторонних лиц, могущих быть полезными своими познаниями.

7) Каждые три месяца Комиссия представляет Петроградскому Совету Профессиональных союзов отчет о своей деятельности.

8) На всех изданиях Комиссии отмечается, что данная книга выпущена ею, а также указываются редакторы.

9) Комиссия ведет от своего имени переписку с учреждениями и лицами по научным вопросам.

10) Комиссия в праве вступать в соглашения с Главархивом, Российской Публичной Библиотекой и другими учреждениями о предоставлении ей во временное пользование рукописных и печатных источников под ее полную ответственность.

11) Комиссия может разрешать отдельным лицам пользоваться с научной целью материалами, имеющимися в ее распоряжении, при чем эти лица обязаны подчиняться правилам, установленным Комиссией.

12) Никакая часть материалов, принадлежащих Комиссии, не может быть уносима из помещения Комиссии, разве на это последует разрешение всех ее членов.

13) Собrania сотрудников, постоянных и временных, происходят еженедельно под председательством заместителя председателя.

14) На собраниях сотрудников присутствуют члены Редакционной коллегии и члены Комиссии, которым это поручено ею.

15) Служащие канцелярии назначаются заместителем председателя.

II.

Отношением от 10 декабря 1921 г. № 5244 Петроградское Отделение Управления Научными учреждениями академического центра уведомило Ученую Комиссию, что она зарегистрирована в управлении с 8-го декабря 1921 г.

III.

К сведению и руководству сотрудников.

Усиленные изыскания, сосредоточенные в нескольких крупных архивах, привели к тому, что в короткий срок в архивном каталоге, составляемом Комиссией, накопилось столь значительное число карточек, что они в ближайшее время не могут быть в достаточной мере использованы исследователями; с другой стороны, часть карточек оказалась в своей массе до известной степени однородного характера, так как отражает материалы небольшого числа архивов. Между тем интенсивное составление каталога ослабило исследова-

тельскую работу сотрудников, от результатов которой зависит содержание „Архива истории труда в России“. Поэтому, экономя как денежные средства, так и силы сотрудников, Комиссия признала нужным: временно задержать чрезмерный наплыв карточек, допуская дальнейший приток их лишь постольку, поскольку они вносят в архивный каталог разнообразие, а вместе с тем заняться, в интересах „Архива истории труда в России“, по мере возможности, изучением самих архивных материалов, зафиксированных архивным каталогом.

В виду этого постановлено:

а) на время прервать или умерить обследование архивов государственного совета, сената и министерства внутренних дел и начать изыскания в сравнительно небольших по размеру архивах горного департамента, сухопутных и водных сообщений;

б) предложить сотрудникам знакомиться с отдельными делами или группами их, обращающими на себя внимание заключающимися в них данными или затрагиваемыми в них темами, и представлять соответствующие письменные доклады, сообщая не только о содержании дела, но и об его особенностях, об его значении для освещения тех или иных вопросов (эти доклады будут особо храниться, как ценное подспорье для исследователей); материалы, признанные заслуживающими быть обработанными или опубликованными в „Архиве истории труда в России“, будут передаваться компетентным сотрудникам.

Примечание. Если какое-нибудь дело, просмотренное сотрудником, не может быть использовано, сотрудник делает краткое письменное сообщение о содержании дела и о причине, по какой оно непригодно.

Так как план систематизации архивного каталога уже установлен и в связи с этим выработана в основных чертах классификация карточек, то с целью облегчить труд систематизаторов, необходимо, чтобы сотрудники сдавали карточки для архивного каталога, разбив их на соответствующие группы (напр, рабочие, крестьяне, ремесленники, и проч.). Если какая-либо карточка не подходит ни к одной из намеченных групп, сотрудник делает об этом отметку на карточке, и в этом случае место для нее в каталоге подыскивается систематизатором.

Редакционная Коллегия:

Юлий Гессен, И. М. Кулишер, А. Е. Пресняков.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ

„Архива истории труда в России“.

Часть первая.

	Стр.
1. На московско-новгородской парусной фабрике. Марии Мурзановой	1—7
2. Жизнь рабочих на кренгольмской мануфактуре. (Волнения рабочих в 1872 г.). С. Фарфоровского	8—14
3. Был-ли первоначально русский север крестьянским? С. Платонова	15—18
4. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. К. Пажитнова	19—24
5. Вурлаки в первой половине 19-го века. Юл. Гессена	25—36
6. Фабрично-заводские волнения и фабричное законодательство. В. Колпенского	37—43
7. Морозовская стачка 1885 года. Р. Кантора	44—53
8. Устройство быта свободных хлебопашцев. В. Бирюковича	54—64
9. Условия труда на петербургских заводах по данным 1901 г. А. Блека	65—85
10. Из истории производств в С.-Петербурге за 18-й век и первую четверть 19-го века. П. Столпянского	86—104
11. Цехи «вольных матросов» в Новороссийском крае в 1830-53 гг. А. Путилова	105—107

Часть вторая.

12. Первые шаги легализованного профессионального движения в России. Сообщ. Р. Кантор	108—123
13. Из официальной записки о крестьянских беспорядках в 80-х годах 19-го века. Сообщ. В. Колпенский	124—127
14. Пидипоны или крестьяне-старообрядцы. Н. Мурзанова	128—131
15. Волнения среди фабрично-заводских рабочих. К. Пажитнова	132—137
16. Крестьяне-самоучки. Наталли Платоновой	138—140
17. Факты и цифры. Заметки архивистов	141—155

Движение среди петербургских рабочих в 1901 г.—Об оставлении рабочими работ на фабрике в Вышнем-Волочке.—К вопросу об освобождении беглых бродяг от крепостной работы.—К статистике горнозаводских рабочих (1828 г.).—Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек (1844 г.).—Стоимость наемного труда на полевых работах по данным 1871 г.

Часть третья.

18. Сообщения Ученой комиссии по исследованию истории труда в России	156—158
--	---------

Культурно-Просветительное Кооперативное Товарищество

„НАЧАТКИ ЗНАНИЙ“.

Петроград,
Проспект 25 Октября (быв. Невский) № 110.

Книгоиздательство и Книжный магазин.

Книжный магазин отпускает книги по всем отраслям знания и специально по учебно-педагогической и детской литературе.

НОВЫЕ КНИГИ:

А. Калмыкова и О. Каница—Указатель лучшей детской литературы.

А. Калмыкова—Мировая художественная литература, как учитель юных поколений.

и П. Черепнин—Некрасов, его жизнь и творчество.

и П. Черепнин—Достоевский, его жизнь и творчество.

Б. Е. Соколова—Грамматика германца, ч. I и II.

П. И. Гражданский—Первые шаги в арифметике, ч. I и II.

„ЭКОНОМИСТ“

Вестник XI Отдела Русского Технического Общества.

Редакционная Коллегия: В. Д. Бруцкус, А. И. Буковецкий, С. И. Зверев, Д. С. Зернов, Е. И. Зубашев, А. С. Каган, В. И. Ковалевский, И. М. Кулишер, Д. А. Лутухин, Н. В. Монахов, А. Л. Рафалович.

ВЫШЕЛ № 1:

Статьи В. Д. Бруцкуса, Дж. Кейнео, И. М. Кулишера, Пит. Сорокина, Л. Л. Пумпянского, Д. Д. Протопопова, А. Л. Рафаловича, В. М. Штейна и др.

Редактор С. И. Зверев.

Уполном. издат. А. С. Каган.

Издания „АРТЕЛЬТРУДСОЮЗА“. (Петроград, Фонтанка, 34).

1. Слобожанин, М.—Историч. развитие идей артельного движения. Изд. 2-е.
2. Егоров, М.—Артели. Общедоступный очерк.
3. „Артельное Дело“—№№ 1-4, 5-8, 9-16, 17-20 (под ред. В. С. Миролюбова).
4. Устав промышленной кустарной артели (г-ва) (2-ое перераб. изд.).

ГОТОВЯТСЯ

1. Болотов, П. А.—Краткое руководство по учету производств. артелей в связи с основами общего учета (2-ое изд.).

5. Устав союзов промысл., производств., сельскохозяйств. и лесных артелей и товариществ.
6. Устав лесной артели.
7. Блатов, Н. А.—Элементарный курс общей бухгалтерии.
8. Кооперативный календарь на 1922 г.

К ПЕЧАТИ:

2. Блатов, Н. А.—Основы калькуляции.
3. Слобожанин, М.—Основные моменты в развитии западно-европ. кооперации.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВО“

Петроград, Литейный просп., № 28.

М. И. Боголепов: Европа после войны.
Петр. 1921 г. (распр.).

А. М. Смирнов: Кризис денежной системы французской революции. Петр. 1921 г.

Карл Диль: Золото и валюта во время и после войны. Пер. А. С. Кагана.
Петр. 1921 г.

И. М. Кулишер: Международные торговые договоры (в печати).

Б. Д. Бруцкус: Аграрный вопрос и аграрная политика в России (в печати).

В. Э. Ден: Новая Европа (в печати).

Norman Angel: Версальский мир и экономический хаос в Европе. Пер. под ред. проф. М. И. Боголепова.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЫСЛЬ“.

Петроград, Ковенский, 11.

Снабжение провинциальных книжных организаций литературой по различным отраслям знания.

Вышла в свет вторая (№ 2-3) книга

„ВЕСТИНИКА ТРУДА“.

Изд. Петрогр. губернского совета профессиональных союзов.

Склад издания: Культурно-просветительный отдел Петр. губ. совета проф. союзов.

Петроград,

Бульвар Професс. союзов, д. № 21.

В. Гессен. ВЕЧЕВОЙ СУД.

ц. 1000 р.

Продается во всех книжных магазинах.

Склад издания «ОСНОВА».

Петроград, Литейный, 25, кв. 1.

УЧЕНАЯ КОМИССИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ.

Председатель С. Ф. Платонов.

Заместитель председателя: Ю. Л. Гессен.

Члены: И. М. Кулишер, А. Е. Пресняков, А. С. Путилов,
Е. В. Тарле, Г. В. Цыперович и представитель культурно-просветительного отдела Петр. совета профессора З. И. Любинский.

Адрес Комиссии: Петроград, здание Главного управления архивным делом, вход с площади (против памятника Петра I), подъезд б. сената.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ

„Архива истории труда в России“.

Часть первая.

1. Задачи и деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России. Ю. Гессена. - 3
2. История труда и ее значение. Е. Тарле. - 6 стр.
3. Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей исторической литературе. И. М. Кулишера. - 11
4. Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения. А. Преснякова. - 34 стр.
5. Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводские рабочие (Из истории крестьянских волнений). Ю. Гессена. стр. 48
6. Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I. В. Бирюковича. стр. 63.
7. „Первое мая“ в России. В. Колленского. стр. 80

Часть вторая.

8. Волнения среди фабрично-заводских рабочих (с 1824 г. по 1860 г.). К. Пажитнова. стр. 86
9. Материалы для истории рабочих на горных заводах. Сообщил А. Шебалов. 91
10. Против забастовок на заводах морского ведомства. Сообщ. А. Блек. стр. 113
11. Из практики предварительного обследования заводских архивов (архивы Обуховского и Балтийского заводов). А. Блека. стр. 116
12. О состоянии некоторых фабрично-заводских архивов в Петрограде. стр. 122
13. Эпизод из хозяйственной жизни крепостной вотчины 19 века.—Б. Романова. 124

Часть третья.

14. К сведениям и руководству сотрудников. - стр. 146

С. А.
2

1-2

12/xii 72

Журнал „Архив истории труда в России“ продается во всех книжных магазинах.

Склад издания: Культурно-просветительный отдел Петроградского совета профессиональных союзов.

Петроград, Бульвар Профессиональных Союзов, д. № 21.